

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 10 2023 (ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

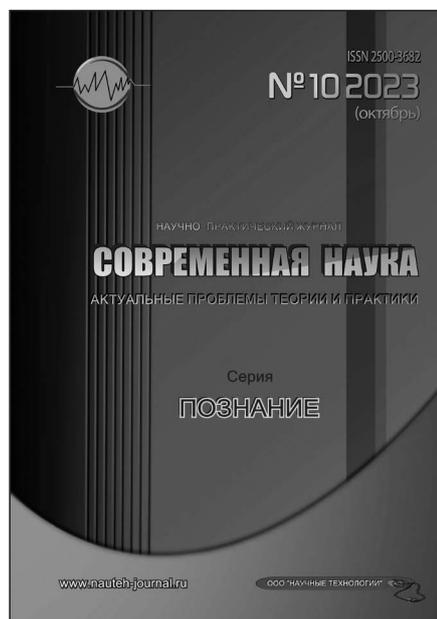
Подписано в печать 11.10.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №10 (октябрь) 2023 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Васильева Е.Н. – Трансдисциплинарность в современном искусстве
Vasilyeva E. – Transdisciplinarity in contemporary art. 5

Енчинов Э.В. – Традиционная игровая культура в алтайском социуме в начале XXI в.
Enchinov E. – Traditional gaming culture in the Altai society at the beginning of the XXI century 10

У Хунчан, Ткач Д.Г. – Влияние технологии окрашивания ткани на декорирование полихромной керамики «Сань-Цай» в период династии Тан
Wu Hongchang, Tkach D. – The influence of fabric dyeing technology on the decoration of polychrome ceramics "San-Cai" during the Tang Dynasty 13

Психология

Кадыров Р.В., Капустина Т.В., Садон Е.В., Гайдай А.С. – К вопросу профессионального выгорания у медицинских работников в зарубежных исследованиях
Kadyrov R., Kapustina T., Sadon E., Gaidai A. – To the question of professional burnout of medical workers in foreign researches 20

Кутумов А.С., Бадмаева Н.Ц. – Локус контроля как фактор проявления потребительской паники
Kutumov A., Badmaeva N. – Locus of control as a factor in the manifestation of consumer panic. 27

Мосунова К.А. – Последствия исторических потрясений и их влияние на повседневную жизнь потомков
Mosunova K. – The consequences of historical upheavals and their impact on the everyday life of descendants 31

Потапова Е.В., Скутина Т.В., Непомнящая И.В., Калиновская К.С. – Паттерны привязанности и характеристики семейной системы у матерей находящихся в пенитенциарных учреждениях
Potapova E., Skutina T., Nepomnyashchaya I., Kalinovskaya K. – Attachment patterns and characteristics of the family system in mothers in penitentiary institutions. 38

Ри Шин Хян – Культурный код и его психосемантические особенности национального сознания
Ri Shin Khian – The cultural code and its psychosemantic features of national self-awareness 42

Рыжов К.И. – Коммуникация с потребителем в век цифровых технологий: анализ зарубежных исследований
Ryzhov K. – Communication with the consumer in the digital age: analysis of the foreign research 45

Трифонов М.М. – Развитие представлений о благополучии личности: от древних времен к современным подходам
Trifonov M. – Development of ideas about personal well-being: from ancient times to modern approaches 49

Уманская Е.Г., Цветкова Н.А. – Дистанционное онлайн обучение для повышения квалификации: особенности мотивации
Umanskaya E., Tsvetkova N. – Distant online training for improving qualifications: features of motivation 55

Чжан Цзяньвэнь, Цзян Дань – Психическое состояние китайцев на Дальнем Востоке России во время пандемии коронавируса
Zhang Jianwen, Jiang Dan – The mental state of the Chinese in the Russian Far East during the coronavirus pandemic. 64

Яковлева С.Л. – Эмпирическое исследование развития нравственных и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России
Yakovleva S. – An empirical study of the development of moral and volitional qualities of cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia 67

Философия

Высоцкая И.А. – Стремление человека к бессмертию в контексте культурно-исторического развития
Vysotskaya I. – Man's desire for immortality in the context of cultural and historical development. 73

Киричук Д.В. – Место историософской концепции К.Н. Леонтьева в российской общественно-философской мысли
Kirichuk D. – The place of K.N. Leontiev's historiosophical concept in Russian socio-philosophical thought 78

Скопа В.А., Вольных С.С. – Современная социокультурная ситуация: социально-философский аспект
Skopa V., Volnykh S. – Modern socio-cultural situation: socio-philosophical aspect 82

Соколов В.Д., Шувалова О.И., Карпин В.А. – Проблемы медицинской науки: этиология
Sokolov V., Shuvalova O., Karpin V. – Problems of medical science: etiology 86

Фусу Л.И. – Парадоксальность и антиномия в лиминальные периоды
Fusu L. – Paradox and antinomy in liminal periods 92

Информация

Наши авторы. Our Authors. 96

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 97

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

TRANSDISCIPLINARITY IN CONTEMPORARY ART

E. Vasilyeva

Summary: This scientific article explores the transdisciplinary approach to knowledge and its relationship with the classical method of objective cognition. In contrast to the latter, the transdisciplinary approach includes an analysis of both objective parameters of reality and subjective factors of personal perception. It also differs from the classical method of dividing knowledge into separate disciplines. The author substantiates that transdisciplinarity makes it possible to identify new methods of solving problems for which the system of separate disciplines is ineffective. The author gives an example of contemporary art, where transdisciplinarity is expressed in the interweaving of different disciplines, allowing artists to express their vision through objective reality and their subjective perception.

The research aims to examine the main features of the transdisciplinary approach, the process of its formation and its impact on contemporary art. The results presented in the article can contribute to a deeper understanding of transdisciplinarity and its application in other fields of knowledge.

Keywords: reality, transdisciplinarity, subjectivity of perception, contemporary art, science.

Васильева Евгения Николаевна

Кандидат юридических наук, юрист коллегии адвокатов,
«Гриднев, Харитонов и Партнеры» (г. Москва)
office@lpg.com

Аннотация: Данная научная статья исследует трансдисциплинарный подход к знанию и его взаимоотношение с классическим методом объективного познания. В отличие от последнего, трансдисциплинарный подход включает в себя анализ как объективных параметров реальности, так и субъективных факторов персонального восприятия. Он также отличается от классического метода разделения знания на отдельные дисциплины. Автор обосновывает, что трансдисциплинарность позволяет выявить новые методы решения проблем, для которых система обособленных дисциплин неэффективна. Автор приводит пример современного искусства, где трансдисциплинарность выражается в переплетении разных дисциплин, позволяя художникам выразить свое видение через объективную реальность и свое субъективное восприятие.

Исследование ставит своей целью рассмотрение основных особенностей трансдисциплинарного подхода, процесс его становления и его влияние на современное искусство. Представленные в статье результаты могут способствовать более глубокому пониманию трансдисциплинарности и ее применению в других областях знания.

Ключевые слова: реальность, трансдисциплинарность, субъективность восприятия, современное искусство, наука.

Трансдисциплинарность – это подход к организации знаний, который стал популярен в конце 20 века в результате критики общепринятого разделения знаний на дисциплины в школах, университетах и других учебных учреждениях. Сторонники этого подхода поднимают вопросы моральной и этической ответственности за разделение знаний и предлагают создать новые формы знаний путем объединения содержания различных дисциплин. Такой подход позволяет выявить и проанализировать все соответствующие параметры реальности и точки зрения на проблему. Этот подход ставит под сомнение фундаментальные предпосылки разделения знаний по дисциплинам.

Большой вклад в развитие теории трансдисциплинарной науки внес Басараб Николаеску и основанный им Международный центр трансдисциплинарных исследований (CIRET). И.А. Колесникова утверждает, что Николаеску основал CIRET вместе с философом Эдгаром Моринем, философом и изобретателем троичной логи-

ческой системы Стефаном Лупаску и историком искусств Рене Бержеро в 1986 г.¹.

Термин «трансдисциплинарность» стал широко использоваться, начиная с 1994г., после проведения Первого всемирного конгресса по трансдисциплинарности в Конvente де Аррабира, в Португалии. Итогом этого конгресса стала принятие Хартии трансдисциплинарности под редакцией Лима де Фрейтаса, Эдгара Морена и Басараба Николаеску.

Публикация Хартии Трансдисциплинарности вызвала рост интереса к этой образовательной концепции, которая, согласно мнению Д. Рапорта, была связана главным образом с социальными науками и технологией. Стоит отметить, что некоторые исследователи, такие как Дж. Клайн, считают трансдисциплинарность подкатегорией междисциплинарности, развившейся и разработавшей свою собственную риторику².

1 Колесникова И.А. Трансдисциплинарная стратегия исследования непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2014. № 4 (8). С. 16.

2 Klein J.T. The rhetoric of interdisciplinarity: Boundary work in the construction of new knowledge // The Sage handbook of rhetorical studies / ed. A.A. Lunsford. Thousand Oaks, CA: Sage, 2009. P. 263-283.

Данная риторика отличается рядом особенностей, которые позволяют говорить о независимости трансдисциплинарности от всего предшествующего дисциплинарного мышления и организации научных исследований и образовательного процесса.

В 90-е годы XX века трансдисциплинарность стала актуальным решением «новых, сложных глобальных проблем»³, начиная от изменения климата и устойчивого развития и заканчивая множеством областей науки, техники и искусства. Данный подход получил признание за свою применимость к решению реальных проблем, которые требуют нового способа понимания и поиска решения. Невозможность решения таких проблем с позиций одной дисциплины привлекает внимание трансдисциплинарных исследователей, которые считают, что сложность решаемой проблемы является главным критерием междисциплинарных исследований⁴.

Е.Н. Князева считает, что использование трансдисциплинарного подхода необходимо из-за «сложности и раздробленности реальности»⁵, которую невозможно познать, используя лишь один подход (например, науку).

Реальность, согласно Николеску, представляет собой «уровни, разделенные друг от друга», и каждому уровню свойственен свой способ познания. Например, исследователь приводит уровень субъективного опыта и уровень воображенных миров. Эти уровни реальности являются теми областями, в которых современная наука терпит поражение. Недостаточность науки в некоторых сферах познания человека требует применения других методов. Сочетание методов познания, которое Николеску именуется «трансдисциплинарная герменевтика», позволяет увидеть богатство и многомерность окружающего мира. По словам Дж. Беренштейна: «Трансдисциплинарный подход предполагает, что субъект и объект познания должны быть равноценными объектами внимания»⁶. Трансдисциплинарность в настоящее время характеризуется тремя аспектами. Во-первых, она со-

средоточена на решении «неприятных» проблем, требующих творческого подхода. Во-вторых, она делает акцент на участии заинтересованных сторон. Наконец, она включает в себя социально ответственную науку.

Идея об уровнях реальности является ключом к пониманию трансдисциплинарности. К идее уровней реальности Николеску пришел через изучение квантовой физики: «квантовые частицы в микрофизическом мире радикально отходят от законов макрофизического мира, потому что их уровень реальности имеет иное пространство-время. Они подчинены иным законам и фундаментальным понятиям, чем законы гравитации, скорости света, логики или причинности»⁷. По сути, произошло слияние концепций квантовой механики с различными философскими направлениями. М.Ю. Андреева и Л.И. Вотинцева заявляют, что центральным элементом в концепции уровней реальности выступает опровержение наличия универсальных законов природы, которые «всеобщие и однозначны»⁸. Согласно классической науке, реальность требует единообразия, а противоречивость всегда означает неправильность одного из двух противоположных мнений. Николаеску выступает за изменение этой логики на понятие «троичная логика». Концепция троичной логики была создана Стефаном Лупуско, одним из основателей CIRET. В этой логике «А может одновременно быть и А, и не-А на другом уровне реальности, подобно суперпозиции в квантовом мире»⁹. Николаеску считает, что то, что кажется взаимоисключающими противоречиями на одном уровне реальности (например, воображаемого и реального), возможно не будет противоречить на других уровнях реальности¹⁰.

Главное отличие трансдисциплинарности от остальных подходов заключается в ее направленности на сложность реальности, которая обнаруживается при рассмотрении проблемы или феномена с разных точек зрения для обнаружения «скрытых связей между различными областями знаний»¹¹.

3 Пястолов С. М. Генезис и перспективы трансдисциплинарности // Terra Economicus. 2016. Вып. 14, № 2. С. 146.

4 Bunge M. Emergence and convergence: Qualitative novelty and the unity of knowledge. Toronto: University of Toronto Press, 2003. P. 46.

5 Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10. С. 194.

6 Bernstein J.H. Transdisciplinarity: A Review of Its Origins, Development, and Current Issues // Journal of Research Practice. 2015. Vol. 11, N 1. P. 7.

7 Nicolescu B. The hidden third and the multiple splendor of being // Transdisciplinarity in philosophy and science: Approaches, problems, prospects / eds. V. Bazhanov, R. W. Scholz. Navigator, Moscow, 2014. P. 62– 79.

8 Андреева М.Ю., Вотинцева Л.И. Трансдисциплинарный подход к исследованию социально-экономических процессов // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2013. № 27. С. 87.

9 Lupasco S. Le principe d'antagonisme et la logique de l'énergie – Prolégomenes e une science de la contradiction // Actualites scientifiques et industrielles / Hermann & Cie (Coll.). Paris, 1951. N 1133 (2nd ed. Le Rocher, Monaco, 1987).

10 Nicolescu B. From modernity to cosmopolitanism. Science, culture, and spirituality. New York, NY: SUNY.

11 Madni A.M. Transdisciplinarity: Reaching beyond disciplines to find connections // Transactions of the Society for Design and Process Science. 2007. N 11(1). P. 1-11.

Другими словами, трансдисциплинарное мышление – это результат растущей осознанности исследователями ограниченности и искаженности приоритетов дисциплинарного мировоззрения и необходимости учета множества аспектов. Сегодняшняя наука не способна полностью понять и постичь субъективный опыт. Современная наука существенно ограничена в раскрытии всех богатств реальности. Николаеску говорит: «знание между науками, через них и вне их»¹² может помочь в освоении реальности во всей ее полноте, а это подразумевает обращение к трансдисциплинарности.

Трансдисциплинарность, тем не менее, не является всеобъемлющей методологией, охватывающей всю реальность одним и тем же образом. Поэтому, согласно мнению Николаеску, для достижения подлинного знания современная научная практика должна дополняться культурной, философской, художественной, субъективной, духовной сферами.

С точки зрения науки, правда может не соответствовать личному опыту и интуитивному знанию человека или находиться в конфликте с ними. Но вместо того, чтобы отвергать интуитивное знание, как это часто делает наука, мы должны признать возможность одновременного существования интуитивного знания и научных истин на разных уровнях реальности. Это также означает, что существует множество истин, только на разных уровнях реальности, и их одновременное наличие в процессе познания является неизбежным.

Еще одно важное понятие в контексте трансдисциплинарности – пластичность (*flexibility*). По мнению трансдисциплинарных исследователей, реальность пластична и «меняется в зависимости от наших мыслей, чувств и действий... Это не что-то снаружи или внутри нас; оно одновременно внутри и снаружи»¹³. В рамках трансдисциплинарности реальность – просто «все, что существует». Она бесконечна по своей природе и «навсегда скрыта» в своей полноте. Мы никогда не сможем «охватить» ее полностью¹⁴. Реальность – это совокупность научных и ненаучных представлений о нашей окружающей действительности. Каждый человек имеет свой собственный набор представлений, и, следовательно, свою

реальность.

Понимание того, что окружающая действительность пластична, может иметь ряд важных последствий в поведении и способе познания человека. Пластическая природа реальности требует от индивида проявлять рефлексию, то есть всегда подвергать сомнению свои знания с учетом возможной предвзятости. Эта предвзятость может быть связана не только с процессом мышления и анализа, но и с тем, как мы воспринимаем, чувствуем и действуем в жизни. Эдгар Морин так говорит об этой проблеме: «Знание не является зеркалом вещей или внешнего мира; все восприятия представляют собой церебральные переводы и реконструкции стимулов и знаков, схваченных и закодированных чувствами»¹⁵. Он добавляет: «Как мы хорошо знаем, это влечет за собой бесчисленные ошибки восприятия, хотя эти восприятия происходят от видения, нашего самого надежного чувства». Знание в форме слов, идей и теорий является плодом перевода/реконструкции посредством языка и мысли и как таковое подвержено ошибкам. Проекция наших страхов и желаний и наши эмоции увеличивают риск ошибок»¹⁶.

Проблема современной науки заключается также в исключении субъекта познания из самого процесса познания. Наука не интересуется субъективным контекстом, в котором происходит познавательная деятельность человека. Х. Дилман утверждает, что современная наука «была основана на идее полного разделения между познающим субъектом и реальностью, которая, как предполагалось, была полностью независимой от субъекта, который ее наблюдал»¹⁷. Важно, чтобы в трансдисциплинарном знании уделялось равное внимание субъекту и объекту познания.

Николеску считает, что знание художника – это знание, которое приходит «откуда-то ещё»¹⁸, а именно, из внутреннего мира художника, где воображение и откровения находятся в невидимом мире. Познание мира не зависит только от эмпирических исследований и направлено не только на изучение объектов во внешнем мире. Если говорить о трансдисциплинарной методологии, то по мнению Б. Николеску, научно-техническая

12 Nicolescu B. Transdisciplinarity, past, present and future // *Moving worldviews – Reshaping sciences, policies and practices for endogenous sustainable development* / eds. H. Bertus, C. Reijntjes. Holland: COMPAS Editions, 2006.

13 Nicolescu B. The hidden third and the multiple splendor of being // *Transdisciplinarity in philosophy and science: Approaches, problems, prospects* / V. Bazhanov, R. W. Scholz. Navigator, Moscow, 2014. P. 62-79

14 Nicolescu B. Methodology of transdisciplinarity – Levels of reality, logic of the included middle and complexity // *Transdisciplinary Journal of Engineering & Science*. 2010. N 1(1). P. 25.

15 Morin E. *Seven complex lessons in education for the future*. Paris: UNESCO, 2001. P. 5.

16 Morin E. *Method, volume 3: Knowledge of knowledge*. Milano: Feltrinelli, 1986.

17 Dieleman H. *Transdisciplinary Hermeneutics: A Symbiosis of Science, Art, Philosophy, Reflective Practice, and Subjective Experience* // *Issues in Interdisciplinary Studies 35 (Interdisciplinary Collaboration)*. 2017. January. P. 7.

18 Nicolescu B. Transdisciplinarity: The hidden third, between the subject and the object. *Human & Social Studies // Research and Practice*. 2012. № 1(1). P. 18.

культура интересуется только объектом, а духовность пересекает границы объекта и исследует также субъект и его взаимодействие.

Таким образом, установление коммуникации возможно только в условиях культуры, объединяющей научно-технический и духовный аспекты, и это объединение предполагает глубокое взаимопроникновение науки и духа¹⁹. Этот подход объединяет в себе то, что можно измерить с помощью материального языка, с тем, что является невидимым и использует язык воображения, и воплощается в «притчах, символах, мифах, легендах, откровениях»²⁰. Такой подход позволит науке найти новые пути развития. Философские концепции представляют собой абстрактные понятия, отражающие идеи нематериальной действительности, а наука занимается изучением материальных реалий. Искусство занимает проме-

жуточное положение между ними, так как оно создает материальную реальность, в то же время одновременно визуализируя определенные абстрактные философские концепции или идеи.

Формирование новых взаимоотношений между науками, философией и искусствами является актуальным культурным явлением, следствием которого является возникновение смежных областей знаний, где переплетаются различные подходы и методы. С точки зрения искусствоведения можно отметить закономерное развитие таких направлений, как концептуальный и сайнс арт, которые появились во второй половине 20 века и активно развиваются в настоящее время. Эти направления связаны с постепенным внедрением трансдисциплинарного подхода в работу философов, ученых и художников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, М.Ю. Трансдисциплинарный подход к исследованию социально-экономических процессов / М.Ю. Андреева, Л.И. Вотинцева // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. – 2013. – № 27. – С. 87.
2. Князева, Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е.Н. Князева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 10. – С. 194.
3. Колесникова, И.А. Трансдисциплинарная стратегия исследования непрерывного образования / И.А. Колесникова // Непрерывное образование: XXI век. – 2014. – № 4 (8). – С. 16.
4. Пястолов, С.М. Генезис и перспективы трансдисциплинарности / С.М. Пястолов // Terra Economicus. – 2016. Вып. 14. – № 2. – С. 146.
5. Alvargonzález, D. Multidisciplinarity, interdisciplinarity, transdisciplinarity, and the sciences / D. Alvargonzález // International Studies in the Philosophy of Science. – 2011. – Vol. 25(4). – P. 388.
6. Bunge, M. Emergence and convergence: Qualitative novelty and the unity of knowledge / M. Bunge. – Toronto: University of Toronto Press, 2003. – P. 46.
7. Bernstein, J.H. Transdisciplinarity: A Review of Its Origins, Development, and Current Issues / J.H. Bernstein // Journal of Research Practice. – 2015. – Vol. 11. – №1. – P. 7.
8. Dieleman, H. Transdisciplinary Hermeneutics: A Symbiosis of Science, Art, Philosophy, Reflective Practice, and Subjective Experience / H. Dieleman // Issues in Interdisciplinary Studies 35 (Interdisciplinary Collaboration). – 2017. January. – P. 7.
9. Klein, J.T. The rhetoric of interdisciplinarity: Boundary work in the construction of new knowledge / J.T. Klein // The Sage handbook of rhetorical studies / ed. A.A. Lunsford. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2009. – P. 263-283.
10. Lupasco S. Le principe d'antagonisme et la logique de l'énergie – Prolégomenes e une science de la contradiction // Actualites scientieques et industrielles / Hermann & Cie (Coll.). – Paris, 1951. – №1133 (2nd ed. Le Rocher, Monaco, 1987).
11. Madni, A.M. Transdisciplinarity: Reaching beyond disciplines to find connections / A.M. Madni // Transactions of the Society for Design and Process Science. – 2007. – Vol. 11(1). – P. 1-11.
12. Morin, E. Method, volume 3: Knowledge of knowledge / E. Morin. – Milano: Feltrinelli, 1986.
13. Morin, E. Seven complex lessons in education for the future / E. Morin. – Paris: UNESCO, 2001. – P. 5.
14. Nicolescu, B. From modernity to cosmopolitanism. Science, culture, and spirituality / B. Nicolescu. – New York, NY: SUNY.
15. Nicolescu, B. Manifesto of transdisciplinarity / B. Nicolescu. – Albany, NY: State University of New York Press, 2002. – P. 144.
16. Nicolescu, B. Methodology of transdisciplinarity – Levels of reality, logic of the included middle and complexity / B. Nicolescu // Transdisciplinary Journal of Engineering & Science. – 2010. – N 1(1). – P. 19-38.
17. Nicolescu, B. The hidden third and the multiple splendor of being / B. Nicolescu // Transdisciplinarity in philosophy and science: Approaches, problems, prospects / eds. V. Bazhanov, R.W. Scholz. – Navigator, Moscow, 2014. – P. 62– 79.
18. Nicolescu, B. Transdisciplinarity, past, present and future / B. Nicolescu // Moving worldviews – Reshaping sciences, policies and practices for endogenous sustainable development / eds. H. Bertus, C. Reijntjes. – Holland: COMPAS Editions, 2006.
19. Pisters, P. The neuro-image, A Deleuzian elm-philosophy of digital screen culture / P. Pisters. – Stanford, CA: Stanford University Press, 2008.

19 Nicolescu B. Manifesto of transdisciplinarity. Albany, NY: State University of New York Press, 2002. P. 144.

20 Там же. P. 144.

20. Pop, I.G. A transdisciplinary approach to knowledge in mechatronics education [Electronic resource] / I.G. Pop, V. Maties // Paper presented at Mechatronics. Le Grand-Bornand, France, 2008. – URL: https://www.academia.edu/3082313/Transdisciplinary_Approach_to_Knowledge_in_Mechatronics_Education
21. Transdisciplinarity: Recreating integrated knowledge / eds. M.A. Somerville, D.J. Rapport. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 2000. – P. 67.
22. Wallerstein, I. The uncertainties of knowledge / I. Wallerstein. – Philadelphia: Temple University Press, 2004.

© Васильева Евгения Николаевна (office@lpg.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Москва

ТРАДИЦИОННАЯ ИГРОВАЯ КУЛЬТУРА В АЛТАЙСКОМ СОЦИУМЕ В НАЧАЛЕ XXI В.

Енчинов Эркин Валериевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», (г. Горно-Алтайск) enchinov_e@mail.ru

TRADITIONAL GAMING CULTURE IN THE ALTAI SOCIETY AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

E. Enchinov

Summary: The article deals with the traditions of the gaming culture of the Altaians. Actually, the Altai games can be divided into three large blocks: intellectual-logical, sports-competitive and ritual-ritual games. The first group of games includes such games as Altai checkers / chess, riddles, cards. The second group is Altai wrestling, horse racing, archery, weight lifting, various types of running. The third group is the ritual games of the wedding cycle and calendar rituals. Many traditional Altai games continue to exist at the beginning of the 21st century.

Keywords: Altaians, ethnography, traditions, custom, game, intellectual games, sports games, ritual games.

Аннотация: В статье рассматриваются традиции игровой культуры алтайцев. Собственно, алтайские игры можно разделить на три крупных блока: интеллектуально-логические, спортивно-состязательные и обрядово-ритуальные игры. К первой группе игр относятся такие игры как алтайские шашки / шахматы, загадки, карты. Вторая группа алтайская борьба, конные скачки, стрельба из лука, поднятие тяжестей, разные виды бега. Третья группа ритуальные игры свадебного цикла и календарной обрядности. Многие традиционные алтайские игры продолжают бытовать и в начале XXI в.

Ключевые слова: алтайцы, этнография, традиции, обычаи, игра, интеллектуальные игры, спортивные игры, ритуальные игры.

Игровая культура является одной из древнейших форм организованной, логически выстроенной деятельности человека, посредством игры человек с детства не только отработывал навыки необходимые для выживания, но и находил в ней убежище, где законы повседневности на время становятся второстепенными.

В алтайской традиции феномен игры, также занимает важное место, в героических сказаниях можно встретить разные сцены игр, при этом это не только силовые, состязательные игры, но и интеллектуальные, как например, загадывание загадок, алтайские шашки / шахматы и др. Игра закладывает незыблемые столпы алтайской культуры, так игрой-состязанием объясняется главенство маленькой мышки в 12-летнем животном календаре, так как она своей сообразительностью перехитрила верблюда и находясь у него на голове, первой увидела лучи восходящего солнца, а верблюд не удачник по правилам игры не только не возглавил животный календарь, но и вообще не попал в него [5, 2022: 127].

В начале XXI в. игра в алтайской культуре продолжает выполнять свои социокультурные функции, при этом значительно возросла ее психологическая составляющая, так при заключении брачного союза игра помогает преодолеть психологический барьер между роднящимися сторонами, и именно традиционные игры, в силу общеизвестности правил и условий, оказываются наиболее приспособленными для сокращения дистанции.

В играх, связанных с инвентарем и снаряжением, по ловкости обращения с арканом или плеткой, люди, занятые животноводством быстро находят общий язык и интересы. Также игровая деятельность позволяет сохранять культурные ценности социума, облачая их в тело обряда или ритуала, восстанавливая, казалось бы, уже утраченные элементы, как например, катание на новогодних праздниках с горы на шкурах, философия игры в этом случае сплетается с ритуалом помощи весне, когда движение / скатывание с горы как бы стирает зиму, ускоряет приход весны и тепла.

Существует множество классификаций народных игр, разделяющих по способам игры, организационным формам, количеству игроков, пространственно-временной локализации, но на наш взгляд наиболее оптимальным является классификация игр по способу функционирования игрового акта, когда функция игры одновременно является ее причиной и целью. Естественно, игровой процесс многогранен и включает множественные цели и задачи, вместе с этим выделим следующие типы алтайских народных игр: 1) интеллектуально-логические игры; 2) спортивно-состязательные; 3) обрядово-ритуальные [5, 2022: 127].

Отметим также что представленные типы могут облучаться в разные формы игры, интеллектуально-логические игры, как например, загадывание загадок в определенной своей стадии может перерасти в настоящую спортивную драму или наоборот спортивная игра стать

полем битвы строгого расчета последующих ходов и действий.

Традиционно игровым пространством могло стать любое удобное место, будь то в стенах *айыла* или на улице, в процессе созидания или во время отдыха. В конце XX в. народные игры возрождаются вновь, но изменившаяся реальность и уклад существенно уменьшило число людей, хорошо знающих и разбирающихся в традиционных играх и как следствие уменьшилось игровое пространство. Так за ожесточенными состязаниями по алтайским шашкам/шахматам можно наблюдать только на больших и значимых праздниках, когда за игровым полем собираются мастера игры, а красивую, поэтически выстроенную, сложную загадку можно услышать опять же в определенных ситуациях. Но все же традиционные игры все еще живут и бытуют среди народа, а люди поддерживающие и играющие в них пользуются заслуженным авторитетом и уважением.

К интеллектуально-логическим играм отнесем игру в загадки *табышкактар табар ойын*, алтайские шашки / шахматы *шатра*, также из серии шахматно-шашечных игр *топыйт*, *карчага*, *талу*. При этом в некоторых шахматно-шашечных играх одновременно могли принимать участие от двух до шести человек [1, 2014: 408]. Не вдаваясь в детали, остановимся только на одной популярной интеллектуальной игре – алтайские шашки / шахматы *шатра*. Правила игры отчасти сочетают игру в шашки и шахматы. Игра *шатра* упоминается в фольклорных произведениях и имеет древнюю историю, в настоящее время используются правила игры, восстановленные и согласованные в 70–80-х гг. XX в. Игра *шатра* уже в 1979 г. была включена в Единую спортивную классификацию, что позволяет по сей день проводить соревнования различного уровня. Игровое поле сильно отличается от классической шашечной 64-клеточной доски, в алтайской игре доска состоит из 62 клеток и состоит из двух крепостей по краям *шибеелер* и большого квадрата по середине поля *јалан*, также выделяют ворота крепостей в виде одной клетки. Большое поле разделяется по середине рвом, разметка игрового поля ассиметрична, в крепостях преобладают противоположенные цвета. Игровыми юнитами служат фигурки двух богатырей и 24 воинов. В игре участвуют две стороны, богатыри стремятся уничтожить как можно больше воинов, которые в свою очередь стремятся пленить богатырей, создании позиции, когда богатыри будут лишены возможности сделать очередной ход. Игра в ничью в шатре не допускается [4, 1960: 147–152].

Спортивно-состязательные игры в алтайской культуре представляют собой значительный пласт народных представлений о здоровье, красоте, достатке и успешности. В состязаниях издревле в подрастающем поколении воспитывались такие качества, как смелость, упорство,

трудолюбие, смекалка и находчивость. На начало XXI в. данный тип народных игр занимает значительное место в игровой культуре коренных жителей Горного Алтая и включают такие игры-состязания, как: алтайская борьба *алтай кюреш*, конные скачки *ат чабыш*, стрельба из лука *ок-јаа*, поднятие тяжестей *кёджурге таш*, выбивание колышек плетью *камчы ойын*, разные виды бега и т.д. Зрелищным видом состязаний является алтайская борьба. Выделяют несколько видов алтайской борьбы, по унифицированным правилам, соперники стараются повалить друг друга на лопатки используя захваты, броски, подсечки, также существует разновидность борьбы на кушаках *курлу кюреш*, когда правой рукой борец держит пояс на спине противника, левой рукой пояс спереди, вариантом борьбы на кушаках является борьба с поднятием соперника *кёджурип кюреш*, по правилам побеждает тот, кто сможет выше поднять противника. Также известны такие виды как борьба броском при помощи ноги через себя *ачый*, при помощи пояса, способом притягивания соперника к себе и заваливания его на лопатки *кучак кюреш*, борьба на лошадиных потниках *кийисте кюреш*, когда проигрывает тот, кто первым коснется рукой или другой частью тела, кроме ступней, войлока, земли [3, 2015: 124].

Обрядово-ритуальные игры, именно как игры менее известны чем интеллектуальные и спортивные, но их функционал и смысловая нагрузка крайне важна для коренного населения региона. Поэтому они в меньшей степени выделяются исследователями как тип игры и в основной своей массе рассматриваются как часть обряда или ритуального действия. Синкретизм игры и обряда вполне объясняется особенностями этих категорий, когда посредством игры, игрового действия обеспечивается механизм реализации таких полисемантических культурно-философских понятий как удача, плодородие, отведение скверны, открытие дороги и т. д. Особенно хорошо прослеживается синкретизм на обрядах и ритуалах традиционной алтайской свадьбы. Согласно мировоззрению алтайцев, свадьба – это не только заключение брачного союза мужчины и женщины, но и заключение союза двух родов, когда свидетелями скрепления кровнородственных уз помимо присутствующих людей становятся духи и божества. С целью привлечения удачи, плодородия или же выполнении магически-охранительной функции проводят ритуальные игры выбрасывание голени животного *јодо чачар*, через дымоход летнего жилища *айыл*, считается большой удачей если ее поймает молодой не женатый парень, также игры жеребца и кобылы *айгыр ла бее*, символической игровой продажи племянника, переодетого в зимнюю одежду невесты *кыс садары*, «продают» его за песни, веселые игры и т.д. При этом игра продажа племянника невесты отчасти развлекает гостей, но информанты также указывают, что продажа племянника всегда идет раньше собственно акта заключения брака, когда открывается ритуальный зана-

вес, скрывающий невесту *кёжжэ*. Продажа племянника таким образом снимает скверну с обычая ритуального умыкания невесты и отводит «в сторону» влияние вредоносных сил и дурного глаза [2].

Таким образом, игровая культура в алтайском социуме на начало XXI в. демонстрирует не просто определенную степень сохранности, но и культурно-историческую преемственность. Так некоторые сюжеты алтайских героических сказаний содержат сцены и примеры игры

в *шатра*, карты, загадывание загадок, спортивные состязания, при этом культурным фоном игровой деятельности выступает повседневность, окружающий мир, который на время игры приобретает особые рамки и характеристики. Из основных типов игр можно выделить интеллектуальные, спортивные и ритуальные игры, каждый из которых содержит в себе целый сонм отдельных игр, в которых отражается культурно-исторический код народов Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н.В. Екеев (отв. ред.), Н.М. Екеева, Э.В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск: Изд-во ИП «Пермякова С.А.», 2014. – 464 с.
2. Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова. Материалы научных экспедиций. Дело №133. Делдошпоев Валерий Кымович, 1963 г.р., сеок оочы, Место рождения и проживания с. Келей Усть-Канского р-на Республики Алтай. Запись и расшифр. Енчинова Э. В. 2019 г.
3. Народные игры алтайцев / автор-сост. В.П. Ойношев. – Горно-Алтайск: Изд-во «Полиграфика», 2015. – 144 с.
4. Пахаев С.Я. Шатра (алтайская национальная игра) // Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ. – Горно-Алтайск, 1960. Вып. 3. – С. 147–156.
5. Этнографический атлас Республики Алтай / Редколлегия: Н.В. Екеев (отв. ред.), Э.В. Енчинов (науч. ред.), Г.Б. Эшматова, А.П. Чемчиева; НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2022. – 462 с.

© Енчинов Эркин Валериевич (enchinov_e@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОКРАШИВАНИЯ ТКАНИ НА ДЕКОРИРОВАНИЕ ПОЛИХРОМНОЙ КЕРАМИКИ «САНЬ-ЦАЙ» В ПЕРИОД ДИНАСТИИ ТАН

У Хунчан

Аспирант, Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
Москва

114121513@aliyun.com

Ткач Дмитрий Геннадьевич

Кандидат искусствоведения, профессор, Российский
государственный университет имени А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство), Москва

tkach.dmitry@mail.ru

THE INFLUENCE OF FABRIC DYEING TECHNOLOGY ON THE DECORATION OF POLYCHROME CERAMICS "SAN-CAI" DURING THE TANG DYNASTY

**Wu Hongchang
Tkach D.G.**

Summary: This article provides a comparative analysis of the methods of dyeing fabrics of the Tang dynasty and decorating polychrome ceramics in the "San-Cai" style. The relationship between the decorative patterns used on the polychrome "San-Cai" ceramics and the pattern created by dyeing fabrics is considered. The paper discusses the similarities between the decorating techniques of "San-Cai" polychrome ceramics and the principles of fabric dyeing. It is noted that the decorative techniques used in the creation of patterns on polychrome ceramics imitate the effects characteristic of fabric dyeing technology and contribute to the effective development of innovative methods of decorating polychrome ceramics "San-Cai", giving it a unique style.

Keywords: Tang Dynasty, fabric dyeing, "San-Cai" multi-colored ceramics, Ornament, style.

Аннотация: В данной статье проводится сравнительный анализ методов окрашивания тканей эпохи династии Тан и декорирования полихромной керамики в стиле «Сань-Цай». Рассматривается взаимосвязь между декоративными узорами, применяемыми на полихромной керамике «Сань-Цай», и рисунком, создаваемым при окрашивании тканей. В работе обсуждается сходство между техниками декорирования полихромной керамики «Сань-Цай» и принципами окрашивания тканей. Отмечается, что декоративные приемы, используемые при создании узоров на полихромной керамике, имитируют эффекты, характерные для технологии окрашивания тканей, и способствуют эффективному развитию инновационных методов декорирования полихромной керамики «Сань-Цай», придавая ей уникальный стиль.

Ключевые слова: Династия Тан, окраска ткани, полихромная керамика «Сань-Цай», орнамент, стиль.

Актуальность темы

Возникновение и развитие искусства тесно связаны с процессом заимствования из различных художественных традиций. Династия Тан в Китае принимала активное участие в экономическом и торговом обмене со странами всего мира, что также способствовало культурному и художественному обмену. В контексте династии Тан возникла полихромная керамика «Сань-Цай». Развитие этого вида керамики преимущественно связано с удовлетворением спроса со стороны высших слоев общества того времени. Форма, декоративные элементы и мастерство в изготовлении полихромной керамики «Сань-Цай» отражают влияние других художественных ремесел. В свою очередь, это селективное подражание становится неотъемлемой составляющей собственной художественной индивидуальности данного вида керамики [2].

Процесс декорирования полихромной керамики «Сань-Цай» обладает разнообразием, и его формирование имеет значительные сопряжения с иранской технологией изготовления изделий из золота и серебра, а

также с технологией окрашивания тканей, применяемой в ту же эпоху. Исследования, проводимые учеными в стране и за рубежом, направлены на изучение декоративных элементов полихромной керамики «Сань-Цай», с целью эмуляции формы и рельефного оформления, характерных для иранских изделий из золота и серебра. Однако, исследований, посвященных влиянию техники окрашивания ткани на декор полихромной керамики «Сань-Цай» в период династии Тан, до настоящего времени проведено недостаточно. Главная причина этого недостатка заключается в ограниченном количестве археологических материалов, доступных данным ученым для исследования.

С помощью анализа археологических данных, связанных с образцами тканей и керамики, данное исследование способствует более глубокому изучению сходства между их декоративными узорами и процессами декорирования. Это позволяет осуществить объективный анализ и систематическую оценку основных преимуществ технологии окрашивания тканей и их влияния на декоративный стиль полихромной керамики из династии Тан, известной как «Сань-Цай».

Согласно проведенным исследованиям по декору полихромной керамики «Сань-Цай» в различных странах, наиболее значимыми являются два ученых из Китая и Японии. Японский исследователь Масахико Сато в своей статье «Одноцветная глазурованная керамика династии Тан и трехцветная глазурованная керамика» классифицирует декорирование полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан на шесть типов. Первый тип предполагает нанесение прозрачной глазури на поверхность керамики, за которой следует нанесение цветной глазури. Существуют также случаи, когда сначала наносятся цветные глазури, а затем прозрачная глазурь. Второй тип включает создание узоров, напоминающих бусины, на поверхности керамики. Третий тип предусматривает нанесение диагональных линий на поверхность керамики. В четвертом типе применяется метод, при котором цветная глазурь наливается на поверхность керамики с использованием ложки в качестве инструмента, что приводит к плавному смешиванию различных цветов и образованию линейных форм. Пятый тип включает нанесение разноцветных блоков на поверхность керамики. В шестом типе, используя метод батика, на поверхность керамики сначала наносится прозрачная глазурь, после чего с помощью воска, соответствующего белым областям рисунка, создают узор. Затем цветная глазурь применяется для общего изображения узора. Воск служит барьером для жидкой глазури, и в процессе обжига керамики воск сгорает, оставляя белые узоры на местах, где был нанесен воск. Представленная классификация декора полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан, основанная на исследованиях Масахико Сато, представляет собой систематическое и структурированное описание различных способов декорирования этого типа керамики [3].

В книге китайского ученого Ли Чжияня «Китайская керамика – династия Тан: Саньцай многоцветная керамика» представлено детальное описание различных методов цветного глазурного декорирования полихромной керамики «Сань-Цай», применяемой во время династии Тан. Автор выделяет десять типов декорирования. Первый тип включает использование пуантилизма для нанесения точечных узоров различных цветов на поверхность керамики. Второй тип представляет собой создание диагональных линий на цветном фоне керамики. Третий тип предполагает нанесение более плотного слоя цветной глазури сверху на поверхность керамики. При обжиге в печи эти глазури плавятся и растекаются, создавая естественные декоративные эффекты. Четвертый тип включает украшение поверхности контрастными крупными цветовыми блоками. Пятый тип предусматривает деление поверхности керамики на небольшие участки, на которых затем наносятся узоры. Шестой тип основан на нанесении рельефных узоров на цветной фон керамики, за которыми следует нанесение цветной глазури. Седьмой тип включает вырезание узоров

на поверхности керамики для украшения. Восьмой тип представляет собой создание формы для узора, которая затем используется для печати узора на поверхности керамики. Девятый тип предполагает создание узора из глиняной крошки, который затем приклеивается на поверхность керамики. Наконец, десятый тип основан на различных вариациях расположения точек и линий на поверхности керамики [6].

В эпоху династии Тан, в контексте техники окрашивания ткани, часто применялся метод батика. В рамках этого процесса, на белую ткань наносился расплавленный желтый воск для создания узоров. После окрашивания ткань подвергалась обработке горячей водой, которая удаляла воск и придавала белым узорам своеобразную форму. Еще один декоративный метод окрашивания ткани включал использование шитья и завязывания узелков с помощью иглы и нитки. В таком случае, узлы надежно фиксировались и окрашивались, при этом швы оставались неокрашенными, что создавало белые узоры на ткани. Кроме того, был распространен метод, при котором семена растений заворачивались в ткань, затем плотно завязывались и окрашивались, что создавало разнообразные узоры в зависимости от размера семян.

С помощью вышеупомянутых методов окрашивания тканей возможно создание разнообразных декоративных узоров на материалах. Однако, следует отметить, что данные техники не могут быть непосредственно применены при декорировании керамики. В случае изделий из полихромной керамики «Сань-Цай», узоры преимущественно создаются путем имитации узоров, полученных при окрашивании тканей.

На самом деле, о связи между технологией окрашивания тканей династии Тан и декором полихромной керамики «Сань-Цай», китайский историк Шэнь Цунвэнь рассказал в статье «О технологии окрашивания тканей» в 50-х годах 20 века: В эпоху династии Тан применение технологии окрашивания тканей было распространено, и существовало много видов декоративных узоров тканей, а некоторые из них позже использовались в декоре керамики. Он также привел пример женской скульптуры из полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан, в зеленой юбке, украшенной маленькими белыми цветами, которая была изготовлена методом батика из ткани времен династии Тан.[5]

Сравнительный анализ декоративных узоров полихромной керамики «Сань-Цай» и тканей династии Тан

Декор полихромной керамики «Сань-Цай» из династии Тан эмулирует характерные узоры, используемые на текстильных изделиях того времени, при этом термин "эмуляция" имеет два аспекта: эмуляция визуаль-

ного оформления и эмуляция технических принципов. Эмуляция визуального оформления относится к воспроизведению внешнего вида, в то время как эмуляция технических принципов связана с воссозданием технологических приемов. Согласно исследованиям, проведенным по анализу полихромной керамики «Сань-Цай» из династии Тан, стало ясно, что в начале восьмого века была установлена связь между декором этой керамики и техникой окрашивания тканей, широко распространенной в то время. Это проявляется преимущественно в использовании узоров, имитирующих процесс батика, которые широко применяются в декоративных элементах полихромной керамики «Сань-Цай». [4]

Археологические исследования раскопок, связанных с династией Тан, предоставляют возможность проанализировать узоры, характерные для текстильных изделий этого периода. Среди выявленных характерных узоров следует отметить первый, представленный бисерным орнаментом. Второй узор состоит из геометрических мотивов, в то время как третий – это растительные формы. Четвертый узор образован симметричными изображениями животных. Следует также упомянуть, что развитие и совершенствование технологий окрашивания тканей в период династии Тан привело к увеличению разнообразия цветовых оттенков. Согласно результатам текущего хроматографического анализа тканей, обнаруженных в археологических раскопках Синьцзяна, Китай, было установлено, что в общей сложности присутствуют двадцать четыре различных цвета.

Ниже приводится основной анализ взаимосвязи между декоративными узорами полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан и узорами, характерными для текстильных изделий того же периода.

Наиболее распространенным элементом украшения тканей династии Тан являются узоры, обладающие сходством с бисером. Археологические находки также подтверждают обилие тканей данного периода с подобным бисерным узором. Один такой артефакт – красная ткань длиной 14,5 см и шириной 7,5 см, была обнаружена в гробнице «Астана № 305» в Синьцзяне, Китай, в 1959 году. На верхней части этой ткани представлен круглый белый узор, который без перерывов простирается в четыре направления. Распределение цвета от центра круглого узора во все стороны свидетельствует о применении швейного крашения в процессе окрашивания ткани. Данный узор является наиболее простым и характерным для технологии крашения тканей, и поэтому он пользуется длительной популярностью и широким распространением среди населения [5].

Искусство декорирования полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан в значительной мере отражает графические узоры, которые были популярны в ту эпоху.

Этот тип декора применялся, например, на коробочках для макияжа из полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан, а также на костюмах женских керамических скульптур. Особенно интересно отметить, что узоры из бисера на этой керамике являются отражением техник окрашивания ткани, которые использовались в эпоху династии Тан (Рисунок 1). Исходя из данного факта, можно сделать вывод о связи между узорчатым декором полихромной керамики «Сань-Цай» и технологиями окрашивания ткани, характерными для династии Тан.

В ходе археологических раскопок в Синьцзяне, Китай, в гробницах династии Тан были обнаружены красные ткани, украшенные детальными цветочными мотивами. Эти ткани были созданы с использованием техники окрашивания. Декоративный узор на полихромной керамике «Сань-Цай» имитирует подобные цветочные узоры. Например, в одной из гробниц династии Тан в провинции Шэньси, конкретно в гробнице, раскопанной в 1955 году, была обнаружена керамическая скульптура служанки, одетая в зеленое платье с нежными цветочными мотивами. Исторические записи свидетельствуют о популярности данного стиля одежды во времена династии Тан. (Рисунок 2)

Мелкие цветочные узоры в декоре ткани часто появляются в декоре предметов повседневной необходимости в полихромной керамике «Сань-Цай» династии Тан. Примеры включают подушки, косметические коробки, горшки и кувшины (Рисунок 3).

На основании исследований ученых было установлено, что в эпоху династии Тан широко применялись декоративные узоры в форме бусин и мелких цветочных мотивов, которые были созданы с использованием техники окрашивания ткани, известной как батик. Керамические мастера того времени, вдохновленные этими узорами, внедрили их в декор полихромной керамики, известной как «Сань-Цай». Они мастерски компоновали и сочетали эти узоры, создавая новые эффекты их расположения, а затем применяли технологию изготовления керамики для украшения полихромной керамики «Сань-Цай» [5].

В ходе археологических раскопок в Синьцзяне, Китай, в 1972 году был обнаружен артефакт из династии Тан «ткань с лепестковыми узорами». Размеры этой ткани составляют 63 см в длину и 15 см в ширину. Она имеет красный цвет, а белые лепестковые узоры на ней расположены в четырехстороннем непрерывном порядке. Между лепестками наблюдается эффект светло-коричневого расхождения, который, возможно, является результатом окрашивания лепесткового узора двумя цветами. Контур и симметричные лепестки каждого узора напоминают современные логотипы, используемые в больницах (см. Рисунок 4).

Рис. 1. Ткани династии Тан и полихромная керамика «Сань-Цай», украшенные узорами, похожими на бисерное расположение

Рис. 2. Красная ткань династии Тан и скульптура служанки из полихромной керамики «Сань-Цай», украшенные мелкими цветочными мотивами

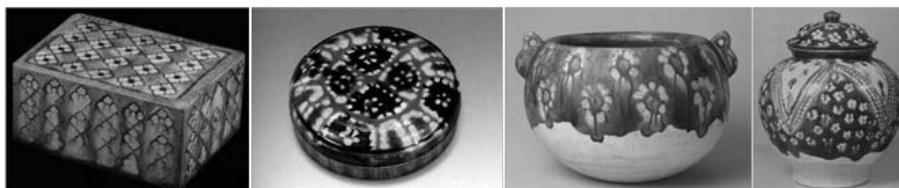

Рис. 3. Полихромная керамика «Сань-цай» повседневной необходимости, украшенная мелкими цветочными узорами

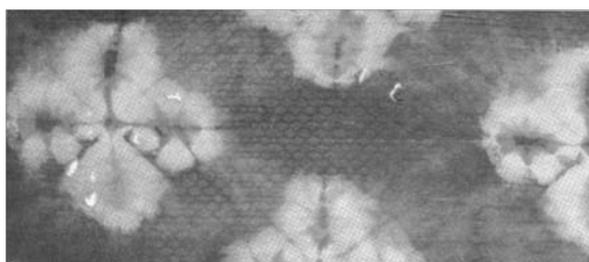

Рис. 4. Ткань с лепестковым узором из династии Тан, раскопанная в Синьцзяне, Китай, в 1972 году

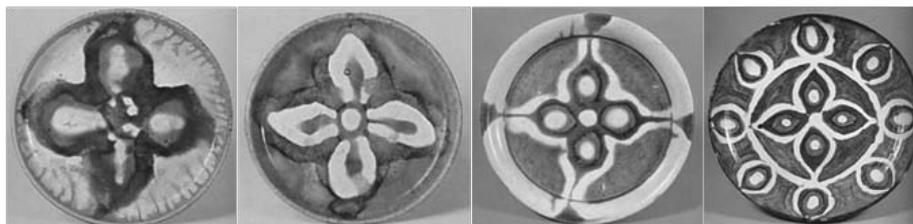

Рис. 5. Четыре тарелки из китайской полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан в коллекции Токийского национального музея в Японии, украшенные лепестковыми узорами

Декоративный узор полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан включал в себя использование лепесткового орнамента, который часто применялся для декорирования керамических тарелок. Обычно данный узор размещался в центре тарелки в форме четырехлепесткового цветка, чей диаметр соответствовал ширине тарелки. В коллекции Токийского национального музея в Японии имеются четыре китайские тарелки из династии Тан, на которых изображен лепестковый узор. На двух из этих тарелок лепестковый узор представлен с эффектом расходящихся элементов: в центре тарелки располагается белая тычинка, окруженная коричневыми лепестками с синим контуром. Лепестковый узор на центральных частях двух других тарелок имеет четкую форму, а контуры лепестков украшены белыми линиями. (Рисунок 5).

Лепестковые узоры, которые можно обнаружить на тарелках из полихромной керамики «Сань-Цай» в Токийском национальном музее, представляют собой заметное сходство с узорами на тканях династии Тан, обнаруженных археологами. Однако имеются некоторые различия в цветовой гамме, а также в форме лепестков, которые образуют симметричные «крестообразные» структуры на керамических изделиях. Общая форма лепестков также напоминает эффект батика - технику окрашивания тканей, особенно в контексте нечеткого перекрытия узора и взаимного проникновения различных цветов. Однако, следует отметить, что в отношении мастерства выполнения этих лепестковых узоров имеются различия между полихромной керамикой «Сань-Цай» и окрашиванием тканей. На тарелках полихромная керамика «Сань-Цай» демонстрирует использование акварельных ручек для создания лепестковых узоров, в то время как на тканях лепестковые узоры формируются путем нанесения воска и последующего складывания материала. Мастера, создавшие полихромную керамику «Сань-Цай» во времена династии Тан, экспериментировали с физическими свойствами свинцовой глазури при низких температурах, такими как текучесть и смешиваемость, чтобы имитировать эффект батика, применяемый в окрашивании тканей. Это позволяло им достичь похожего визуального эффекта и создавать красивые лепестковые узоры на поверхности керамических изделий. [6]

Данная ткань с ромбовидным узором, обнаруженная в провинции Синьцзян, Китай, в 1969 году, относится к эпохе династии Тан. Исследования показывают, что алмазный узор был широко распространенным вариантом декоративного орнамента на тканях, выпущенных в период династии Тан, уже в VII веке. Данный узор представляет собой регулярную сетку, состоящую из мелких клетчатых узоров, имеющих форму ромба. В процессе окрашивания данной ткани применяется технология, основанная на симметричном размещении исходной структуры сетевого узора. Ткань тщательно складывается в соответствии с требованиями технологического

процесса, затем прошивается и плотно завязывается перед погружением в воду для окрашивания. После завершения окрашивания на ткани появляется нерегулярный непрерывный узор белых пятен вдоль края ромбовидного стежка (Рисунок 6). Таким образом, эта техника окрашивания позволяет создать эффектный контраст между окрашенными участками ткани и образовавшимися белыми пятнами, что придает особый характер и привлекательность этому типу текстильного орнамента.

В декоративном узоре полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан также встречаются сетчатые ромбовидные узоры. Профессор Ван Ю, китайский текстильный археолог, изучил и проанализировал три кувшины полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан с ромбовидными узорами в коллекции Лоянского музея. Он считает, что ромбовидные декоративные узоры на этих трех керамических изделиях были узорами, заимствованными из технологии окрашивания тканей династии Тан. Разумеется, узоры на тканях династии Тан были одноцветными и имели регулярное расположение. Декоративный узор полихромной керамики «Сань-Цай» – это новый тип узора, который мастера рекомбинируют в виде сочетания точек, линий и поверхностей, и декоративный эффект получается более замысловатым. (Рисунок 7)

В коллекции Токийского национального музея имеются две подушки из полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан, которые представляют значительный интерес для изучения украшения и орнаментации. Эти изделия демонстрируют обширное использование двух птичьих мотивов, преимущественно изображений уток-мандаринок, уток, журавлей и других птиц, в сочетании с узорами лотоса, создающими симметричные композиции [1].

Среди обнаруженных в 1968 году в Синьцзяне, Китай, тканей династии Тан, включена красная ткань с изображением белой утки-мандаринки. Исследователи полагают, что данная ткань была произведена с применением техники батика. Изображение утки-мандаринки на данной ткани аналогично изображению утки-мандаринки на подушке, выполненной из полихромной керамики в стиле «Сань-Цай». Мотивы с изображением уток-мандаринок также встречаются на тканях династии Тан, собранных в Японии в хранилище Шосоин. Можно предположить, что мотив утки-мандаринки на подушке полихромной керамики «Сань-Цай» действительно связан с мотивом на тканях того времени, это означает, что данный вид симметричного узора утки-мандаринки является распространенным декоративным элементом, характерным для эпохи династии Тан. Мотив утки-мандаринки на подушке полихромной керамики «Сань-Цай» имитируется на многократно окрашенной ткани (Рисунок 8).

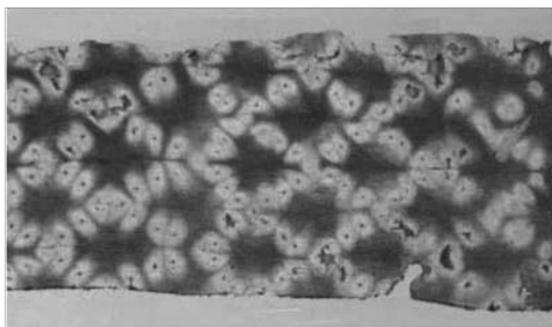

Рис. 6. Ткань с ромбовидным узором эпохи Тан, раскопанная в Синьцзяне, Китай, 1969 год

Рис. 7. Три кувшина, украшенные ромбовидной полихромной керамикой «Сань-Цай» династии Тан в коллекции музея Лояна

Рис. 8. Две подушки из полихромной керамики «Сань-Цай» и ткани времен династии Тан из коллекции Токийского национального музея, украшенные узорами из уток-мандаринок

Помимо рассмотренных ранее узоров, существуют и другие декоративные узоры, связанные с полихромной керамикой «Сань-Цай». Некоторые из них имеют схожие мотивы с узорами тканей того времени. Например, кувшин полихромной керамики «Сань-Цай» может быть украшен красочным полилинейным узором, который также встречается в технике окрашивания тканей.

Сравнительный анализ декоративных узоров полихромной керамики «Сань-Цай» и декоративных узоров окраски современных тканей позволяет выявить тесную связь между керамическим декором и тканевыми узорами, а также определить законы и характеристики имитации. Главным объектом имитации в данном случае является форма и цвет узора, что отражает стремление керамического декора воссоздать графический эффект, присущий рисункам на тканях. Декор полихромной керамики «Сань-Цай» можно классифицировать следующим образом:

- Бисерный узор.
- Геометрические узоры, например, ромбы.
- Узоры в форме растений, например, лепестки.
- Симметричные узоры в форме животных, напри-

мер, узор «утка-мандаринка».

Из анализа цвета глазури полихромной керамики «Сань-Цай» выделяются несколько основных оттенков, таких как синий, коричневый, желтый, зеленый, белый и другие. Аналогичные цветовые схемы можно наблюдать в тканях, произведенных в течение династии Тан. Особенно заметны цветовые ореолы, которые присутствуют в декоративных узорах окрашенных тканей, и эти эффекты также проявляются в полихромной керамике «Сань-Цай» династии Тан. Например, полихромная керамика «Сань-Цай» имеет множество плавных переходов между различными цветами глазури, создавая эффект цветового ореола. Тем не менее, в силу различий в материалах, используемых для керамики и тканей, а также из-за трудностей сохранения тканей в сравнении с керамическими изделиями, цвет полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан обладает более выраженной яркостью по сравнению с сохранившимися образцами тканей из династии Тан. Согласно мнению ученых, цветовая палитра тканей династии Тан схожа с цветовым диапазоном полихромной керамики «Сань-Цай» того времени. Красочное искусство, отображенное в тканях династии Тан,

играло значительную роль в развитии полихромной керамики «Сань-Цай» в эпоху династии Тан [3].

Выводы

Хотя имитация эффекта окрашивания, применяемого в технике полихромной керамики «Сань-Цай» может ограничиваться поверхностным подражанием, она всё же привнесла инновации в сферу керамики в области декоративного оформления. Декоративный эффект, воз-

никший благодаря этой имитации, стал отличительной чертой полихромной керамики «Сань-Цай». Данный процесс декорирования керамики, эмулирующий окрашивание ткани, сформировал уникальный стиль декоративной отделки, характерный для эпохи династии Тан. Изучение декоративных узоров керамики «Сань-Цай» позволяет также оценить мастерство и декоративные особенности, связанные с техникой окрашивания ткани во времена династии Тан.

ЛИТЕРАТУРА

1. М.Л. Титаренко, А.И. Духовная культура Китая //Российская академия наук Институт Дальнего Востока//Издательская фирма«Восточная литература» РАН Москва.2010. — С. 213–226.
2. Ван Тяньчжао. Взаимосвязь между процессом украшения полихромной керамики «Сань-Цай» и процессом окрашивания ткани в эпоху династии Тан// Технология крашения и отделки. —2014—№2— С.42–46.
3. Власов В.Г. Керамика «Сань-Цай». Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства//главный редактор М.Л. Титаренко; Институт Дальнего Востока. Том VIII: Р–С. — Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008.
4. Цзинь Шаопин, Ван Лу. Исследование техники окрашивания тканей в древнем Китае//Журнал Яньтайского университета. — 2014 — №3 — С. 100-120.
5. Лю Суцюн, Лян Хуэй'э, Гу Мин. Сравнительное исследование декоративных узоров полихромной керамики «Сань-Цай» династии Тан и тканей династии Тан//Технология крашения и отделки. — 2012.—№2— С.56–58.
6. Юй Тао. Древнекитайский процесс окрашивания ткани//Шелк. —1994. — №3 — С. 52–54.

© У Хунчан (114121513@aliyun.com), Ткач Дмитрий Геннадьевич (tkach.dmitry@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

TO THE QUESTION OF PROFESSIONAL BURNOUT OF MEDICAL WORKERS IN FOREIGN RESEARCHES

**R. Kadyrov
T. Kapustina
E. Sadon
A. Gaidai**

Summary: In modern conditions of life, the problem of burnout among medical workers remains relevant in countries with different living standards, which makes the task of providing psychological assistance and psychotherapy for burnout for this category of people has become especially important. As a result of a review of foreign studies, the authors have identified several scientifically proven effective methods, programs, techniques, and mobile applications for psychological assistance/self-help and psychotherapy for burnout. Currently psychological assistance with burnout therapy mainly uses an integrative, result-oriented approach, which includes work with the cognitive (intellectual aspect), emotional and behavioral spheres of the personality. Actual and necessary in work with burnout of medical workers is the activity carried out at the individual and organizational levels, leading to the most effective results in reducing professional burnout.

Keywords: professional burnout, emotional burnout, psychological assistance, psychological correction, doctors, medical personnel.

Кадыров Руслан Васитович

Канд.психол.наук., доцент, Федеральное государственное бюджетное образование учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Владивосток)
rusl-kad@yandex.ru

Капустина Татьяна Викторовна

Канд.психол.наук., доцент, Федеральное государственное бюджетное образование учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Владивосток)
12_archetypesplus@mail.ru

Садон Елена Владимировна

Канд.психол.наук., доцент, Федеральное государственное бюджетное образование учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Владивосток)
elenasadon@yandex.ru

Гайдай Антон Сергеевич

Старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образование учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Владивосток)
netparoley@gmail.com

Аннотация: В современных условиях жизни актуальным в странах с разным уровнем жизни остается проблема выгорания медицинских работников, вследствие чего особо важной стала задача оказания эффективной психологической помощи и психотерапии выгорания для данной категории людей. В результате обзора зарубежных исследований авторами статьи было выявлено несколько научно доказанных эффективных методов, программ, техник и мобильных приложений психологической помощи/самопомощи и психотерапии выгорания. Определено, что в настоящее время для психологической помощи и терапии выгорания применяют, прежде всего, интегративный, ориентированный на результат подход, включающий в себя работу с когнитивной сферой (интеллектуальный аспект), эмоциональной и поведенческой сферами личности. Актуальным и необходимым в работе с выгоранием медицинских работников является деятельность, осуществляемая на индивидуальном и организационном уровнях, приводящая к наиболее эффективным результатам снижения профессионального выгорания.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, эмоциональное выгорание, психологическая помощь, психологическая коррекция, врачи, медицинский персонал.

Введение

В настоящее время широко признано, что профессиональное выгорание является серьезным состоянием, которое влияет на работников на индивидуальном и коллективном уровне [1], поэтому Всемирная организация здравоохранения включила синдром выгорания в 11-й пересмотр Международной классификации болезней (МКБ-11) как профессиональное явление, а не как заболевание [34]. При этом выгорание определяется следующим образом: «Выгорание – это синдром, концептуализированный как результат хронического стресса на рабочем месте, с которым не удалось успешно справиться. Он характеризуется тремя измерениями: чувство истощения или истощения энергии; повышенная умственная дистанция от своей работы или чувство негативизма или цинизма, связанное с работой; и, как следствие, снижение профессиональной эффективности. Выгорание относится конкретно к явлениям в профессиональном контексте и не должно применяться для описания опыта в других сферах жизни» [34]. Исходя из определения и с учетом особенностей профессиональной жизни медицинских работников с ее динамично изменяющейся повседневностью и большой рабочей нагрузкой часто в условиях неопределенности, проблема нарушения продуктивности может быть актуальной для развития и функционирования современной системы здравоохранения. Изучение состояния проблемы профессионального выгорания медицинского персонала за рубежом позволит нам составить более полную картину, что в будущем поможет организовывать эффективную психологическую работу по профилактике и психологической коррекции этого явления.

Цель данного обзора – обобщить и систематизировать работы зарубежных исследователей, направленные на выяснение причин возникновения профессионального выгорания и его психокоррекцию.

Распространённость профессионального выгорания у медицинских работников

В первую очередь обратимся к фактам, которые были получены при исследовании медицинского персонала в разных странах. Опрос Британской медицинской ассоциации показал, что 21% опрошенных медицинских работников заявили, что испытывают чрезмерное давление, с которым трудно справиться, 61% отметили, что давление было чрезмерным, но терпимым, а 55% респондентов могли не чувствовать негативного влияния рабочего давления на качество жизни [16]. Систематический обзор выгорания среди врачей в Китае (11 статей, 9302 участника) также указывает на распространённость симптомов выгорания среди врачей, которая колеблется от 66,5 до 87,8%. При этом негативное влияние включает в себя связь с симптомами тревоги

и низкой удовлетворенностью работой, а также склонностью к совершению врачебных ошибок, влияющих на безопасность пациентов и более высокую текучесть кадров на уровне общества/организации [3]. Исследование, проведенное в США (7288 врачей) обнаружило, что 45,8% из них испытали хотя бы один симптом профессионального выгорания, при этом самые высокие показатели отмечены среди врачей первичной практики, работающих в области семейной медицины, общей терапии и неотложной помощи [9]. Bianchi R. и Brisson R., изучая в какой степени у медицинских работников (468 человек) во франкоязычной части Швейцарии выражены симптомы профессионального выгорания, установили, что оно не может быть специфическим синдромом, так как и профессиональные и непрофессиональные стрессоры играют важную роль в профессиональном выгорании [7]. Также изучалось выгорание в разных странах среди узких специальностей, например, врачей анестезиологов. Так, Kluger M.T. и соавторы в исследовании австралийских анестезиологов обнаружили, что они страдают от профессионального истощения (20%), деперсонализации (20%) и низких личных достижений (36%) [23]. A Berger V. и соавторы, исследуя синдром профессионального выгорания среди анестезиологов и реаниматологов во Франции (1500 заполненных анкет), установил средние баллы личного и связанного с работой выгорания у более 50% врачей и у 1% тяжелая форма [17]. Khamisa N. и др. диагностировали медицинских сестер в четырех больницах Южной Африки (N=1200) и выявили отрицательную связь между выгоранием на работе и удовлетворенностью работой и положительную связь между рабочим стрессом, нехваткой ресурсов и профессиональным выгоранием [21]. И в целом систематический обзор выгорания среди медицинских работников в странах Африки к югу от Сахары (65 статей) продемонстрировал, что выгорание среди медицинского персонала лежит в диапазоне от 40 до 80%, и самый высокий уровень выгорания был зарегистрирован среди медсестер [28].

Как показывают исследования, здравоохранение – это отрасль, где профессиональное выгорание имеет значительную распространённость. Пандемия бросила вызов сотрудникам здравоохранения. Китайские ученые, исследовав профессиональное выгорание на работе у медицинских работников (270 человек) в период пандемией COVID-19, установили, что выгорание на работе стало общей проблемой среди медицинского персонала [19]. В Индии при диагностировании медицинских работников (2026 человек) во время пандемии COVID-19 выявлена частота личного выгорания равная 44,6% (903), выгорание, связанное с работой – 26,9% (544), более половины респондентов – 52,8% (1069) страдали выгоранием, связанным с пандемией. У молодых респондентов (21–30 лет) выше личностное и профессиональное выгорание. При этом врачи в 1,64 раза, а вспо-

могательный персонал в 5 раз чаще испытывал выгорание, связанное с пандемией [22].

Таким образом, современные зарубежные исследования показали, что выгорание на работе является равно распространенной проблемой среди медицинского персонала в странах с разным уровнем жизни. При этом выгорание медицинского персонала очень часто приводит к тому, что кто-то уходит из профессии, что может привести к потенциальной безработице, финансовым потерям и еще большему конфликту в семье. Врачи чаще злоупотребляют психоактивными веществами, становятся оскорбительными или агрессивными на работе, страдают от депрессии и имеют более высокий уровень самоубийств [20]. Все вышеперечисленное определяет актуальность рассмотрения причин профессионального выгорания медицинских работников.

Причины выгорания медицинских работников

Рескхам С. отмечает, что чрезмерная рабочая нагрузка и потеря контроля за своей профессиональной деятельностью называются основными причинами профессионального выгорания среди врачей [26]. Другим предиктором профессионального выгорания является агрессия со стороны пациентов/коллег/руководства. Paskarini I. и др., исследуя выгорание во взаимосвязи с психосоциальной средой, установили, что на выгорание влияют такие факторы психосоциальной рабочей среды, как потребность в работе (высокие требования к работе медсестер, особенно во время пандемии, что заставляет их работать и быть более ответственными в своей работе), а также конфликты и оскорбительное поведение (часто сталкиваются с неприятным поведением со стороны коллег, начальства и пациентов: например, некоторые чувствовали клевету со стороны своих коллег, из-за чего у их начальства сложилось неправильное представление о медсестре и др.) [25]. Gonçalves A. и др., изучая выгорание и стресс среди специалистов в сфере здравоохранения (221 человек) в больницах на севере Португалии, установили, что факторы стресса, такие, как намерение уйти с работы, нестабильность контрактного статуса, рабочая нагрузка, неспособность совмещать работу и дом, рабочие отношения с коллегами/руководством, ведущая деятельность в обучении и общение с клиентами, были факторами, которые прогнозируют когнитивное, профессиональное и физическое истощение [15]. Saravanabavan L. и др., проведя перекрестное исследование среди клинических фармацевтов, медсестер, врачей, физиотерапевтов и реаниматологов в отделениях интенсивной терапии многопрофильной больницы на юге Индии на выборке из 204 человек, выявил обратную корреляцию между уровнем удовлетворенности работой и уровнем профессионального выгорания: чем выше удовлетворенность работой, тем ниже уровень профессионального выгорания [27]. Атоафо Е. с

соавторами, проведя обзор статей за 5 лет (395 статей), выявил следующие предикторы выгорания врачей: более молодой возраст, женский пол, отсутствие семьи, ненормированный рабочий день, низкая удовлетворенность работой и наличие конфликта между работой и домом [5]. Систематический обзор выгорания среди врачей в Китае (11 статей, 9302 участника) показал, что выгорание было выше среди врачей, работающих более 40 часов в неделю, в более молодой возрастной группе внутри профессии (в возрасте 30-40 лет) и с негативным индивидуальным восприятием работы и жизни [3]. Такой же обзор в странах Африки (65 статей) показал, что высокий уровень выгорания связан с неблагоприятными условиями труда, высокими требованиями к работе, низкой удовлетворенностью работой, чаще встречается у женщин, лиц младшего возраста и у тех, у кого меньше поддержки или ресурсов для управления рабочими нагрузками [28]. Исследование причин профессионального выгорания среди врачей из 14 стран с большим объемом выборки показал, что женщинам-врачам приходилось выполнять одновременно несколько рабочих и семейных ролей, в результате чего они более физически и эмоционально истощены и чаще испытывают профессиональное выгорание. А молодые врачи имеют высокий уровень выгорания, так как им часто распределяют больше нагрузки, они работают в неурочное время, например, в ночные смены и тратят большие усилия в своем профессиональном становлении при низких навыках справляться со стрессом на рабочем месте [6].

Помимо причин, связанных с условиями трудовой деятельности, немаловажную роль играют индивидуальные причины. Craiovan P.M., исследовав взаимосвязь между перфекционизмом, стрессом, психопатологическими симптомами и выгоранием в медицинской сфере, выявил, что врачи и медсестры с высокими перфекционистскими наклонностями также могут иметь выраженную предрасположенность к восприятию различных жизненных ситуаций как более стрессовых, а также быть более склонными к развитию симптомов профессионального выгорания и психопатологических симптомов (в частности, соматизации, тревоги и депрессии) [11]. Одной из важных индивидуальных причин профессионального выгорания, является эмоциональный интеллект – чем ниже эмоциональный интеллект, тем выше профессиональное выгорание [12]. Также такие черты личности, как невротизм, тревожность (нетерпимость к неопределенности, тревога из-за клинической неопределенности и нежелание раскрывать неопределенность пациентам и др.) положительно связаны с выгоранием врачей [10]. Современные исследования показали, что достаточно важным фактором профессионального выгорания среди медицинских работников является неправильное питание, а плохое питание считается общепринятым модифицируемым фактором риска в случае других проблем психического здоровья [31].

Таким образом, выявленные факторы-причины профессионального выгорания медицинских работников позволяют говорить о том, что эту проблему необходимо решать, принимая эффективные меры на индивидуальном и организационном уровнях, что актуализирует вопрос рассмотрения существующего опыта психологической и психокоррекционной работы с медицинскими работниками.

Психологическая помощь и психокоррекция профессионального выгорания у медицинских работников

Meldrum Н. считает, что наиболее важными навыками врачей по предотвращению профессионального выгорания, должны стать нахождение личного баланса, способность идентифицировать негативные эмоции, качественное времяпрепровождение с семьей и друзьями, физические упражнения, навыки релаксации и сохранение чувства юмора [24]. Всесторонний систематический обзор и метаанализ вмешательств по предотвращению и уменьшению профессионального выгорания (выборка из 3630 врачей) выявили, что индивидуальные вмешательства, такие, как осознанность, управление стрессом и обсуждения в малых группах, могут уменьшить и предотвратить профессиональное выгорание [33]. Метаанализ 23 исследований из 11 стран, включающий 7275 врачей показал, что помимо необходимых усилий по профилактике профессионального выгорания на индивидуальном уровне, таких, как повышение осведомленности или изменение поведения (например, психообразование, осознанность, обучение навыкам, устойчивость), важно обращать внимание на улучшение условий труда, то есть управление рабочими и организационными факторами [29]. Gabriel К.Р. и Anguinis Н. отмечают, что организации, которые культивируют среду социальной и эмоциональной поддержки, снижают, а в части случаев профилактируют вредное воздействие выгорания [14]. То есть социальная и эмоциональная поддержка действуют как буферы от стресса, компенсируя причины факторов, которые приводят к выгоранию.

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) является эффективным методом психологической помощи людям, испытывающим выгорание. Метод КПТ может быть предоставлен в виде индивидуальной терапии, в группах или вместе с другими видами помощи, такими, как консультирование по вопросам карьеры или работа с работодателями. В работе с выгоранием данный метод терапии содержит: оценку и мониторинг симптомов выгорания; развитие общего понимания того, что поддерживает выгорание; изучение причин стресса и выгорания; устранение факторов образа жизни, которые могут играть поддерживающую выгорание роль (например, проблемы со сном, физические упражнения, употребление алкоголя); работу с негативными мыслями и убеж-

дениями; развитие новых навыков, связанных с работой (например, коммуникативных, тайм-менеджмента или управления конфликтами с другими людьми); участие в досуге, который нравится и который помогает восстановить силы; развивающие способы расслабления и создание плана, помогающего сохранить прогресс по профилактике выгорания и стрессоустойчивости в будущем [4]. Есть также некоторые свидетельства того, что *терапия принятия и ответственности* (АСТ) может иметь потенциал для снижения выгорания [30]. Весь процесс терапии направлен на развитие психологической гибкости, которая состоит из: принятия настоящего; изменения взаимодействия со своими мыслями; самости как контекста настоящего; непосредственного переживания мира; осознание целенаправленного действия и непосредственно сами целенаправленные действия. Ireland М.Д. и др., апробировав 10-ти дневную *программу устойчивости и осознанности*, показали, что тренировка осознанности является эффективным средством снижения стресса и выгорания среди практикующих врачей [2]. Программа представляла собой сочетание обучения осознанности и практик саморегуляции. Каждая сессия охватывала теоретическое содержание и упражнения на осознанность (осознанность дыхания, внимательность к телу, к еде). Участникам также рекомендовалось регулярно практиковаться вне сессий, но отдельные отзывы говорили о том, что не все участники это делали.

Jackson-Koku G и Grime P., выполнив обзор эффективности *обучения навыкам регуляции эмоций* у врачей, сделали вывод, о том, что навыки/вмешательства по регуляции эмоций связаны со снижением профессионального выгорания [18]. Rich А. с коллегами, исследовав возможности *использования стратегий самопомощи и цифрового благополучия* для профилактики профессионального выгорания, установили, что через месяц после вмешательства у врачей наблюдалось статистически значимое снижение выгорания (как отстранения, так и истощения) и улучшение контроля границ между рабочими и личными задачами [13]. При этом их действия по самопомощи состояло из двух частей: 1. Общее самочувствие, которое включало советы по методам ухода за собой, сострадание к себе и медитацию осознанности; 2. Цифровое благополучие, которое включало советы по контролю над использованием технологий через микрограницы для улучшения баланса между работой и личной жизнью.

Пандемия бросила вызов не только эмоциональной устойчивости сотрудников здравоохранения, но и техникам профилактики профессионального выгорания. Результатом ответа на этот вызов, является, например, *Техника эмоциональной свободы* (EFT) или постукивание – это целостная практика, которую легко освоить и применить к себе, и которая помогает избавиться от стресса, беспокойства и симптомов эмоционального

выгорания за считанные минуты [8]. Это научно обоснованная практика, основанная на интегративной области энергетической психологии и объединяющая компоненты когнитивно-поведенческой терапии, экспозиционной терапии и телесной стимуляции акупунктурных точек на лице и теле. Применять технику эмоциональной свободы можно где угодно, однако лучше всего это делать в тихом и уединённом месте, в удобном сидячем положении. Никакого оборудования или ресурсов не требуется. EFT можно использовать индивидуально или в группе. Полный сеанс EFT занимает всего несколько коротких минут (2–3 раунда/цикла), а снятие стресса и беспокойства происходит почти мгновенно.

Также в этот период была разработана психологическая поддержка медицинских работников с помощью *интегративного мобильного приложения для самопомощи* [32]. Приложение состоит из следующих разделов: 1. Определение видения собственного здоровья и основных ценностей; 2. Самооценка текущего состояния здоровья по 7-ми основным направлениям; 3. Определение, на какой области здоровья и благополучия следует сосредоточиться; 4. Установление SMART-целей и действия, с оценкой готовности и возможных препятствий; 5. Переоценка и мысли о цели, шагах-действиях в связи со своими основными ценностями и видением здоровья. При этом, входя в программу, участник может выполнить любую часть процесса по своему выбору в течение такого количества дней, которое соответствует его потребностям, или выполнить первые четыре шага интегративного коучинга по вопросам здоровья в течение 1–2 часов.

Таким образом, представленный выше анализ возможностей психологической помощи и психокоррекции профессионального выгорания у медицинских работников, подтверждают интегративный подход в психологической помощи и самопомощи для коррекции профессионального выгорания у специалистов здравоохранения, включающий в себя работу с когнитивной сферой (интеллектуальный аспект), эмоциональной и поведенческой сферами личности.

Выводы

Профессиональное выгорание до сих пор является общепризнанной проблемой на рабочем месте как в странах с высоким, так и в странах с низким уровнем жизни и серьезной угрозой для социальной и профессиональной жизни врачей, а также для здоровья их пациентов. Следовательно, эту проблему необходимо решать, принимая эффективные меры на индивидуальном и организационном уровнях. На индивидуальном уровне врачи должны развивать способность распознавать и впоследствии устранять чувства усталости, деперсонализации и отсутствия личностных достижений, чтобы

предотвратить эмоциональное выгорание. Для этого необходимо развивать психологическую устойчивость, эмоциональный интеллект и осознанность. Например, учитывая, что медицинский персонал неизбежно станет свидетелем ряда связанных с их деятельностью травмирующих событий, им будет полезно получить больше информации о диапазоне психологических реакций, которые они могут испытать, чтобы помочь им выявить и устранить симптомы на более раннем этапе. В том числе могут помочь советы по контролю за использованием технологий через микрограницы для улучшения баланса между работой и личной жизнью. С организационной точки зрения руководство больницы должно обеспечивать благоприятную рабочую среду для врачей (четкая и сбалансированная система управления, наставничество, поддержка, регуляция режима работы, поощрения, карьерный рост и т.п.). Несмотря на обширное количество опубликованных зарубежных данных по изучению различных аспектов эмоционального выгорания медицинского персонала, необходимо проведение дальнейших исследований на репрезентативной отечественной выборке. Данные исследования помогут изучить влияние таких факторов, как качество психологического благополучия, особенности взаимоотношений с персоналом и пациентами, рабочая нагрузка, сменная практика и система управления медицинским учреждением, психологические черты личности (перфекционизм, тревожность, эмоциональный интеллект и др.) на выгорание врачей.

Целесообразным является создание и апробация эффективности программ интегративной психологической помощи и самопомощи для коррекции профессионального выгорания у специалистов здравоохранения, как традиционными способами, так и с использованием IT технологий (мобильное приложение и т.п.). Задачами и мишенями такой интегративной помощи или самопомощи могут быть:

1. Когнитивная сфера (интеллектуальный аспект): обучение навыкам осознанности эмоционального реагирования в различных ситуациях; формирование адаптивных убеждений; снижение тревожности за счет понимания своего поведения в профессиональных ситуациях, вызывающих напряжение, тревогу и иные негативные переживания; прояснение своей роли в возникновении и сохранении конфликтных ситуаций в профессиональной деятельности и др.
2. Эмоциональная сфера: научении специалистов распознаванию, вербализации и принятию собственных эмоциональных реакций, а также преобразованию негативных эмоций в позитивные через смену неадаптивных установок.
3. Поведенческая сфера: осознание неадаптивных поведенческих паттернов; оптимизации процесса коммуникации специалист – пациент; пере-

распределение личностных ресурсов с целью снижения астенических проявлений профессионального выгорания; приобретение навыков структурирования времени, управления целеполаганием и планированием рабочего дня; обучение эффективной саморегуляции при помощи расслабляющих технологий и др.

щи заключаются в снижении тревоги за счет осознания ее причин, изменения отношения к профессиональным ситуациям, формирования адаптивных способов поведения, обучение методам релаксации, замену неконструктивных убеждений конструктивными, распределении времени и целеполагание, изменение образа профессионального функционирования специалистов с опорой на полученные навыки и выявленные ресурсы, что приведет к повышению качества их жизни.

В целом задачи психологической помощи/самопомо-

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадыров Р.В., Капустина Т.В., Максимович А.Б. Профессиональный стресс в деятельности специалистов Роспотребнадзора // Тихоокеанский медицинский журнал. 2017. № 2. С. 8-11. DOI:10.17238/PmJ1609-1175.2017.2.8-11.
2. A randomized controlled trial of mindfulness to reduce stress and burnout among intern medical practitioners / M.J. Ireland, B. Clough, K. Gill, F. Langan, A. O'Connor, L. Spencer // *Medical Teacher*. 2017. Vol. 39. № 4. P. 409-414. DOI: 10.1080/0142159X.2017.1294749
3. A systematic review of burnout among doctors in China: a cultural perspective / S. Lo, F. Wu, M. Chan, R. Chu, D. Li // *Asia Pacific family medicine*. 2018. Vol. 17. № 3. DOI:10.1186/s12930-018-0040-3.
4. Ahola K., Toppinen-Tanner S., Seppänen J. Interventions to alleviate burnout symptoms and to support return to work among employees with burnout: Systematic review and meta-analysis // *Burnout Research*. 2017. Vol. 4. P. 1-11. DOI:10.1016/j.burn.2017.02.001
5. Amofo E., Hanbali N., Patel A., Singh P. What are the significant factors associated with burnout in doctors? // *Occupational medicine*. 2015 Vol. 65. № 2. P. 117-121. DOI:10.1093/occmed/kqu144
6. Azam K., Khan A., Alam M.T. Causes and Adverse Impact of Physician Burnout: A Systematic Review // *Journal of the College of Physicians and Surgeons-Pakistan*. 2017. Vol. 27. № 8. P. 495-501.
7. Bianchi R., Brisson R. Burnout and depression: Causal attributions and construct overlap // *Journal of Health Psychology*. 2019. Vol. 24. № 1. P. 1574-1580.
8. Blacher S. Emotional Freedom Technique (EFT): Tap to relieve stress and burnout // *Journal of Interprofessional Education & Practice*. 2023. Vol. 30: 100599. DOI:10.1016/j.xjep.2023.100599.
9. Burnout and Satisfaction With Work-Life Balance Among US Physicians Relative to the General US Population / T. Shanafelt, S. Boone, L.J. Tan, L. Dyrbye, W. Sotile, D. Satele, C. West, J. Sloan, M. Oreskovich // *Archives of internal medicine*. 2012. Vol. 172. №18. P. 1-9. DOI:10.1001/archinternmed.2012.3199
10. Burnout and Stress Among US Surgery Residents: Psychological Distress and Resilience / C. Lebares, E. Guvva, N. Ascher, P. O'Sullivan, H. Harris, E. Epel // *Journal of the American College of Surgeons*. 2017. Vol. 226. № 1. P. 80-90. DOI:10.1016/j.jamcollsurg.2017.10.010
11. Craiovan P.M. Correlations between perfectionism, stress, psychopathological symptoms and burnout in the medical field // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 127. P. 529-533. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.03.304
12. Emotional intelligence and burnout in surgical residents: a 5-year study / F. Gleason, S.J. Baker, T. Wood, L. Wood, R.H. Hollis, D.I. Chu, B. Lindeman // *Journal of surgical education*. 2020. Vol. 77. № 6. P. 63-70. DOI:10.1016/j.jsurg.2020.07.044
13. Evaluation of a novel intervention to reduce burnout in doctors-in-training using self-care and digital wellbeing strategies: a mixed-methods pilot / A. Rich, A. Aly, M.E. Cecchinato, L. Lascau, M. Baker, R. Viney, A.L. Cox // *BMC Medical Education*. 2020. Vol. 20. P. 294. DOI:10.1186/s12909-020-02160-y
14. Gabriel K.P., Anguinis H. How to prevent and combat employee burnout and create healthier workplaces during crisis and beyond // *Business Horizons*. 2022. Vol. 65. № 2. P. 183-192. DOI:10.1016/j.bushor.2021.02.037
15. Gonçalves A., Fontes L., Simão, C., Gomes A.R. Stress and burnout in health professionals // *In Occupational and environmental safety and health*. 2019. Springer, Cham. P. 563-571.
16. Gundersen L. Physician burnout // *Annals of internal medicine*. 2001. Vol. 135. № 2. P. 145-148. DOI: 10.7326/0003-4819-135-2-200107170-00023
17. Incidence of Burnout Syndrome among Anesthesiologists and Intensivists in France: The REPAR Study / B. Berger, P.J. Cungi, S. Arzalier, T. Lieutaud, L. Velly, P. Simeone, N. Bruder // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20, № 3. P. 1771. DOI:10.3390/ijerph20031771.
18. Jackson-Koku G., Grime P. Emotion regulation and burnout in doctors: a systematic review. *Occupational medicine*. 2019. Vol. 69. № 1. P. 9-21. DOI:10.1093/occmed/kqz004
19. Job burnout and its influencing factors in Chinese medical staffs under China's prevention and control strategy for the COVID-19 pandemic / S. Peng, J. Zhang, X. Liu, M. Pei, T. Wang, P. Zhang // *BMC Public*. 2023. Vol. 23. P. 284. DOI:10.1186/s12889-022-14945-5
20. Job Stress Factors Affect Workplace Resignation and Burnout among Japanese Rural Physicians / Y. Saijo, E. Yoshioka, S.J.B. Hanley, K. Kitaoka, T. Yoshida // *The Tohoku Journal of Experimental Medicine*. 2018. Vol. 245. P. 167-177. DOI:10.1620/tjem.245.167
21. Khamisa N., Oldenburg B., Peltzer K., Ilic D. Work-Related Stress, Burnout, Job Satisfaction and General Health of Nurses // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2015. Vol. 12. P. 652-666. DOI:10.3390/ijerph120100652
22. Khasne R.W., Dhakulkar B.S., Mahajan H.C., Kulkarni A.P. Burnout among Healthcare Workers during COVID-19 Pandemic in India: Results of a Questionnaire-based Survey // *Indian Journal of Critical Care Medicine*. 2020. Vol. 24. №8. P. 664-671. DOI:10.5005/jp-journals-10071-23518

23. Kluger M.T, Townend K., Laidlaw T. Job satisfaction, stress and burnout in Australian specialist anaesthetists // *Anaesthesia*. 2003. Vol. 58. № 4. P. 339-345. DOI: 10.1046/j.1365-2044.2003.03085.x
24. Meldrum H. Exemplary physicians' strategies for avoiding burnout // *The Health Care Manage*. 2010. Vol. 29. № 4. P. 324-331. DOI:10.1097/HCM.0b013e3181fa037a.
25. Paskarini I., Dwiyantri E., Syaiful D.A., Syanindita D. Burnout among nurses: Examining psychosocial work environment causes // *Journal of Public Health Research*. 2023. Vol. 12. № 1. P. 1–8. DOI:10.1177/22799036221147812
26. Peckham C. Physician lifestyle - Linking to Burnout: Medscape. URL: <http://www.medscape.com/features/slideshow/lifestyle/2013/public> (дата обращения: 15.08.2023).
27. Saravanabavan L., Sivakumar M.N., Hisham M. Stress and Burnout among Intensive Care Unit Healthcare Professionals in an Indian Tertiary Care Hospital // *Indian Society of Critical Care Medicine*. 2019. Vol. 23. №10. P. 462-466. DOI:10.5005/jp-journals-10071-23265
28. Systematic review of burnout among healthcare providers in sub-Saharan Africa / B.W. Dubale, L.E. Friedman, Z. Chemali, J.W. Denninger, D.H. Mehta, A. Alem, G.L. Fricchione, M.L. Dossett, B. Gelaye // *BMC Public Health*. 2019. Vol. 19. № 1. P. 1247. DOI:10.1186/s12889-019-7566-7.
29. Teoh K., Singh J., Medisaukaite A., Hassard J. Doctors' perceived working conditions, psychological health, and patient care: a meta-analysis of longitudinal studies. *Occupational and Environmental Medicine*. 2023 Vol. 80. № 2. P. 61-69. DOI:10.1136/oemed-2022-108486
30. Towey-Swift K.D., Lauvrud C., Whittington R. Acceptance and commitment therapy (ACT) for professional staff burnout: a systematic review and narrative synthesis of controlled trials // *Journal of Mental Health*. 2023. Vol. 32. № 2. P. 452-464. DOI:10.1080/09638237.2021.2022628
31. Utter J., McCray S., Denny S. Eating Behaviours Among Healthcare Workers and Their Relationships With Work-Related Burnout // *American Journal of Lifestyle Medicine*. 2023. DOI:10.1177/15598276231159064
32. Welshman K., Burke M.K. A post-pandemic reset: Supporting health care professionals with an integrative self-care mobile app // *Journal of Interprofessional Education & Practice*. 2023. Vol. 30: 100587. DOI:10.1016/j.xjep.2022.100587
33. West C.P, Dyrbye L.N, Erwin P.J, Shanafelt T.D. Interventions to prevent and reduce physician burnout: a systematic review and meta-analysis // *Lancet*. 2016. Vol. 388. P. 2272-2281.
34. World Health Organization ICD-11: International Classification of Diseases. The global standard for diagnostic health information. URL: <https://icd.who.int/> (дата обращения: 17.08.2023).

© Кадыров Руслан Васитович (rusl-kad@yandex.ru), Капустина Татьяна Викторовна (t2_archetypesplus@mail.ru), Садон Елена Владимировна (elenasadon@yandex.ru), Гайдай Антон Сергеевич (netparoley@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный медицинский университет

ЛОКУС КОНТРОЛЯ КАК ФАКТОР ПРОЯВЛЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ПАНИКИ

LOCUS OF CONTROL AS A FACTOR IN THE MANIFESTATION OF CONSUMER PANIC

A. Kutumov
N. Badmaeva

Summary: Consumer panic is a phenomenon that regularly occurs in modern society in response to various threats and crises. This note explores the role of the locus of control, a psychological concept describing the individual perception of control over events, as a factor influencing the manifestation of consumer panic. The locus of control can be an important predictor of consumers' reactions to crisis situations, determining how they perceive and react to threats to their well-being.

Keywords: consumer panic, panic purchases, locus of control, consumer behavior, externality, internality.

Кутумов Александр Сергеевич

Аспирант, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова»,
kutumov-aleksandr@mail.ru

Бадмаева Наталья Цыденовна

Канд. психол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова»,
badmaevanc@gmail.com

Аннотация: Потребительская паника – это явление, которое регулярно возникает в современном обществе в ответ на различные угрозы и кризисы. Эта заметка исследует роль локуса контроля, психологической концепции, описывающей индивидуальное восприятие контроля над событиями, как фактора, влияющего на проявление потребительской паники. Лocus контроля может быть важным предиктором реакций потребителей на кризисные ситуации, определяя, как они воспринимают и реагируют на угрозы для своего благосостояния.

Ключевые слова: потребительская паника, панические покупки, locus контроля, потребительское поведение, экстернальность, интернальность.

Потребительская паника – это эмоциональное состояние, характеризующееся стрессом, тревогой и часто приводящее к коллективным действиям, таким как массовая покупка товаров или вывод средств из банков. Она может возникать в ответ на различные события, такие как финансовые кризисы, эпидемии, естественные бедствия и другие угрозы для общества. Когда панические покупки приводят к дефициту продуктов и росту цен, это влияет на благосостояние потребителей, социальную напряжённость и стабильность социально-экономической, а также политической системы.

Оксфордский словарь английского языка определяет паническую покупку как «действие по покупке большого количества определенного продукта или товара из-за внезапного страха перед предстоящим дефицитом или ростом цен».

Некоторые авторы (Meyer, Assunção, Sun, Neslin, Srinivasan), отмечают, что подобное поведение может быть проявлением накопления запасов, которое определяется как рациональное, дальновидное поведение [1].

Однако Nakano, Akamatsu, Mizuno считают, что панические покупки выходят за рамки рационального накопления запасов, поскольку:

1. Это реакция на чрезвычайное положение, например, пандемию, стихийное бедствие или экономи-

ческий кризис

2. Закупки часто превышают оптимальный уровень, необходимый для комфортного преодоления периода ожидаемого дефицита
3. Паника часто перегружена негативными эмоциями, такими как тревога или страх [2, с. 17].

Следовательно, уравнивать «накопление запасов» и «панические покупки» неверно, так как первый использовался, когда считалось, что это рациональная или адаптивная реакция, тогда как термин «паническая покупка» использовался, когда поведение представляет собой чрезмерную, иррациональную или эмоциональную попытку [3].

Существует несколько причин, по которым люди совершают панические покупки:

1. Чтобы облегчить тревогу, страх и контролировать свою жизнь.
2. Как реакция на ожидаемый будущий дефицит.
3. В ответ на покупательские паттерны других людей, например, после наблюдения за пустыми полками в магазине или подражание поведению друзей или членов семьи [4].

Хотя панические покупки являются обычным явлением после стихийных бедствий, отмечается, что существует мало психологических исследований, посвященных этому вопросу [5]. Напротив, поскольку панические покупки стали серьезной проблемой во многих частях

мира из-за угрозы COVID-19, наблюдается рост эмпирических исследований, посвященных психологическим факторам индивидуального уровня, связанным с паническими покупками. Однако большинство исследований основано на анкетных опросах (например, Islam и др., 2021) [6], и неясно, в какой степени психологические факторы отражаются на реальном покупательском поведении.

Важно отметить, что не все люди реагируют на стимулы, вызывающие потребительскую панику, одинаково, ввиду чего становится актуальным вопрос выявления этих факторов, одним из которых является локус контроля.

Локус контроля – это концепция, предложенная Юлианом Роттером в 1954 году, которая описывает, насколько человек верит, что он сам контролирует события в своей жизни, управляет ими (интернальный локус контроля) или считает, что события зависят от внешних факторов, таких как удача или судьба (экстернальный локус контроля). Этот фактор может иметь существенное влияние на способность человека справляться со стрессом и угрозами.

Люди с внутренним локусом контроля часто склонны видеть свои действия и решения как определяющие факторы в собственной жизни. Они верят, что могут влиять на события и контролировать свою судьбу. В контексте потребительской паники, такие люди могут склоняться к более спокойным и рассудительным реакциям на кризисные ситуации. Они могут проводить более обдуманый анализ событий и рисков, что может приводить к более рациональным решениям и действиям.

Люди с внешним локусом контроля могут склоняться к более эмоциональным и паническим реакциям. Они могут видеть себя как жертвами обстоятельств и более вероятно доверять внешним авторитетам или массовому мнению. В кризисных ситуациях они могут быстрее поддаваться панике и совершать необдуманные действия, такие как массовые покупки или паническое поведение.

Люди с выраженным внешним локусом контроля склонны считать, что они сами имеют мало контроля над тем, что происходит в их жизни, и что события определяются внешними обстоятельствами.

Для людей с ярко выраженным внешним локусом контроля как правило свойственны следующие характеристики:

1. Вера во внешние влияния

Люди с внешним локусом контроля часто считают,

что события и результаты зависят от внешних факторов, которые они не могут контролировать. Это может включать в себя влияние других людей, случайность или даже судьбу.

2. Более выраженная реакция на стресс

Люди с высоким внешним локусом контроля могут быть более уязвимыми к стрессу, так как они часто переживают беспокойство и беспомощность перед неизбежными событиями.

3. Меньшая ответственность за свои решения

Индивиды с внешним локусом контроля могут склоняться к отводу ответственности за свои действия и решения другим факторам, чем собственные усилия или способности.

4. Склонность к внешним источникам мотивации

Они могут чаще нуждаться во внешних стимулах или поощрениях, чтобы мотивироваться на достижение целей.

5. Меньшая склонность к инициативе

Люди с выраженным внешним локусом контроля могут оставаться пассивными и малоактивными, так как им может казаться, что их усилия бесполезны.

Люди с выраженным внутренним локусом контроля склонны считать, что они сами имеют большой контроль над тем, что происходит в их жизни, и что их действия и усилия играют ключевую роль в достижении целей и управлении событиями.

Для них свойственны следующие характеристики:

1. Вера в собственные способности

Люди с выраженным внутренним локусом контроля обычно верят в свои способности и считают, что они могут влиять на исходы событий через свои усилия. Они видят себя как активных участников в своей жизни и верят, что их действия и решения имеют решающее значение.

2. Более высокий уровень самодисциплины

Индивиды с внутренним локусом контроля обычно обладают более высоким уровнем самодисциплины и мотивации. Они стремятся к достижению своих целей и уделяют внимание развитию своих навыков.

3. Ответственность за свои решения

Люди с этим типом локуса контроля принимают от-

ветственность за свои действия и решения. Они осознают, что их выборы имеют последствия и готовы нести за них ответ.

4. Меньшая зависимость от внешних стимулов

Внутренний локус контроля позволяет людям быть менее зависимыми от внешних поощрений и мотивации. Их внутренняя уверенность и мотивация служат движущей силой для достижения целей.

5. Инициативность и самостоятельность

Люди с выраженным внутренним локусом контроля обычно проявляют большую инициативу и самостоятельность в достижении своих целей.

Оба типа локуса контроля оказывают существенное влияние на поведение, реакции на стресс и способность адаптироваться к различным ситуациям. Внутренний локус контроля способствует более активному и самостоятельному образу жизни, в то время как внешний локус контроля может вести к более пассивному и реактивному подходу к событиям.

Важно отметить, что деление локуса контроля на внешний и внутренний не является строгим, и люди могут иметь разную степень этой ориентации. Кроме того, локус контроля может изменяться в зависимости от ситуации и контекста. Исследование локуса контроля помогает понять, каким образом восприятие контроля над событиями может влиять на поведение и адаптацию индивида в различных ситуациях.

В контексте потребительского поведения локус контроля играет немаловажную роль. Потребитель, склонный к интернальности, будет активно планировать бюджет, и в целом он обычно финансово более защищен; тогда как потребитель, ориентированный на экстернальность, скорее всего, проявит компульсивное покупательское поведение и, к примеру, отложит плату по счетам, накапливая задолженность по кредитной карте [7].

Для проверки зависимости между локусом контроля и проявлением потребительской паники было проведено исследование. В эксперименте принял участие 51 человек. Общая характеристика выборки – жители Республики Бурятия в возрасте старше 18 лет.

Основная гипотеза – индивиды с выраженной экстернальностью, более склонны к проявлению потребительской паники.

В качестве метода исследования локуса контроля была использована методика Дж. Роттера. Методика

была разработана в 1950-х, она включает в себя набор вопросов, предназначенных для определения внутреннего и внешнего локуса-контроля. Вопросы охватывают различные аспекты жизни и событий, чтобы оценить, насколько человек считает, что их исходы зависят от его усилий или внешних обстоятельств.

Склонность к потребительской панике оценивалась посредством ответов испытуемых на три вопроса, а именно:

1. В период пандемии COVID-19 проявляли ли вы потребительскую панику (покупали какие-либо товары в большом количестве, опасаясь дефицита или резкого повышения цен)?
2. Замечали ли вы за собой подобное поведение на фоне крупных социально-экономических кризисов до пандемии COVID-19?
3. Как вы считаете, возможно ли у вас проявление подобного поведения в будущем?

Испытуемые давали один из 4 вариантов ответов: да, скорее да, скорее нет, нет. В случае, если испытуемый отвечал хотя бы на один из вопросов «скорее да» или «да», то он отмечался как склонный к потребительской панике.

Среди 51 испытуемого склонность к потребительской панике была выявлена у 23 человек. По методике Роттера шкалы экстернальности и интернальности имеют обратную зависимость и для каждого отдельного индивида в сумме всегда дают 23 балла.

Среди индивидов, у которых выявлена склонность к потребительской панике, среднее значение по шкале экстернальности составило 13,04 баллов, по шкале интернальности – 9,96 баллов. Среди индивидов, у которых не выявлена склонность к потребительской панике, среднее значение по шкале экстернальности составило 10,68 баллов, по шкале интернальности – 12,32 баллов.

Число испытуемых, у которых выявлен внешний локус контроля – 25 человек. Из них 14 определены как склонные к потребительской панике. У 26 человек выявлен внутренний локус контроля, и лишь 9 из них склонны к потребительской панике.

Корреляционный анализ показал положительную зависимость между экстернальностью и склонностью к потребительской панике. Таким образом, наблюдается превалирование экстернальности у людей, склонных к проявлению потребительской паники.

Изучение роли локуса контроля в проявлении потребительской паники имеет важные практические импликации для управления кризисами и кризисной коммуникации. Понимание, какие группы населения могут

быть более уязвимыми для паники, может помочь в разработке более целенаправленных и эффективных стратегий по смягчению воздействия кризисов на общество. Это также может включать в себя образовательные программы, направленные на укрепление внутреннего локуса контроля и уменьшение уязвимости к паническим реакциям.

Локус контроля представляет собой важный фактор,

который влияет на способность людей реагировать на потребительскую панику в кризисных ситуациях. Понимание этого фактора может помочь улучшить управление кризисами и смягчить их последствия на общество. Дальнейшие исследования в этой области могут предоставить дополнительные уроки и рекомендации для создания более адаптивных и рациональных стратегий в условиях неопределенности и угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Meyer R.J., Assuncao J. The optimality of consumer stockpiling strategies // *Marketing Science*. – 1990. – Т. 9. – №. 1. – С. 18-41.
2. Nakano S., Akamatsu N., Mizuno M. Consumer panic buying: Understanding the behavioral and psychological aspects // *International Journal of Marketing & Distribution*. – 2022. – Т. 5. – №. 2. – С. 17-35.
3. Lee Y.C., Wu W.L., Lee C.K. How COVID-19 triggers our herding behavior? Risk perception, state anxiety, and trust [Электронный ресурс] // *Frontiers in Public Health*. – 2021. – Т. 9. – Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2021.587439/full> (дата обращения 03.09.2023).
4. Notebaert L. COVID-19: The psychology of panic buying [Электронный ресурс] // *University News*. – 2020. – Режим доступа: <https://www.news.uwa.edu.au/archive/2020042812028/uwa-public-policy-institute/covid-19-psychology-panic-buying/> (дата обращения 03.09.2023).
5. Yuen K.F. et al. The psychological causes of panic buying following a health crisis [Электронный ресурс] // *International journal of environmental research and public health*. – 2020. – Т. 17. – №. 10. – Режим доступа: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/10/3513> (дата обращения 03.09.2023).
6. Islam T. et al. Panic buying in the COVID-19 pandemic: A multi-country examination // *Journal of Retailing and Consumer Services*. – 2021. – Т. 59. – С. 1-13.
7. Watson S. Credit card misuse, money attitudes, and compulsive buying behaviors: A comparison of internal and external locus of control (LOC) consumers // *College Student Journal*. – 2009. – Т. 43. – №. 2. – С. 268-276.
8. Sun B. Promotion effect on endogenous consumption // *Marketing science*. – 2005. – Т. 24. – №. 3. – С. 430-443.
9. Sun B., Neslin S.A., Srinivasan K. Measuring the impact of promotions on brand switching when consumers are forward looking // *Journal of Marketing Research*. – 2003. – Т. 40. – №. 4. – С. 389-405.
10. Asmundson G.J.G., Taylor S. Coronaphobia: Fear and the 2019-nCoV outbreak [Электронный ресурс] // *Journal of anxiety disorders*. – 2020. – Т. 70. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7134790/> (дата обращения 03.09.2023)

© Кутумов Александр Сергеевич (kutumov-aleksandr@mail.ru), Бадмаева Наталья Цыденовна (badmaevanc@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОСЛЕДСТВИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОТЯСЕНИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ ПОТОМКОВ

Мосунова Ксения Александровна

Международный институт информатики, управления,
экономики и права;
АНО ДПО «Институт психотерапии и клинической
психологии», г. Москва
k.gubina.rod@mail.ru

THE CONSEQUENCES OF HISTORICAL UPHEAVALS AND THEIR IMPACT ON THE EVERYDAY LIFE OF DESCENDANTS

K. Mosunova

Summary: The aim of this study is to identify and understand the mechanisms of trauma transmission from participants of military conflicts and crises to their offspring. *Methods:* This article employed various research methods, including literature analysis, comparison and juxtaposition of different approaches, as well as synthesis and generalization. *Results:* Different historical events that occurred across vast geographical distances, including the Spanish Civil War, the Holocaust, the Vietnam War, and apartheid in South Africa, were examined to trace the impact of these events on the psychological dynamics of families and society as a whole. *Conclusions:* It is crucial to conduct research on a broader geographical and cultural basis to identify common and unique features of trauma transmission among different nations and communities.

In general, understanding the psychological consequences and mechanisms of trauma transmission holds great importance in building a more conscious, supportive, and healing society, capable of addressing past wounds and creating a healthy future for the generations to come.

Keywords: historical upheavals, the consequences of historical upheavals, the daily life of descendants, the impact of historical events on the fate of people, the mechanism of transmission of trauma.

Аннотация: Целью данной работы является выявление и понимание механизмов передачи травмы от участников военных конфликтов и кризисов на их потомков. *Методы:* во время работы над статьей использовались такие методы, как: анализ литературы, метод сравнения и сопоставления различных подходов, методы обобщения и синтеза. *Результаты:* Рассмотрены различные исторические события, происходившие на большом географическом удалении друг от друга, включая Испанскую Гражданскую войну, Холокост, Вьетнамскую войну и апартеид в Южной Африке для прослеживания влияния этих событий на психологическую динамику семей и общества в целом. *Выводы:* важно проводить исследования на более широкой географической и культурной основе, чтобы выявить общие и уникальные черты передачи травмы между различными народами и сообществами.

В целом, понимание психологических последствий и механизмов передачи травмы имеет большое значение для создания более осознанного, поддерживающего и исцеляющего общества, которое может помочь лечить раны прошлого и создавать здоровое будущее для следующих поколений.

Ключевые слова: исторические потрясения, последствия исторических потрясений, повседневная жизнь потомков, влияние исторических событий на судьбы людей, механизм передачи травмы.

Введение

Тема последствий исторических потрясений и их влияние на повседневную жизнь потомков, привлекает все большее внимание исследователей и практиков в области психологии и психотерапии. В течение истории человечества, войны и кризисы стали трагическими событиями, оказывающими глубокое влияние на жизнь миллионов людей. Однако, помимо видимых физических разрушений и потерь, такие события оставляют невидимые психологические раны, которые затрагивают не только участников событий, но и передаются на последующие поколения.

Изучение психологических последствий войн и кризисов на поколения становится все более актуальным в современном обществе, особенно в контексте продолжающихся вооруженных конфликтов и мировых кризисов. Понимание того, как травматические события влияют на психологическое благополучие и формируют

особенности поведения и ментальность последующих поколений, поможет разработать эффективные методы поддержки и реабилитации для пострадавших и их потомков.

Целью исследования является выявление и понимание механизмов передачи травмы от участников военных конфликтов и кризисов на их потомков.

Задачи исследования:

1. рассмотреть различные исторические события и их влияние на психологическую динамику семей и обществ в целом,
2. описать механизмы передачи травмы, выделенные различными учеными,
3. сделать выводы о важности исследования последствий исторических потрясений для преодоления негативных последствий травматических событий.

Исследование этих вопросов позволит получить более полное представление о сложных психологических процессах, которые связывают опыт травмы прошлого с восприятием и поведением новых поколений.

Анн Анселин Шутценбергер, изучая тему «передачи» психических и физических травм от поколения к поколению [8], внесла понятие «трансгенерационный страх». Одним из примеров, иллюстрирующих этот процесс, является травматизм, связанный с «ветром пушечных ядер», происходившим во время отступления из России войсками Наполеона в 1812 году.

Солдаты, пережившие ужасы смерти своих товарищей во время отступления, испытывали страх, когда чувствовали дуновение ветра от пушечных ядер, уносящих жизни их сослуживцев. Это травматическое переживание приводило к шоку и различным реакциям у них самих, некоторые теряли память, другие испытывали страх и ощущение холода в душе. Удивительно, что эти эмоциональные следствия передались и некоторым их потомкам. В их жизни проявлялись симптомы, такие как холод до костей, недомогание, тревога, спазмы в горле и кошмары.

Этот пример не только подчеркивает важность понимания механизмов передачи травмы на поколения, но также подтверждает, что травматические события прошлого могут оказывать длительное влияние на психологическое благополучие и поведение семей на протяжении нескольких поколений. Эти исторические сюжеты вносят ценный вклад в наше понимание наследственных следствий травматических событий и их воздействия на личную идентичность и отношения внутри семейных структур.

Сложность насыщенного историческими потрясениями XX века во многом воздействует на наше общество и сейчас. В рамках статьи рассмотрим различные исторические события, происходившие на большом географическом удалении друг от друга, включая Испанскую Гражданскую войну, Холокост, Вьетнамскую войну и апартеид в Южной Африке, чтобы прояснить, как эти события повлияли на психологическую динамику семей и обществ в целом. Считаю, что это особенно важно, чтобы подчеркнуть универсальность феномена, острую важность его в российском обществе и необходимость проведения подобных исследований на российском материале.

Методы

В процессе написания статьи проводился анализ литературы, что позволило автору определить актуальность темы, выявить основные проблемы и направления исследований, а также определить ключевые источники

для дальнейшего изучения. Применялись методы сравнения и сопоставления различных подходов, методов и результатов исследований по изучаемой теме. Использовались методы обобщения и синтеза для создания целостного представления о теме исследования.

Результаты исследования

Испанская Гражданская война (1936-1939) была кровопролитным конфликтом между националистическими и республиканскими силами, оставившим глубокий след в истории Испании. Война, сопровождавшаяся насилием и репрессиями, с последовавшими за ней десятилетиями фашистской диктатуры, стала катализатором для психологических травм участников и жертв, оставив непоправимые психические раны у множества семей.

Исследования [2; 4] показывают, что травматический опыт во время войны может передаваться от одного поколения к другому через различные механизмы. Выжившие жертвы и участники диктаторского режима могут переживать сильные чувства вины, страха и травматических воспоминаний, которые, в свою очередь, могут влиять на их отношения с детьми и внуками.

Механизмы передачи травмы включают идентификацию, когда потомки воспринимают опыт своих родителей или дедов как свой собственный, и трансгенерационную передачу, когда определенные травматические события повторяются в поведении и отношениях потомков. Также важную роль играет механизм трансгенерационного травматического пространства, когда страхи и травмы прошлого передаются через культурные и семейные нормы.

Примеры семей, переживших Испанскую Гражданскую войну, показывают глубину влияния травмы на последующие поколения.

Внучка человека, убитого фашистами в Гражданской войне в Испании: «Моя мама очень агрессивна. Кажется, что как жертва у нее есть право мстить». «Я была мамой своей сироте мамы». «У меня нет биологических детей. Мне интересно, прерву ли я эту трагедию» [17].

Уже другая внучка человека, убитого фашистами в Гражданской войне в Испании: «В моем городке многие сироты – дети убитых в войне – выходили замуж за людей праворадикальных взглядов или представителей победившей стороны» [17]. Один из множества случаев союзов между жертвами и агрессорами. Возможный синдром Стокгольмского синдрома.

Холокост остается одной из самых жутких глав в истории человечества. Миллионы невинных людей, в основном евреев, стали жертвами систематического геноцида

нацистским режимом во время Второй мировой войны. Ужасы концентрационных лагерей, массовые расстрелы и преследования стали незабываемым историческим травматическим опытом.

Психологические последствия Холокоста затрагивают как выживших, так и их потомков. Выжившие пережили невыразимую травму, испытывая смертельный страх, потерю близких и непередаваемую боль. Этот травматический опыт стал частью их личностной идентичности и оставил долгосрочные следы на их психическом здоровье.

Травмы Холокоста могут быть переданы на потомков различными механизмами. Исследования [3; 6] показывают, что выжившие могут проявлять особый стиль родительства, включающий излишнюю защиту, сильное стремление сохранить еврейскую идентичность и страх за будущее своих детей. Эти механизмы передачи травмы могут влиять на развитие личности и ментальное благополучие потомков.

Травмы Холокоста оказывают значительное влияние на личную идентичность потомков. Они могут испытывать чувство наследственной вины, даже не имея личного опыта Холокоста. Это ощущение наследственной травмы может повлиять на их отношения, включая близкие семейные связи.

Взрослые потомки Холокоста также могут сталкиваться с сложностью прояснения своей личной идентичности, балансируя между желанием сохранить свою культурную идентичность и избежать страха и вины, связанных с прошлым. Это влияние наследственной травмы может привести к конфликтам и сложностям в семейных отношениях.

Розенталь и Вольтер обнаружили сходства между семьями евреев и нацистов: блокирование информации о семейном прошлом, проявления прошлого через фантазии и психосоматические реакции, страх перед осмыслением, чувства вины и нарушенный процесс самостоятельности [7]. В обеих группах молчание было наиболее эффективным способом передачи травмы. В семьях жертв из-за отсутствия информации возникают фантазии о том, что они являются активными агентами. В семьях агрессоров существуют фантазии о том, что они являются пассивными жертвами.

Если рассматривать вьетнамскую войну, которая шла с 1955 по 1975 год, то можно сказать, что она также оставила глубокие раны на ментальном и эмоциональном состоянии участников войны. Ветераны сталкивались с ужасами боевых действий, потерей товарищей и посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Эти травматические опыты могут оказать влияние на их по-

ведение и отношения с семьей [1].

Дети участников Вьетнамской войны могут быть свидетелями травматических последствий войны у своих родителей. Они могут наблюдать выражение эмоциональной боли, агрессивное поведение или эмоциональное отчуждение у своих отцов и матерей, которые пережили ужасы войны. Эти дети часто испытывают непонимание и страх, не зная, как помочь своим родителям или как справиться с собственными эмоциями.

Примером наследственной травмы от Вьетнамской войны может служить семья ветерана, который после возвращения с войны стал замкнутым и невыразительным. Его дети могут испытывать чувство отчуждения и неспособности понять, что происходит с их отцом. В свою очередь, это может повлиять на их собственные отношения и способность устанавливать эмоциональные связи.

Еще одним примером может быть семья, где участник войны мучается посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). В этом случае дети могут часто сталкиваться с нарушенным поведением родителя, агрессией или переживать тревогу из-за неопределенности и нестабильности домашней обстановки.

Исследование влияния Вьетнамской войны на потомков помогает ученым понять механизмы передачи травмы и разрабатывать подходы к помощи семьям ветеранов для преодоления негативного воздействия военного опыта и обеспечения психологической поддержки для будущих поколений.

Апартеид в Южной Африке, который продолжался с 1948 по 1994 годы, оставил глубокие психологические последствия как у тех, кто прямо участвовал в этой системе, так и у их потомков. Участники апартеида, которые поддерживали и применяли систему расовой дискриминации, могли испытывать чувство вины, стыда и даже травму от участия в таком жестоком режиме.

У потомков участников апартеида также возникает наследственная травма, передаваемая через поколения, что проявляется в форме тревожности, депрессии, чувства неполноценности и сложности в установлении здоровых межличностных отношений [5].

Апартеид также повлиял на отношения внутри семей и в обществе в целом. Разделение на расовые группы создало напряженную атмосферу, расколы и конфликты. Семьи могли быть разделены из-за разных расовых принадлежностей, что приводило к разрыву связей и утрате членов семьи. Общество ощущало разрушительные последствия апартеида. Расовое неравенство и дискриминация привели к глубоким социальным разделениям и

недоверию между разными расовыми группами.

Ученые выделяют различные механизмы передачи травмы. Например, Энчароф [9] выделяет четыре механизма: молчание, чрезмерное откровение, идентификация и повторение.

1. Молчание. Оно на социальном уровне и, возможно, в семьях, является наиболее распространенным способом передачи войны. Выжившие могут быть нестабильными и взрывоопасными, неспособными объяснить, что происходит. Они чувствуют вину за то, что подвергают своих близких этому, и могут изолироваться, чувствовать эмоциональную оцепенелость и неспособность связаться с детьми. Дети могут испытывать те же чувства вины.

Розенталь и Вольтер в своей статье отмечают: «Молчание и семейные тайны, а также семейные мифы являются одними из самых эффективных механизмов обеспечения непрерывности влияния проблематичного семейного прошлого. Это верно для семей выживших, агрессоров и приверженцев нацистов» [18].

Молчание передает нормы, мифы и метасообщения, которые не подлежат опростоволошению. Выжившие могут тонко намекать, что не стоит задавать вопросы. Молчание заполняется фантазиями потомков. Молчание изолирует выживших и затрудняет их процесс справления с горем.

2. Чрезмерное откровение. Полное открытое общение об опыте может облегчить чувство изоляции у жертвы, но может также вызвать травматизацию у семей и у людей, не готовых поделить опытом. Несколько авторов также говорят о травматизации терапевтов, работающих с этими темами.

Также стрессовым для потомков является слушать детали, выраженные без эмоций, с элементом деперсонализации, «как в фильме».

Родители должны передать свой опыт. Как это влияет на детей, зависит от того, насколько родители интегрировали свою травму в момент рассказа. Сложно слушать о боли и страхе, пережитых людьми, от которых дети черпают свою безопасность. Многие дети и внуки отказываются узнавать детали травмы или истории. Хорошей целью является достижение контроля со стороны рассказчиков, стараясь адаптировать свое открытие к потребностям потомков.

3. Идентификация. Дети часто стремятся чувствовать себя ответственными за стресс своих родителей. Они думают, что если бы они были достаточно хороши, их родители бы не чувствовали себя плохо. Даниели [10]

рассказывает, как многие дети Холокоста сознательно и бессознательно поглощают опыт своих родителей в Холокосте в своей собственной жизни. Они могут видеть кошмары о нахождении в концентрационных лагерях. Многие внутренне усваивают часть личности умерших.

Дж. Кестембеер [14] вводит термин «транспозиция» для описания тенденции потомков Холокоста жить в прошлом, погружаясь в фантазии о Холокосте.

4. Повторение. Выжившие и их потомки могут многократно символически повторять травму. Люди, близкие к травме, могут начать мыслить, чувствовать и вести себя так, словно они сами были подвергнуты травме или стали агрессорами.

Повторение, как отмечает Н. Weinberg может рассматриваться как тенденция, которую можно наблюдать в группах, переживших травму [22], к повторению треугольника «жертва-агрессор-бессильный свидетель» или иных ролей, связанных с травмой, при этом оказывая давление на координаторов группы, чтобы они также приняли эти роли, через идентификацию и проекцию. Опыт жертвы предполагает пассивную позицию и бессильность. По мнению А. Миллера, агрессивность жертвы может быть направлена на козлов отпущения, например, на собственных детей [16].

Розенталь и Вольтер обнаружили сходства между семьями евреев и нацистов: блокирование информации о семейном прошлом, проявления прошлого через фантазии и психосоматические реакции, страх перед осмыслением, чувства вины и нарушенный процесс самостоятельности. В обеих группах молчание было наиболее эффективным способом передачи травмы [18]. В семьях жертв из-за отсутствия информации возникают фантазии о том, что они являются активными агентами. В семьях агрессоров существуют фантазии о том, что они являются пассивными жертвами.

Обратимся к мнению Даниэли [10], который описывает четыре типа адаптации семей, выживших: семьи-борцы, семьи-жертвы, семьи-анестезии и семьи агрессоров.

Психологические последствия травмы угрожают трем основным аспектам жизни: мир благосклонен; мир имеет смысл; собственное "Я" ценно.

Во времена апартеида в Южной Африке солдаты Кувута говорили о удовольствии, получаемых от убийств. «В течение дня ты должен убить еще одного человека, чтобы почувствовать адреналин в крови». «Ты становишься наркоманом, не можешь жить без этого» [21].

Они с ностальгией рассказывают о том, как описывали последнее убийство в баре с друзьями и знали, что

выжили. Между смертями они говорят о депрессивных чувствах: «единственный способ перестать так плохо себя чувствовать - новая смерть. Но так как это становится нормальным, нужно еще больше, она должна быть еще ужаснее».

Г. Хардтманн [12] пишет о нацистах после войны: поверженных, виноватых, стыдящихся и с низкой самооценкой. Эти чувства они скрывают за реактивной надменностью. Также они могут проецировать вину на других в виде преследователя, в некоторых случаях это может быть их собственный ребенок. Во многих случаях дети, идентифицируясь с родителями, развивают чувства вины и стыда. Когда дети становятся объектом негативных проекций, они видят себя как евреев своих родителей.

Позднее автор описывает, как молчание стало способом, которым родители обращались к своему нацистскому прошлому при общении с детьми. Это подрывало доверие детей к межличностным отношениям. Кроме того, дети должны были заполнять пустоту информации о прошлом своих родителей во время войны. Они создавали призрачных родителей, чтобы удовлетворить свою потребность в почтении к отцу. Это отсутствие самоуважения со стороны преступников передается второму и третьему поколению.

Отметим еще несколько психологических феноменов, связанных с последствиями исторических потрясений и их влиянием на повседневную жизнь потомков.

Например, Ч. Шатан [20] говорит о замороженном трауре – невозможности выживших испытывать какие-либо эмоции, особенно относительно своих потерь. Это своего рода эмоциональное онемение. Такие люди могут описывать факты о потере без сопровождающей их грусти. Автор считает это защитной реакцией на чрезвычайную боль.

Е. Хантер-Кинг говорит о психологических последствиях, проявившихся в семьях пропавших во Вьетнаме спустя 25 лет. Дети пропавших говорят: «Было бы лучше, если бы тело моего отца вернулось. По крайней мере, был бы какой-то конец. На каждое значимое событие наваливается боль, так как мне не хватает отца рядом. Мне трудно отпустить это, потому что это незавершенная тема» [13].

Другим наблюдаемым явлением у выживших является чувство вины за выживание. Выживание может восприниматься как неблагодарность перед умершими [15]. Чувство «нам нужно было умереть» может лежать в основе большого числа самоубийств евреев, переживших концентрационные лагеря.

А. Шутценбергер говорит, что «вина выжившего в случае возвращения товарища из концентрационного лагеря или из войны, в то время как все его друзья умерли» [19]. Таким образом, выжившие могут также оставить эмоциональные следы у своих потомков. Также описывается, как травматический шок от смерти может передаваться потомкам в виде кошмаров, заболеваний или тревоги. Это было описано хирургами Наполеона во время отступления из России.

Освобожденные из плена солдаты, а также позднее найденные после войны во Вьетнаме пропавшие, также испытывали чувство вины за выживание. Это чувство вины за выживание может передаваться детям.

Имеет место и синдром замены ребенка. Выжившие могут нуждаться в том, чтобы не закрывать свое горе в качестве свидетельства преступлений.

Энчароф описывает явление родительской роли у детей жертв. Они принимают роль опекуна и защитника своих родителей. Часто встречается у потомков нашей войны [9]. Также синдром упоминается у детей ветеранов Вьетнама или детей южноафриканцев. Дочь сироты в результате репрессий в войне сказала: «Я больше была матерью своей матери, чем ее дочерью» [21].

И. Фельсен описывает отношение, которое он называет «спасателем», которое часто присутствует у потомков жертв [11]. В исследовании потомков Холокоста он обнаружил, что 20% из них работали в психическом здравоохранении, в сравнении с 12% в общем населении.

Часто наблюдается идеализация умерших, что может вызывать проблемы у потомков. Двое детей пропавших солдат во Вьетнаме говорят: «Моя мать и другие родственники поставили моего отца на пьедестал. Когда ты вырастаешь, никакой друг или даже ты не сравнится с этим богом». «У меня были проблемы с отцовской ролью. Я идеализировал своего отца до такой степени, что было трудно жить с этим образом» [13].

Можно услышать от потомков, репрессированных в гражданской войне, выражающих чувства стыда, противоречиво связанные с тем, что их отец был арестован и убит. Это явление аналогично вине жертв насилия в семье.

Итак, травматический опыт может передаваться между поколениями через различные механизмы, такие как семейные мифы, секреты, безмолвие и поведенческие шаблоны. Дети и внуки выживших или агрессоров могут непосредственно или косвенно испытывать влияние травмы своих предков.

Одним из механизмов передачи травмы является секретность или молчание в семье, когда родители или близкие родственники не говорят о своем травматическом опыте. Это создает пустоту информации, которую дети и внуки могут заполнять своими фантазиями или ощущением, что они должны нечто скрывать, и не задавать вопросов.

Также важным механизмом передачи травмы является идентификация с предками. Дети могут непосредственно или косвенно впитывать опыт и эмоции своих родителей или бабушек и дедушек. Это может проявляться в желании детей повторить опыт или роль своих предков, чувствах вины, страхе или даже развитии похожих патологических шаблонов поведения.

Травма также может передаваться через непосредственное восприятие симптомов и эмоций родителей или близких родственников. Дети могут реагировать на эмоциональные выражения своих родителей и воспринимать их опыт как свой собственный.

Передача травмы между поколениями играет важную роль в психологическом благополучии семьи. Опыт, связанный с травмой, может оказывать глубокое влияние на личностное развитие потомков. Эмоциональные реакции и психические симптомы, передаваемые от одного поколения к другому, могут повлиять на способность семьи функционировать и адаптироваться к жизненным событиям. Передача травмы также может влиять на способность семейных членов устанавливать здоровые отношения и поддерживать психологическое благополучие.

Понимание механизмов передачи травмы и её влияния на семью может помочь в разработке подходящих стратегий лечения и поддержки для семей, сталкивающихся с этими сложными вопросами. Психотерапевты и специалисты в области психологии семьи могут помочь семьям разрешить неразрешенные проблемы и разработать здоровые механизмы адаптации.

Заключение

В статье были рассмотрены психологические последствия войн и кризисов на поколения и механизмы передачи травмы между ними. Исторические события, такие как Испанская Гражданская война, Холокост и Вьетнам-

ская война, а также апартеид в Южной Африке, послужили основой для изучения влияния травматических событий на семейные динамики и наследственность.

Исследования показывают, что выжившие и участники агрессивных режимов могут передавать свои травмы на потомков, что приводит к наследственной травме. Этот процесс осуществляется через различные механизмы, такие как молчание, идентификация с родителями, культурные и семейные нормы, а также стили взаимодействия.

Понимание механизмов передачи травмы имеет важное значение для современного общества. Оно позволяет более глубоко осознать влияние исторических событий на психическое благополучие и поведение людей. Исследования наследственной травмы помогают осознать, что травматические события не заканчиваются с их фактическим завершением, а могут оказывать длительное влияние на несколько поколений.

Кроме того, понимание механизмов передачи травмы может способствовать разработке эффективных методов поддержки и лечения для тех, кто сталкивается с наследственной травмой. Это позволит лучше понимать потребности выживших и их потомков и помогать им в преодолении негативных последствий травматических событий.

Поле исследований в области психологии наследственных травм по-прежнему является активным и перспективным. Более глубокое понимание механизмов передачи травмы может потребовать дальнейшего изучения биологических и психологических аспектов, которые лежат в основе этого явления.

Также важно проводить исследования на более широкой географической и культурной основе, чтобы выявить общие и уникальные черты передачи травмы между различными народами и сообществами.

В целом, понимание психологических последствий и механизмов передачи травмы имеет большое значение для создания более осознанного, поддерживающего и исцеляющего общества, которое может помочь лечить раны прошлого и создавать здоровое будущее для следующих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бундало Н.Л. Актуальные вопросы этиологии посттравматического стрессового расстройства // Сибирское медицинское обозрение. 2007. №1. С. 3-10.
2. Бурлакова Н.С. Психическое развитие детей, переживших массовые бедствия: от изучения последствий к проектированию развития на основе культурно-исторического анализа // Национальный психологический журнал. 2018. №1 (29). С. 17-29.
3. Бурлакова Н.С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурноисторической клинической психоло-

- гии [Электронный ресурс] // <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/490>
4. Вертелицкая А.И. Трансгенерационная травма с точки зрения психоанализа // Молодой ученый. 2023. № 27 (474). С. 251-253.
  5. Психологическая травма: как она передается из поколения в поколение [Электронный ресурс] // <https://www.psychologies.ru/articles/psihologicheskaya-travma-kak-ona-peredaetsya-iz-pokoleniya-v-pokolenie/>
  6. Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 67–80.
  7. Хдери К.Ю. Евреи в Германии: зарождение и развитие идей антисемитизма // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2017. №4. С. 331-340.
  8. Шутценбергер А.А. Синдром предков. - М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. 256 с.
  9. Ancharoff M.R. The legacy of combat trauma: Clinical implications of intergenerational transmission // International handbook of multigenerational legacies of trauma New York: Plenum Press. 1998. PP. 257-276.
  10. Danieli Y. International Handbook of Multigenerational legacies of Trauma. New York: Plenum Press. 1998.
  11. Felsen I. Transgenerational Transmission of Effects of the Holocaust: the North American Research Perspective // International Handbook of Multigenerational legacies of Trauma. 1998. PP. 43-68.
  12. Hartmann G. Children of Nazis: a psychodynamic perspective // International Handbook of Multigenerational legacies of Trauma. 1998. PP. 85-95.
  13. Hunter-King E.J. Children of Military Personnel Missing in Action in Southeast Asia // International Handbook of Multigenerational legacies of Trauma. 1998. PP. 243-255.
  14. Kestenberg J.S. Healing their wounds: Psychotherapy with Holocaust Survivors and their families Praeger // In P.Marcus and Rosenberg (Eds). New York. 1989.
  15. Lacapra, D. Representing the holocaust. New York: Cornell University. 1994.
  16. Miller A. The childhood trauma // Lecture at the Lescington 92nd Street YWHA in New York city. October 22. 1998.
  17. Ros G.A. Transmisión Transgeneracional del Trauma de nuestra Guerra Civil // Norte de Salud Mental. 2009. № 34. PP. 44–51.
  18. Rosental G. and Völter B. Three generations within Jewish and non-Jewish German Families after the Unification of Germany // International Handbook of Multigenerational legacies of Trauma. 1998. PP. 297-314.
  19. Schützenberger A.A. Health and Death: Hidden links through the family tree // Psychodrama with trauma survivors. 2000. PP. 283-298.
  20. Shatan Ch. Entrevista con el Dr. Shatan // Boletín no 0 de la Sociedad Española de Psicotraumatología y Estrés Traumático. Madrid. 2001. PP. 3-25.
  21. Simpson M. The Second Bullet: Transgenerational Impacts of the Trauma of Conflict within a South African and World Context // International Handbook of Multigenerational legacies of Trauma. 1998. PP. 487-513.
  22. Weinberg H. Trauma Groups: an overview // Group Analysis. 2005. № 38 (2). PP. 189-204.

© Мосунова Ксения Александровна (k.gubina.rod@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Международный институт информатики, управления, экономики и права

ПАТТЕРНЫ ПРИВЯЗАННОСТИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ У МАТЕРЕЙ НАХОДЯЩИХСЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

ATTACHMENT PATTERNS AND CHARACTERISTICS OF THE FAMILY SYSTEM IN MOTHERS IN PENITENTIARY INSTITUTIONS

*E. Potapova
T. Skutina
I. Nepomnyashchaya
K. Kalinovskaya*

Summary: The article presents the results of a qualitative study of attachment patterns and characteristics of the family system in mothers in penitentiary institutions. An integral part of the family system of these women are patterns of attachment in relationships with their own mothers, and also often include intergenerational experience of transmitting "family myths", which for the most part had a negative connotation. It has been proved that deviant motherhood of women in prison is formed as a result of transgenerational transmission of dysfunctional characteristics of family systems, expressed in the peculiarities of family members' relationships, authoritarian rules, lack of emotional ties and stabilizers of family systems has been confirmed in the framework of the study.

Keywords: attachment patterns, family systems, deviant motherhood, penitentiary motherhood, transgenerational factor.

Потапова Екатерина Вадимовна

Кандидат психологических наук, доцент, доцент, ФГАОУ
ВО «Сибирский федеральный университет»
potapowa.catia2011@yandex.ru

Скутина Татьяна Васильевна

Кандидат психологических наук, доцент, доцент, ФГАОУ
ВО «Сибирский федеральный университет»
tvforte@mail.ru

Непомнящая Ирина Викторовна

Старший помощник Красноярского прокурора по надзору
за соблюдением законов в исправительных учреждениях
irina_nepom89@mail.ru

Калиновская Ксения Сергеевна

Кандидат психологических наук, доцент, ФГАОУ ВО
«Сибирский федеральный университет»
kartashovaks@mail.ru

Аннотация: В статье приведены результаты качественного исследования паттернов привязанности и характеристик семейной системы у матерей находящихся в пенитенциарных учреждениях. Составную часть семейной системы данных женщин составляют паттерны привязанности в отношениях с собственными матерями, а также зачастую включают в себя межпоколенный опыт передачи «семейных мифов», которые в большинстве своем носили негативный оттенок. Было доказано, что девиантное материнство женщин, находящихся в условиях заключения, формируется вследствие трансгенерационной передачи дисфункциональных характеристик семейных систем, выражающихся в особенностях взаимоотношений членов семьи, авторитарных правилах, отсутствии эмоциональных связей и стабилизаторов семейных систем нашло свое подтверждение в рамках проведенного исследования.

Ключевые слова: паттерны привязанности, семейные системы, девиантное материнство, пенитенциарное материнство, трансгенерационный фактор.

Введение

С течением времени общество неизменно трансформируется, в этой связи неизбежно трансформируются и социальные роли женщины, а соответственно и взгляды на материнство в структуре ценностей женщины. Согласно И. А. Уманской «материнство представляет собой биопсихосоциальный феномен, который обусловлен как биологическими факторами, так и социокультурным контекстом, условиями жизни, воспитанием» [10].

В обществе уже достаточно давно существует феномен «девиантного материнства». Основу для исследования отклоняющегося материнства заложил К. Боннэ

[7]. Одной из форм девиантного материнства является материнство в условиях заключения. По данным ФСИН России на территории Российской Федерации созданы и функционируют 13 женских исправительных колоний, где созданы условия для содержания беременных женщин и женщин с детьми. Специалисты медико-санитарного обеспечения ФСИН, работающие с такими женщинами, выделили определенные проблемы в указанной сфере, существующие несмотря на психологическое сопровождение (например, отказ от встреч с детьми или от совместного проживания, использование детей для получения льгот). Также стоит отметить, что психологическое сопровождение ограничивается рамками выявления и коррекции отклонений в поведении осужденных женщин, не касающегося проблем материнства,

сопровождение детей ограничивается наблюдением за нормативностью их психического развития.

В психологической науке семью рассматривают не как простую совокупность отдельных индивидов, а как целостную систему, где семья сама по себе единица анализа. О.А. Карабанова пишет «семья рассматривается как целостная система, реализующая совокупность функций, обеспечивающих полное удовлетворение потребностей членов семьи, характеризующаяся внешними и внутренними границами и иерархической ролевой структурой отношений» [6, с. 59]. Т.В. Казанцева уточняет, что изменение одного элемента в семейной системе может привести к изменению других элементов и всей системы в целом [5].

М. Боуэн, один из основоположников системного подхода, полагал, что базисные способы отношений между матерью, отцом и детьми воспроизводят историю отношений прошлых поколений и будут также воспроизведены в последующем [8]. Межпоколенческая или трансгенерационная трансляция семейной истории относится к негенетическим факторам наследования, на одном уровне с культурными нормами и традициями.

Трансгенерационный фактор брал во внимание Э. Берн. Он ввел понятие «сценария», определяя его как «постоянно действующий жизненный план, созданный в детстве под воздействием родителей. Это психологическая сила, подталкивающая человека к его судьбе, независимо от того, сопротивляется ли он или подчиняется добровольно» [2, с. 44]. Первоисточник жизненных сценариев, согласно его теории, лежат не столько в родительской семье, сколько в более ранних поколениях.

Например, М. Боуэн считал, что таким образом между поколениями может передаваться состояние тревоги из-за деструктивных триангуляций внутри семьи [9]. М.В. Сапоровская пишет, что в психоанализе такая передача связана с неразрешенным вытесненным конфликтом, которое старое поколение передает новому. Это целый ряд проблем, например, недостаток любви и заботы, тоска и одиночество, разочарование в другом и др. Комплекс этих неосознаваемых правил закрепляется в семейном мифе, который проявляется в определенных паттернах функционирования семьи [9].

В настоящее время все без исключения психологические направления признают решающую роль влияния детско-родительского взаимодействия на психологическое развитие ребёнка. Основополагающим понятием в исследованиях этого взаимодействия является привязанность. Дж. Боулби интерпретировал привязанность как систему внутренней регуляции со сложной структурой, в которую входят когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Нормальные до-

верительные отношения ребенок сможет выстраивать, только если в возрасте до 3 лет у него сформировалась здоровая привязанность к значимому взрослому. По мере развития и взросления ребенка привязанность трансформируется, но не исчезает из жизни полностью. Следовательно, паттерн семейных взаимоотношений, переживаемый человеком в период детства, имеет решающее значение для развития личности [3, 4].

Феномен девиантного материнства существует в обществе достаточно давно. Термин «появился благодаря исследованиям К. Боннэ и Э. Бадинтер и определяется как «отклоняющееся от нормы материнство, характеризующееся нарушениями детско-родительских отношений, которые служат причинами снижения эмоционального благополучия ребенка и отклонений в его оптимальном психическом развитии в младенческом, раннем и дошкольном возрастах» [7, с. 134].

Материалы и методы

Целью исследования являлось изучение психологического сопровождения матерей, находящихся в пенициарных учреждениях совместно с собственными детьми, а также выявление причин и условий, послуживших формированию дисгармоничных отношений между матерями и детьми. Выборку составили 11 матерей осужденных, находящихся в ИК-22 совместно со своими детьми.

В качестве основных методов были выбраны контент-анализ и тестирование, в качестве методик использовались: «Интервью о привязанности для взрослых» (К. Бриш), «Генограмма» (М. Боуэн), интервью по «Генограмме» (М. Боуэн).

Результаты исследования

Первым этапом исследования стало проведение интервью «Вопросы о привязанности для взрослых» К. Бриша, направленное на определение того, какие ресурсы привязанности и какой травматический опыт привносятся матерями в отношения со своими детьми, а также на определение типа привязанности. Вопросы интервью были разнесены по шести категориям – любовь, давление, отвержение, гнев, страх потери, чувство долга – и оценивались по трехбалльной шкале.

В рамках проведенного анализа были выявленные следующие паттерны привязанности:

- надежный тип у двух матерей, отношения с матерями эмоционально стабильные с высокой степенью доверия. Определялся максимальным значением критерия «Любовь, удовлетворение потребностей, эмоциональный контакт»;

- тревожно-амбивалентный тип у трех матерей, в интервью прослеживается постоянная тревога и неуверенностью в отношениях со своими матерями, недостаточность поддержки. Основной критерий в данном случае – «Страх потери», его оценка имела максимальное значение при анализе результатов интервью. Критерий «Отверждение» имел среднее значение;
- избегающий тип у одной матери, прослеживается отстранение от матери вследствие появления отчима, респондентка склонна избегать близких отношений и проявляет стремление к независимости и самостоятельности. Ключевой критерий «Отвержение»;
- дезорганизованный тип – у пяти матерей, респондентки обижены на своих матерей, говорили о нехватке материнской любви и внимания, проявляли экстремальные реакции на стрессовые ситуации (попытки суицида, уход из дома). Высокие показатели присутствуют по категории «Гнев, обида, раздражение».

Таким образом, подтверждается первая гипотеза о преобладании у осужденных матерей сложноорганизованных паттернов привязанности (дезорганизованный и тревожно-амбивалентный) – у 8 из 11 респонденток.

Следующим этапом исследования было составление генограмм и пост интервью по их результатам семей респонденток со сложноорганизованными паттернами привязанности в разрезе трех поколений, а также проведено интервью по ним с целью определения характеристик семейных систем.

Характеристики семейных систем у 7 матерей со сложноорганизованными паттернами привязанности свидетельствует о нарушениях в родительских семьях при формировании семейных ролей – роль матери выполняли иные родственники. Гипотеза о присутствии нарушения в родительских подсистемах, вследствие несформированности родительской роли и принятию на себя ответственности за ребенка у женщин со сложноорганизованными паттернами привязанности подтвер-

дилась.

У 6 матерей со сложноорганизованными паттернами привязанности в трех поколениях прослеживаются дисфункциональные семейные мифы (например, миф о дружной семье, когда фактически конфликты преобладали) и стабилизаторы семейных систем (отсутствие традиций, общих ценностей, общего времяпрепровождения). Гипотеза подтвердилась.

В семьях 8 респонденток правила устанавливались родителями, зачастую отчимами, обсуждение данных правил отсутствовало, в некоторых случаях несмотря на протест со стороны детей, что приводило к возникновению конфликтов между членами семей и разрушению связей. Это подтверждает гипотезу о жестких авторитарных правилах, которые становились причинами конфликтов в семьях у женщин со сложноорганизованными паттернами привязанности.

Выводы

1. Выдвинутое нами предположение о том, что девиантное материнство женщин, находящихся в условиях заключения, формируется вследствие трансгенерационной передачи дисфункциональных характеристик семейных систем, выражающихся в особенностях взаимоотношений членов семьи, авторитарных правилах, отсутствии эмоциональных связей и стабилизаторов семейных систем нашло свое подтверждение в рамках проведенного исследования.
2. Психологическое сопровождение материнства в пенитенциарных учреждениях должно быть тщательно организовано и осуществляться на регулярной основе. Оно должно быть индивидуальным и учитывать потребности и ситуацию каждой матери, чтобы материнство в пенитенциарном учреждении было более комфортным и гармоничным.
3. Результаты проведенного исследования позволили разработать рекомендации для организации более эффективного психологического сопровождения матерей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова Е.И. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: монография. Москва: Издательский центр «Академия», 2002. 237 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди: монография. Москва.: Литур, 1999. 580 с.
3. Боулби Д. Привязанность: монография. Москва: Гардарика, 2003. 536 с.
4. Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности. От теории к практике: монография. Москва: Когито-центр, 2012. 527 с.
5. Казанцева Т.В., Куницына В.Н. Воспроизведение типов привязанности в отношениях с близкими людьми // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. №1. С. 3-8.
6. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие. Москва: Гардарика. 2005. 320 с.

7. Луговская С.В. Социально-психологический портрет осужденных женщин, имеющих детей в условиях пенитенциарного учреждения // Человек и образование. Т. 26, №1. 2011. С. 133-136.
8. Малькова И.Н., Жедунова Л.Г. Трансляция семейного опыта как фактор формирования материнского отношения // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 2, № 3. С. 223-227.
9. Сапоровская М.В. Теория и практика исследования межпоколенной связи в семейном контексте // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. Т. 9, №1. www.psystudy.ru.
10. Уманская И.А., Тихомирова Е.В. Материнство в системе психологических ресурсов осужденных женщин // Ярославский педагогический вестник. 2019. Т. 107, № 2. С. 90-97.

© Потапова Екатерина Вадимовна (potapowa.catia2011@yandex.ru), Скутина Татьяна Васильевна (tvforte@mail.ru), Непомнящая Ирина Викторовна (irina_nepom89@mail.ru), Калиновская Ксения Сергеевна (kartashovaks@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сибирский федеральный университет

КУЛЬТУРНЫЙ КОД И ЕГО ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Ри Шин Хян

Кандидат психологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет»
Enrapture777@yandex.ru

THE CULTURAL CODE AND ITS PSYCHOSEMANTIC FEATURES OF NATIONAL SELF-AWARENESS

Ri Shin Khian

Summary: This article talks about the relevance of the issue of the peculiarities of national self-awareness, reflecting the worldview of a particular ethnic community. Definitions of national self-awareness of various scientists, such as A.N. Leontiev, V.G. Krysko, E.Yu. Artemyeva, etc. are given. It is believed that the culture of any nation has a set of value orientations. In turn, ethnic culture is the result of the mechanism of historical memory, which forms a common worldview and the nature of ideological ideas for many generations.

Keywords: national self-awareness, value orientations, ethno-cultural values, happiness, associations.

Аннотация: В данной статье говорится об актуальности вопроса особенностей национального сознания, отражающих мироощущение той или иной этнической общности. Приводятся определения национального сознания разных ученых, таких как А.Н. Леонтьева, В.Г. Крысько, Е.Ю. Артемьевой и др. Считается, что культура любой нации обладает набором ценностных ориентаций. В свою очередь, этническая культура является результатом действия механизма исторической памяти, которая формирует общее мировоззрение и характер мировоззренческих идей на протяжении многих поколений.

Ключевые слова: национальное сознание, ценностные ориентации, этнокультурные ценности, счастье, ассоциации.

Категория «национального сознания», в котором отражается мироощущение той или иной этнической общности, прочно вошла в психологию, однако многие вопросы, касающиеся особенностей его становления и функционирования в рамках обыденного сознания не теряют актуальности и в наши дни.

Исследование специфики национального сознания базируется на концепции образа мира в рамках деятельностного подхода, разработанной А.Н. Леонтьевым. Образ мира представлен в целостной многоуровневой системе представлений, важном всеобъемлющем компоненте реализации сознания, где сознание является способом активного отражения, в свою очередь, картина мира представлена в субъективированной и конкретизированной форме отражения мира человека, социальной общности или этноса. По мнению Е.Ю. Артемьевой, под представлением о мире подразумевается отражение взгляда субъекта на объекты окружающей действительности и отображения его отношения к ним [1, с. 205].

Исследователи, занимающиеся изучением национального сознания (Ч. Осгуд, Ф. Францелла, В.Ф. Петренко) говорят, что психосемантический подход является наиболее эффективным методом для изучения компонентов, входящих в него [6, с. 54]. Благодаря психосемантике становится возможным создание обобщенной модели различных способов существования значений в индивидуальном сознании (образы, символы и другие формы). по этой причине, интегративный аспект проявлений индивидуального сознания представителей

определенной этнической группы может отражать национальное сознание и культуру.

Одно из воззрений В.Н. Сагатовского состоит в том, что культура представляет собой процесс и результат, связанный с человеческой деятельностью, который направлен на реализацию определенных ценностей и смыслов культуры». Кроме того, ценности, которые были актуальны в прошлом, могут получить свое возрождение в другой эпохе. Таким образом, можно сказать, что культура содержит в себе ценные ориентиры, которые могут меняться в зависимости от доминирующих тенденций в обществе [2, с. 140].

В контексте развития личности, культура играет важную роль в формировании ее мировоззрения, ценностного отношения к окружающему миру и способности адаптироваться к изменяющимся условиям. Л.С. Выготский считает культуру неотъемлемой составляющей личности. Но, с другой стороны, она может существовать вне ее, определяя саму сознательную активность людей, направляя и регулируя ее целевую направленность и характер организации. В свою очередь А.Н. Леонтьев говорит о культуре, как специфическом способе деятельности, в котором присутствует процесс творческой саморегуляции индивидуальной и неповторимой личности [4, с. 103].

Принадлежность к определенному этносу определяется исторически сложившейся устойчивой общности людей, которые противопоставляют себя другим

группам, также, отличаются присущим данному этносу стереотипом поведения, закономерно варьирующимся в историческом пространстве. Чаще всего, под этносом понимается этническая группа индивидуумов, которые говорят на одном языке на одной территории, имеют одну мифологию, религию, историю, обычаи и традиции [6, с.76].

Таким образом, культура целого этноса возникает в результате исторической памяти, формирующая общее видение мира и особенности мировоззрения на протяжении многих поколений. Более того, культура формирует чувство принадлежности к общей языковой семье и осознание своей культурной и исторической целостности.

Основой духовно-нравственного стержня этнокультуры является общее происхождение людей одного этноса, их общая история и богатое культурное наследие, которые прочно укреплялись на протяжении многих веков. Этнические и культурные ценности представляют собой концепции, понятия и смыслы, которые определяются культурой и разделяются всеми членами этнической группы одного культурного поля. Данные ценности аккумулируют в себе фундаментальные и глубинные принципы, определяющие отношения человека с обществом, природой, своим народом и, в конечном счете, с самим собой. Тщательный анализ этих ценностей может дать точное представление о происходящих изменениях в культуре и индивидуальные личностные изменения, вызванных историческими и культурными трансформациями. В свою очередь, сочетание традиций, идеалов, смысловых ценностей является важным и характерным для каждого человека, по признанию самих представителей этнического сообщества.

Если рассматривать этническое самосознание или устойчивый этнический стереотип поведения, стоит опираться на культурные положения. Они называются «этнокультурные доминанты психики», которые диктуют нациям определенные нормы, идеалы и ценностные ориентиры. Они демонстрируются в виде императивов поведения у представителей того или иного народа. Например, рассмотрим один из них на примере представление о счастье.

Один из методов, который дает возможность раскрыть содержание особенности национального культурного сознания является ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент позволяет проанализировать субъективные ассоциации и взаимосвязи между ними, что помогает обнаружить особенности и специфические различия внутреннего мира и образа мира у разных групп [1, с. 480].

В ходе нашего исследования мы провели ассоциатив-

ный эксперимент. Обработывались ассоциации посредством метода универсалий (Серкин В.П.) и группировки по темам в соответствии с адаптированным вариантом, предложенным Д.А. Леонтьевым.

Ассоциативный эксперимент, как один из первых проективных методов, был предложен З. Фрейдом и его последователями. Согласно исследователям, ассоциации, которые можно назвать слабоконтролируемыми, часто неосознаваемые, являются проекцией внутреннего содержания сознания. Традиционный вариант метода свободных ассоциаций предполагает первые приходящие на ум слова (реакции) испытуемого в ответ на предъявленное слово (стимул).

В нашем исследовании приняли участие представители русского и корейского населения, проживающие на территории г. Южно-Сахалинска: преподаватели и студенты Сахалинского государственного университета, педагогов, работающих в общеобразовательных школах, сотрудники различных российских и иностранных компаний, индивидуальные предприниматели города. Респондентам в качестве слова-стимула предлагалось понятие «счастье». Более 100 участников приняли участие в данном исследовании. Все полученные ассоциации (2961) прошли качественный анализ, в ходе которого были выявлены основные смысловые паттерны (универсалии).

Частотный анализ помог определить наиболее характерные ассоциативные универсалии на слово-стимул счастье, которые отражают представление о счастье у русских и корейских респондентов. Все универсалии были тематически сгруппированы. Самыми наполненными оказались такие универсалии как *любовь, семья, самореализация или творческая работа, здоровье, спокойствие, отдых, радость, друзья, достаток, природа, родные и близкие и др.* Впоследствии, все универсалии были проанализированы с помощью качественного и количественного анализа и распределены по трем группам, в зависимости от преобладающей направленности личности: духовность, душевность и телесность, согласно диагностической методике «Иерархия личности» Е.В. Шестуна.

Результаты исследования показали, что явного отличия в смысловом наполнении понятия счастье у русских и корейских респондентах не выявлено. И те и другие ассоциируют счастье со следующими универсалиями духовного характера: *мир, жизнь, любовь, любимая работа, добро, вера, мечта и др.*; душевными универсалиями: *самореализация и развитие, душевное спокойствие, семья, хорошее образование, радость, друзья, родные и близкие, взаимопонимание, и др.* и телесными универсалиями: *финансовое благополучие, отдых-путешествия, вкусная еда, благосостояние, здоровье, природа, праздники, жилье, погода, домашние питомцы, собственный транспорт и др.*

Для того, чтобы выяснить существует ли разница в представлении о счастье у русских и корейских респондентов во взаимосвязи с их уровнем психологического благополучия было проведено сравнительное исследование с помощью методики К. Рифф «Шкала психологического благополучия».

Согласно анализу, у русских респондентов выявлены значимые отличия в представлении о счастье в зависимости от уровня психологического благополучия. Например, у русских респондентов с **высоким** уровнем психологического благополучия статистически значимыми ($p=0,05$) являются духовная универсалия *любовь*, душевные универсалии *самореализация*, *душевное спокойствие* и телесная универсалия *природа*. Однако, у русских респондентов с психологическим благополучием **ниже** нормы преобладают статистически значимые ($p=0,001$) универсалии «телесного» характера, такие как *активный отдых*, *финансовое благополучие*, *здоровье*.

Согласно анализу универсалий корейских респондентов с психологическим благополучием **выше** нормы статистически значимой ($p=0,05$) духовной универсалией явилась, как и русских респондентов, *любовь*, но также присутствует и *творческая работа*, душевными универсалиями определились *семья*, *радость*, и наконец в телесной универсалии выделился *активный отдых и путешествия*. В свою очередь у корейцев с психологическим благополучием **ниже** нормы преобладает

духовная универсалия *творческая работа*, душевные универсалии *семья* и *самореализация* и телесные универсалии *активный отдых и путешествия*, *достаток*. Хотелось бы отметить, что у корейских респондентов *семья* определилась как значимая универсалия на всех уровнях психологического благополучия. Можно предположить, что корейский этнос, проживающий на Сахалине, сохранил глубинное традиционное почитание роли семьи восточной модели общества.

Таким образом, мы получили подтверждение, что существует тесная корреляционная вертикальная взаимосвязь между представлением о счастье и переживанием психологического благополучия у русских респондентов, то есть, чем выше психологическое благополучие, тем больше духовной наполненности. И наоборот, респонденты с низким уровнем благополучия ориентированы на удовлетворение базовых потребностей. У корейских респондентов данной взаимосвязи не выявлено. Следовательно, можно сделать вывод, что семантическое наполнение стимула «счастье» выявляет корреляцию не только по уровням психологического благополучия личности, но и этнической принадлежности респондентов.

В заключение можно отметить, что ассоциации имеют проективный характер глубинного, внутреннего содержания сознания и исторической памяти, определяя индивидуальную картину личности в системе значений семантического поля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гостев, А.А. Психология вторичного образа / А.А. Гостев. — 2-е изд. — Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2019. — 512 с.
2. Журавлева, Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход / Н.А. Журавлева. — 2-е изд. — Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2019. — 528 с.
3. Микиденко, Н.Л. Этническая социология: учебное пособие / Н.Л. Микиденко. — Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2016. — 86 с.
4. Психология формирования личности и коллектива в мире неопределенности: сборник / С.Л. Антонова, Е.В. Бахадова, Д.В. Каширский [и др.]; под редакцией Е.Э. Кригер. — 2-е изд. — Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. — 229 с.
5. Резников, Е.Н. Психология этнического общения / Е.Н. Резников. — 2-е изд. — Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2019. — 159 с.
6. Хотинец, В.Ю. Этническая идентичность и толерантность: учебное пособие для вузов / В.Ю. Хотинец. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 121 с.

© Ри Шин Хян (Enrapture777@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОММУНИКАЦИЯ С ПОТРЕБИТЕЛЕМ В ВЕК ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

COMMUNICATION WITH THE CONSUMER IN THE DIGITAL AGE: ANALYSIS OF THE FOREIGN RESEARCH

K. Ryzhov

Summary: The article presents an overview of the foreign scientific publications on customer interaction. New mechanisms were identified and characterized that allow the client to engage in communication with the seller in a new digital reality: online services; automated data collection and processing; product branding; mobile applications; loyalty programs and discount coupons; uniting customers into social communities of companies; newsletters; gamification; advertising templates; targeted advertising, storytelling. Trends changing the format of communication with the consumer were identified.

Keywords: communication, consumer, digital technologies, mechanisms of engagement, foreign research.

Рыжов Кирилл Игоревич

*Аспирант, Московский информационно-технологический университет-московский архитектурно-строительный институт (АНО ВО «МИТУ-МАСИ»)
brat.999@mail.ru*

Аннотация: В статье представлен обзор зарубежных научных публикаций по вопросам взаимодействия с клиентами. Выявлены и охарактеризованы новые механизмы, позволяющие вовлекать клиентов в коммуникацию с продавцом в условиях новой цифровой реальности: онлайн сервисы; автоматизированный сбор и обработка данных; брендинг продукции; мобильные приложения; программы лояльности и купоны скидок; объединение клиентов в социальные сообщества компаний; информационные рассылки; геймификация; рекламные шаблоны; таргетированная реклама, сторителлинг. Определены тенденции, меняющие формат коммуникации с потребителем.

Ключевые слова: коммуникация, потребитель, цифровые технологии, механизмы вовлечения, зарубежные исследования.

В век цифровых технологий специалисты в области психологии, маркетинга, бизнеса, а также практики, выполняющие задачи продвижения товаров и услуг, стремятся понять тенденции и факторы, которые способствуют эффективной коммуникации с клиентами в современных условиях. Данная статья представляет собой обзор зарубежных научных публикаций по вопросам взаимодействия с клиентами в современной информационной среде.

С.М. Ли (S.M. Lee), Д.Х. Ли (D.H. Lee) [10] в своем исследовании отмечают, что в эпоху цифровых технологий формируется новая стратегия обслуживания клиентов. Цифровизация ведет к изменениям в поведенческом поведении потребителей от традиционной розничной торговли к онлайн- и/или мобильным каналам. В период пандемии расширились возможности доступа к онлайн услугам через мобильные приложения и бесконтактный сервис. В настоящее время потребителю достаточно нажать несколько кнопок и через интернет-магазин, специальные приложения и сервисы заказать товар из любой точки мира. Бесконтактный сервис становится все более популярен, и позволяет осуществлять заказ с помощью цифровых устройств любые товары потребления: будь то еда в ресторанах, одежда, техника, а также услуги.

По мере того, как потребители становятся все более опытными в использовании новых коммуникационных платформ, они активно взаимодействуют с сервисами

онлайн с помощью технологий. В условиях расширения возможностей и сервисов интерактивной среды, привлечение клиентов стало стратегическим императивом для маркетологов.

Компаниям, чтобы привлечь внимание клиентов в интенсивном и насыщенном информационном поле теперь недостаточно выстроить рекламную кампанию и представить плюсы своего продукта. Важным аспектом становится узнаваемость компании и ее продуктов в цифровой среде. В этом контексте инвестирование компаний в создание брендов является условием привлечения внимания потенциального потребителя к продукту, обеспечения постоянной клиентуры, повышения стоимости за услуги и товары [6] Условием обеспечения прибыльности компаний является установление стабильной коммуникации между клиентами и брендом [14].

Цифровизация привела к тому, что сегодня информация о компании, продуктах и услугах, становится прозрачна. Потребитель также легко может найти сведения о конкурентах и аналогах необходимых ему товаров. В интернете существуют специальные сервисы, которые позволяют сравнивать продукты по стоимости, качеству, рейтингу компаний и другим параметрам. В эпоху прогрессивного развития сетей клиенты получают настолько широкие возможности, что теперь все для них можно заменить: любой продукт, любую услугу, весь контент и любую функцию. В этих условиях маркетологи вкладывают значительные

средства в предоставлении клиентам бесперебойного цифрового взаимодействия и немедленных индивидуальных решений для привлечения их к своим брендам.

Исследователи Су Чжон Ким (Su Jung Kim), Ребекка Джен-Хуэй Ван (Rebecca Jen-Hui Wang), Эдвард С. Малтхаус (Edward C. Malthouse) провели анализ взаимосвязи объемов расходов клиентов, которые пользовались мобильным приложением и покупали товары без приложений. Было выявлено, что клиенты, которые используют мобильные приложения компаний тратят на их товары в несколько раз больше, чем те, которые совершают покупки иным способом. Авторы приходят к заключению, что в современной цифровой реальности мобильные приложения стали важной платформой для коммуникации брендов с покупателями. Также, в результате анализа динамики расходов клиентов и продолжительности использования мобильных приложений, исследователи выявляют, что как только клиенты привыкают к приложению и пропадает «эффект новизны» - расходы их снижаются [8]. Отсюда следует вывод о том, что компаниям необходимо постоянно инвестировать в обновление своих мобильных приложений для поддержания «эффекта новизны» у постоянных клиентов.

Исследователи В.Л. Хэн (W.L.Heng), Х.О. Чуан (H.O. Chuan), П.В. Арумугам (P.V. Arumugam) в период пандемии выявили тенденцию большей лояльности онлайн покупателей к известным брендам, что привело к резкому увеличению прибыли крупных компаний и массовому разорению малого и среднего бизнеса [6].

Авторы Б. Лим (B. Lim), Ю. Се (Y. Xie), Э. Харуви (E. Haruvi) публикуют результаты научных исследований влияния мобильных приложений на потребительские расходы. Они приходят к заключению, что клиенты (будь то физические или юридические лица), использующие мобильное приложение, незначительно сокращают свои расходы в физических магазинах, но значительно увеличивают свои расходы и «походы» за покупками через мобильное приложение. Они представляют доказательства того, что мобильное приложение играет синергетическую роль для клиентов, которые никогда не пользовались цифровым каналом покупок. Авторы обнаруживают эффект конкурентного посягательства со стороны мобильного приложения и считают, что влияние внедрения мобильных приложений выше на рынках, где несколько компаний сталкиваются с жесткой конкуренцией [13].

В научных работах Л. Барак (L. Barak), В. Яков (B. Yakov), В.К. Эйке (B.K. Eike) [11], А. Расул (A. Rasool), Ф.А. Шах (F.A. Shah), Дж. У. Ислам (J.U. Islam) [15] рассмотрены вопросы влияния искусственного интеллекта (ИИ) на способность управления взаимоотношениями с клиентами в системе управления бизнесом.

Совершенствование алгоритмов нейронных сетей ведет к расширению автоматизированного сбора информации о потребителях. Сбор сведений о стоимости товаров, услуг, спросе, возможности обработки больших объемов цифровых данных позволяет не только прогнозировать так называемую «стоимость жизни клиента», но и управлять спросом клиента через предоставления ему именно тех услуг, о востребованности которых говорит его цифровой след [17]. Подобные механизмы все чаще используются поскольку позволяют более эффективно искать целевую аудиторию, коммуницировать с ней и направлять потребительскую активность этой аудитории на приобретение конкретных товаров и услуг. В зарубежной научной литературе применяется понятие «адаптированный подход к клиентам», объясняющее суть данного явления. Реализация индивидуального подхода к клиенту, полученного в результате автоматизированного изучения цифрового следа этого клиента, со временем приведет к цифровой расстановке приоритетов потребителя и дискриминации услуг на рынках у тех компаний и продавцов, которые не смогут оплатить сервисы нейросетей для сбора данных о потенциальном потребителе и создания таргетированной рекламы [16].

Таргетированная реклама - это реклама, которая демонстрируется людям, которые являются целевой аудиторией продукта. Основа таргетинга зависит от таких факторов как: возраст, местоположение, активность в интернете и так далее. В условиях цифрового рынка это надежный способ привлечь внимание людей [1]. М.М. Мариани (M.M. Mariani), С.Ф. Вамба (S.F. Wamba) отмечают, что в конкурентоспособность компании объемы продаж в будущем все больше будут зависеть от направленной коммуникации с потребителями, которая будет строиться на цифровой обработке персональных данных каждого конкретного клиента [14]. В этих условиях возрастает значимость услуг компаний, занимающихся сбором и анализом больших данных, а также сервисов, которые обеспечивают выполнение подобных задач.

В научных работах Т. Леклерк (T. Leclercq), И. Понсен (I. Poncin), У. Хаммеди (W. Hammedi) [9], К. Гарсия-Магро (C. García-Magro), М.Л. Мартин-Пенья (M.L. Martín-Peña), Х.М. Санчес-Лопес (J.M. Sánchez-López) [4] и других зарубежных исследователей геймификация на платформах для продвижения продуктов рассматривается как новая форма общения с клиентами, которая активно развивается в цифровом пространстве.

Геймификация - это стратегия, использующаяся для улучшения систем мотивации пользователей с помощью элементов игрового процесса. Это подразумевает применение аспектов игрового дизайна и динамики в неигровых контекстах, таких как: обучение, физические упражнения, производительность организации, продви-

жение и продажи товаров, реклама, удержание лояльности клиента к компании и т.д.

Авторы Д. Либерато (D. Liberato), П. Либерато (P. Liberato), М. Нуньес (M. Nunes) сравнивают поведенческие паттерны клиентов и мотивы, которые побудили их к покупкам в социальных сетях. Они приходят к заключению, что геймификация вызывает яркие эмоциональные переживания, в результате которых потребители склонны совершать импульсивные покупки и тратить крупные суммы денег на товары, которые им даже не нужны [12]. Стремление победить и добраться до финиша игры подстегивает интерес покупателей к продукту, и на финише клиенты, получая награду в форме купона со скидкой ограниченного по времени действия, в 80% случаев совершают покупку по завышенной стоимости. Когда накал эмоций спадает, потребитель зачастую испытывает разочарование, которое вызвано неоправданными ожиданиями от товара и осознанием высокой его стоимости. Такое явление исследователи Ф. Чжоу (F. Zhou), И. Линь (Y. Lin), Дж. Му (J. Mou), Дж. Коэн (J. Cohen), С. Чен (S. Chen) называют «темной стороной геймификации» [18]. Разочарование от совершенной покупки компенсируется воспоминаниями о пережитых ярких эмоциях в процессе игры, и постепенно вытесняется из сознания потребителя.

В новых условиях меняются подходы к оплате товаров. Если раньше потребитель сперва получал товар и только после этого его оплачивал, то теперь систему доставки товаров можно обозначить фразой Остапа Бендера «утром деньги, вечером стулья». Оплата товаров и услуг осуществляется потребителем зачастую до их получения, либо в момент получения в пунктах выдачи товаров или у курьера.

Еще одним новшеством цифровой эпохи стали программы лояльности для постоянных клиентов [3]. Это способ коммуникации направлен на удержание внимания и стимулирование покупательской способности через предоставления скидок или особых условий для осуществления доставки товаров, специальных цен на ограниченный период (так называемых «акций») или иных особых условий, которые получает клиент за то, что систематически осуществляет оплату товаров и/или услуг компании. Исследования С. Габель (S. Gabel), Д. Гул (D. Guhl) показывают, что программы лояльности и вознаграждения широко распространены в розничной торговле и предназначены для увеличения расходов и удержания клиентов, сбора обширных данных об уровне обслуживания клиентов и разработки индивидуально ориентированных купонов [3].

Объединение клиентов в единое коммуникативное поле или социальное сообщество представляет собой новое явление, которое стремительно развивается в

последние десятилетие. Общение в социальных сетях и мессенджерах с клиентами, стимулирование их коммуникативной активности, полезный контент, контроль внимания и постоянное напоминание о продуктах и услугах компании являются на сегодняшний день неотъемлемой частью бизнеса. Компании создают сообщества в социальных сетях и мессенджерах, куда зачастую автоматически добавляются клиенты после совершения первой покупки онлайн, подтверждения согласия на обработку персональных данных и получения информационных рассылок о совершенной покупке. Для стимулирования покупательской активности маркетологи и контент-менеджеры компаний разрабатывают рекламные шаблоны, которые распространяются через социальные сети и персональные рассылки.

В социальных сетях помимо информационных рассылок и полезного контента в последние годы набирает популярность такая форма общения с потребителем как видео-истории, или сторителлинг [2, 12]. Исследователи К.Ф. Креспо (C.F. Crespo), А.Г. Феррейра (A.G. Ferreira), Р.М. Кардозу (R.M. Cardoso) рассматривают психоэмоциональные механизмы воздействия историй о продуктах и факторы, побуждающие клиентов к совершению сделки. Они приходят к заключению, что клиенты реагируют лояльно к тем продуктам и компаниям, истории о которых у них получили эмоциональный отклик и предлагали реалистичные рецепты позитивного разрешения внутренних конфликтов (болей) и/или удовлетворения их потребностей. Эти истории могут быть трогательными, грустными или радостными, где героями могут являться персонажи, сталкивающиеся с трудностями и проблемами, как у потребителей. В историях о товарах и услугах клиенты лояльны к тем продуктам, которые дарят надежду на разрешение сложностей в их жизни [2].

В результате анализа научных публикаций зарубежных исследователей были выявлены механизмы, позволяющие вовлекать потребителей в коммуникацию с продавцом в условиях новой цифровой реальности. К ним относятся:

- онлайн сервисы для маркетинга, бизнеса, коммуникаций [3, 10, 13];
- автоматизированный сбор и обработка персональных данных о клиентах (анализ цифрового следа потенциального клиента) [11, 15, 17];
- брендинг продукции [5, 8, 6];
- мобильные приложения и их обновление [8, 13];
- программы лояльности и купоны скидок [3, 8, 13];
- объединение клиентов в социальные сообщества компаний [7];
- информационные рассылки [4, 8, 13];
- геймификация [4, 9, 12, 18];
- рекламные шаблоны [4, 7, 13];
- таргетированная реклама [1, 10, 16];
- видео истории о продукте (сторителлинг) [2, 12].

В результате анализа научных статей зарубежных исследователей были определены следующие тенденции, меняющие формат коммуникации с потребителем:

- изменения в покупательском поведении потребителей от традиционной розничной торговли к онлайн- и/или мобильным каналам;
- расширение бесконтактного способа взаимодействия между производителем и/или поставщиком товаров и услуг и потребителем;
- адаптированный подход к клиентам, регулируемый искусственным интеллектом и сервисами

нейросетей.

Проведенный анализ публикаций позволил выявить и актуализировать тенденции и механизмы, влияющие на коммуникацию с клиентами в условиях современного цифрового мира, находящиеся в фокусе внимания зарубежных научных исследований. Каждый выделенный фактор может рассматриваться как отдельное направление исследований, результаты которых будут востребованы среди современных маркетологов и бизнес-компаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bakir V., McStay A. Profiling, Targeting and the Increasing Optimisation of Emotional Life //Optimising Emotions, Incubating Falsehoods: How to Protect the Global Civic Body from Disinformation and Misinformation. – Cham: Springer International Publishing, 2023. – P. 139-172.
2. Crespo C.F., Ferreira A.G., Cardoso R.M. The influence of storytelling on the consumer–brand relationship experience //Journal of Marketing Analytics. – 2023. – Vol. 11. – №. 1. – P. 41-56.
3. Gabel S., Guhl D. Comparing the effectiveness of rewards and individually targeted coupons in loyalty programs //Journal of Retailing. – 2022. – Vol. 98. – №. 3. – P. 395-411.
4. García-Magro C., Martín-Peña M. L., Sánchez-López J. M. Emotional mechanics of gamification and value co-creation: the digital platform Nike+ as a B2B2C ecosystem //Journal of Business & Industrial Marketing. – 2023. – Vol. 38. – №. 2. – P. 414-428.
5. Heller J. et al. Let me imagine that for you: Transforming the retail frontline through augmenting customer mental imagery ability //Journal of Retailing. – 2019. – Vol. 95. – №. 2. – P. 94-114.
6. Heng Wei L., Chuan Huat O., Arumugam P. V. Social media communication with intensified pandemic fears: evaluating the relative impact of user- and firm-generated content on brand loyalty //Asia-Pacific Journal of Business Administration. – 2023. – Vol. 15. – №. 2. – P. 161-187.
7. Karimi A. et al. Designing advertising patterns through social media, in order to influence the desire of customers of sports products //Sports Marketing Studies. – 2023.
8. Kim S.J., Wang R.J.H., Malthouse E.C. The effects of adopting and using a brand's mobile application on customers' subsequent purchase behavior //Journal of Interactive Marketing. – 2015. – Vol. 31. – №. 1. – P. 28-41.
9. Leclercq T., Poncin I., Hammedi W. The engagement process during value co-creation: Gamification in new product-development platforms //International Journal of Electronic Commerce. – 2017. – Vol. 21. – №. 4. – P. 454-488.
10. Lee S.M., Lee D.H. «Untact»: a new customer service strategy in the digital age //Service Business. – 2020. – Vol. 14. – №. 1. – P. 1-22.
11. Libai B. et al. Brave new world? On AI and the management of customer relationships //Journal of Interactive Marketing. – 2020. – Vol. 51. – №. 1. – P. 44-56.
12. Liberato D., Liberato P., Nunes M. Gamification et narration Pour améliorer les Produits Touristiques (Enogastronomiques Réussis // Tourisme, Voyages et Hôtellerie dans un Monde Intelligent et Durable: 9e Conférence Internationale, IACuDiT, Syros, Grèce, 2022- Vol. 1. - Cham: Éditions Springer International, 2023. – P. 433-452.
13. Lim B., Xie Y., Haruvy E. The impact of mobile app adoption on physical and online channels //Journal of Retailing. – 2022. – Vol. 98. – №. 3. – P. 453-470.
14. Mariani M.M., Wamba S.F. Exploring how consumer goods companies innovate in the digital age: The role of big data analytics companies //Journal of Business Research. – 2020. – Vol. 121. – P. 338-352.
15. Rasool A., Shah F.A., Islam J.U. Customer engagement in the digital age: A review and research agenda //Current Opinion in Psychology. – 2020. – Vol. 36. – P. 96-100.
16. Somosi Z., Hajdú N., Molnár L. Targeting in Online Marketing: A Retrospective Analysis with a Focus on Practices of Facebook, Google, LinkedIn and TikTok // European Journal of Business and Management Research. – 2023. – T. 8. – №. 1. – C. 33-39.
17. Yadete F.D., Kant S. Neuro-Marketing in Understanding Consumer Behavior: Systematic Literature Review //Partners Universal International Innovation Journal. – 2023. – Vol. 1. – №. 2. – P. 105-116.
18. Zhou F. et al. Understanding the dark side of gamified interactions on short-form video platforms: Through a lens of expectations violations theory //Technological Forecasting and Social Change. – 2023. – Vol. 186. – P. 122150.

© Рыжов Кирилл Игоревич (brat.999@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БЛАГОПОЛУЧИИ ЛИЧНОСТИ: ОТ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН К СОВРЕМЕННЫМ ПОДХОДАМ

Трифонов Михаил Михайлович

Аспирант, Российский государственный социальный университет
stixi-mike@list.ru

DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT PERSONAL WELL-BEING: FROM ANCIENT TIMES TO MODERN APPROACHES

M. Trifonov

Summary: This article examines the evolution of ideas about personal well-being. The author points out that the concept of well-being is always closely related to many external factors. In this regard, the study of aspects of the development of the idea of psychology and sociology in this area is relevant, since the above-mentioned conditions surrounding a person undergo constant transformations. The purpose of the article is to identify the basic ideas about personal well-being in the works of researchers of various periods, to identify the main scientific trends and determine their practical application at the present stage. Objectives: study of relevant literary sources; identifying the importance of the environment as a determining factor in the development of ideas about the well-being of an individual; determining the place and role of the entire accumulated body of scientific knowledge about the well-being of the individual at the present stage. The novelty of the study lies in the complexity of the analysis, tracing the evolution of ideas of psychological thought about the well-being of the individual. As a result of the analysis of sources on the research problem, it is revealed that the concept of "personal well-being" largely depends on external socio-economic and political conditions and finds its further development in the modern dynamically changing world.

Keywords: personality psychology, sociology, psychology, personal well-being, psychological schools, social environment.

Аннотация: В настоящей статье рассматривается вопрос об эволюции представлений о благополучии личности. Автором обозначается, что понятие благополучия всегда находится в тесной взаимосвязи со многими внешними факторами. В данной связи актуальностью обладает исследование аспектов развития идеи психологии и социологии в названной области, т.к. названные условия, окружающие человека, претерпевают постоянные трансформации. Цель статьи – выявить основные представления о благополучии личности в трудах исследователей различных периодов, обозначить основные научные течения и определить их практическое применение на современном этапе. Задачи: изучение соответствующих литературных источников; выявление значения среды как определяющего фактора в развитии представлений о благополучии личности; определение места и роли всего накопленного корпуса научного знания о благополучии личности на современном этапе. Новизна исследования состоит в комплексности проведенного анализа, прослеживании эволюции представлений психологической мысли о благополучии личности. В результате анализа источников по проблеме исследования выявляется, что понятие «благополучие личности» во многом зависит от внешних социально-экономических и политических условий и находит свое дальнейшее развитие в современном динамически изменяющемся мире.

Ключевые слова: психология личности, социология, психология, благополучие личности, психологические школы, социальная среда.

Введение

На протяжении длительного времени ученые и философы интересовались тем, как достичь счастья и удовлетворения в жизни. Представления о благополучии эволюционировали с течением времени, отражая социокультурные изменения и научные открытия. Так, на протяжении исторического процесса устоявшиеся тезисы претерпевали значительные изменения, а некоторые социальные константы часто принимали противоположный смысл.

В современной научной психологической литературе, как отечественной, так и зарубежной, можно выделить классические концепции, а также подходы, основанные на этих концепциях. Наиболее цитируемые из них – теория У. Джеймса о самоощущении счастья [4, 5], в которой самоуважение и благополучие равно успеху, поделенному на личные притязания. А также теория А.

Маслоу о пирамиде потребностей [12, 13].

Говоря о современных подходах к определению благополучия и гармонии личности, стоит упомянуть концепцию позитивной психологии или индекса развития человеческого потенциала. В частности, ИЧП (индекс человеческого потенциала) принят за эталон при статистическом анализе уровня удовлетворенности жизнью жителей разных стран, социумов, конфессий и т. д.

Однако картина оценки внутреннего психологического комфорта человека, в отрыве от социального, была бы неполной. Подчас уровень социального комфорта играет главенствующую роль в самоопределении комфорта психологического. Необходимо выделить роль социальных норм и ценностей в формировании представлений о счастье и удовлетворенности жизнью. Значительное влияние на самоопределение внутреннего понимания благополучия оказывают социальные ин-

ституты (семья, образование, работа), технологический прогресс, политический и экономический климат, урбанизация и индустриализация.

Многие современные авторы выделяют ряд поведенческих особенностей субъектов исследования под воздействием постоянного стресса и психотравмирующей среды [2, 3, 18]. Интересны исследования подростков, молодежи, а также людей старшего возраста в период постоянного эмоционального напряжения [10]. Ряд ученых выделяют значительные поведенческие изменения у таких людей, отличающиеся от их сверстников, не испытывающих активного стресса [1, 7, 8, 9, 15]. Закономерно полагать, что и понятие благополучия у людей под воздействием стресса и психотравмирующих факторов, также будет отличаться от группы людей, не испытывающих стресс.

Объектом данного исследования является само понятие благополучия в различных философских, психологических и социальных интерпретациях.

Предмет – исторические, философские и социально-психологические подходы к определению благополучия, описанные учеными и философами разных эпох и научных школ, а также изменения этих подходов и причины, вызывавшие такие изменения.

Цель работы: провести анализ литературы по теме определения благополучия личности от древних времен до современности, раскрыть основные научные течения в этой области и их практический смысл.

Для достижения цели были сформулированы следующие задачи:

1. Провести анализ изменений понятия благополучия различных исторических эпох (от древних времен к XX веку).
2. Провести разбор современных научных принципов и подходов к определению и измерению благополучия.
3. Изучить влияние социальной среды, как одного из важнейших факторов, определяющих понятие благополучия.
4. Выделить основные направления использования представлений о благополучии личности в практической психологии и социальной работе.

Анализ литературы о самоидентификации людей, оценке собственного благополучия дает основание утверждать, что само определение благополучия весьма вариативно [6, 17, 19, 20]. В древности, во многих культурах, благополучие личности связывалось с достижением гармонии с природой и божественными силами. В древнегреческой философии, например благополучие рассматривалось как состояние души, достигаемое через мудрость и этическую жизнь.

Средние века характеризовались религиозными представлениями о благополучии личности. Христианство учило, что истинное благополучие возможно только через веру в Бога и подчинение его заповедям. Благочестие и моральность становились основными ценностями, на которых строилась жизнь людей.

С развитием науки и философии в эпоху Просвещения в XVII–XVIII вв. начали появляться новые представления. Одним из философских течений того времени было осознание того, что благополучие возникает из свободы и самостоятельности конкретных личностей и ставят личность на первое место в самоопределении. Они подчеркивали важность индивидуального выбора и развития личных способностей для достижения счастья. Идеи просветителей того времени о свободе, равенстве и счастье стали основой для формирования современного представления о благополучии личности. Кроме того, в связи с накоплением в те годы достаточного объема знаний об анатомии и физиологии, стало возможно рациональное и научное изучение человеческой природы. Так, разработанная Джереми Бентам [23, 24] концепция удовлетворения интересов стала одной из первых попыток количественного измерения благополучия, который стал основой для современных тенденций на стыке психологии и нейрофизиологии.

В XIX веке возрастающий общественный интерес к психологии и социологии привел к новым представлениям и оценкам психологического благополучия и комфорта. С появлением психоанализа З. Фрейда на первый план вышел тезис о том, что бессознательные конфликты могут препятствовать достижению благополучия [21, 22]. Фрейд в своих работах утверждал, что осознание и разрешение этих конфликтов является ключевым фактором для достижения собственного психического равновесия. В эти годы закладывались основополагающие тезисы о важности благополучия каждой личности, выражающиеся в благополучии всего социума.

В XX веке появились гуманистическая психология и позитивная психология. Эти новые векторы активно занимались изучением составных частей внутреннего равновесия и благополучия. Однако, в целом, на протяжении большей части XX века психология сосредоточилась на изучении патологии и отклонений. Это было связано с развитием клинической психологии и интересом к лечению психических расстройств. И только в 1990-х годах произошел поворот в направлении изучения благополучия.

Позитивная психология, развиваемая Мартином Селигманом [16], и другими учеными на стыке веков, ставила перед собой задачу изучения факторов, способствующих полноценной жизни и достижению счастья.

В настоящее время представления о благополучии продолжают эволюционировать. С учетом роста техно-

логий и изменений в обществе все больше внимания уделяется не только психическому состоянию человека, но и его социальной адаптации и качеству жизни.

Таким образом, от древности до наших дней мы видим постепенное смещение акцента от религиозных и традиционных представлений к более индивидуальным и научным подходам.

Современное представление о благополучии в психологии основывается на множестве ключевых аспектов:

1. Психологическое здоровье. Это понятие было сформулировано лишь к концу XX века, но уже стало основой многих научных и практических течений и методов. Чаще всего под психологическим здоровьем понимают состояние, когда человек испытывает баланс эмоционального, социального и психического развития.
2. Самоактуализация. Концепция, разработанная Абрахамом Маслоу [12, 13]. Она подразумевает стремление каждого индивида к полноценной реализации своего потенциала и достижению своей максимальной целеустремленности. Человек, ее достигший, ощущает удовлетворение от своих достижений и имеет глубокое понимание своих ценностей и целей.
3. Качество межличностных отношений. В основе этого аспекта лежит тезис, что люди, которые имеют поддерживающие и эмоционально близкие отношения с другими людьми, обычно чувствуют больше счастья и удовлетворенности жизнью.
4. Уровень самосознания. Самосознание – способность осознавать свои эмоции и действия. Индивиды с высоким уровнем самосознания имеют ясное представление о своих целях и потребностях, а значит, склонны к анализу своих эмоций, поведения, что помогает им развиваться как личности.
5. Развитие навыков и компетенций. Человек, который стремится к обучению и развитию новых навыков, может чувствовать себя более уверенно и успешно.
6. Уровень удовлетворенности жизнью. Этот аспект представляет собой оценку человеком своего собственного психоэмоционального состояния и качества своей жизни в целом. Он может быть измерен субъективно, через самооценку, или объективно, через определение соответствия фактической жизни ожиданиям и целям индивида.

Развитие всех вышеперечисленных факторов, которые так же, в практическом смысле, можно назвать и навыками каждого конкретного индивидуума – является важным составляющим формирования понятия собственного благополучия. Так и наоборот, деградация этих навыков, отдаляет конкретного человека от чувства и ощущения благополучия.

Определение и измерение благополучия, как фактической единицы, являются важными задачами в практической и прикладной психологии и социологии. В течение последних десятилетий эти представления претерпели значительные изменения, что привело к развитию новых подходов и методик.

Одним из самых современных является концепция положительной психологии, которая фокусируется на изучении как негативных аспектов человеческого опыта, так и положительных сторон жизни. Она признает, что само понятие благополучия заключается в наличии позитивных эмоций, удовлетворенности жизнью, эмоциональной стабильности и самореализации.

Другой подход – концепция социального благополучия, утверждающая, что благополучие личности неразрывно связано с благополучием общества. Социальное благополучие предполагает наличие равных возможностей для всех людей, доступность основных ресурсов и услуг, а также справедливое распределение богатства и власти.

Следующий подход связан с концепцией субъективного благополучия. Этот метод основывается на оценках и самоотчетах индивидуумов о своем уровне удовлетворенности жизнью и общего чувства счастья. Данный метод признает индивидуальные различия в том, что каждый человек может считать для себя важным и значимым для достижения гармонии.

Одна из последних разработанных методик – концепция многомерного благополучия, что учитывает различные аспекты жизни, которые могут оказывать влияние на самооценку личности. Это физическое здоровье, психическое состояние, социальные отношения и профессиональное развитие.

Для научной оценки и проведения статистического анализа, безусловно, особую важность представляют количественные методы оценки. Для проведения таких измерений было разработано большое количество инструментов и методик. Одной из самых распространенных является «Опросник общего благополучия», который предлагает респондентам оценить свой уровень удовлетворенности жизнью и общий уровень счастья.

Таким образом, современные подходы к определению и количественному измерению внутреннего определения счастья и удовлетворенности жизнью учитывают многомерность, социальное влияние и субъективную оценку индивидуумами. Технологический прогресс, развитие нейрофизиологии и методов объективной оценки органических, гормональных и электромагнитных изменений мозга, при различных эмоциях выводит процессы работы с определением благополучия и счастья для каждой личности на новый доказательный уровень.

Социальная среда формируется под влиянием общественных ценностей, норм и стереотипов, которые, в свою очередь, и определяют, каким считается идеальный, с точки зрения конкретного социума, человек.

Факторами влияния социальной среды на представления о благополучии являются культурный контекст; социальные институты (семья, масс-медиа и религиозные институты); порождение определенных стереотипов и норм, которые определяют и то, как люди видят себя.

Однако социальная среда не статична. Она развивается под влиянием изменений в обществе. Например, с развитием феминизма и изменением ролей полов в обществе меняются представления о том, что считается благополучием для женщин. Также социальные движения за признание прав групп людей с особыми потребностями или меньшинств могут влиять на представления о благополучии и расширять его понимание.

Таким образом, влияние социальной среды на изменяющиеся представления о благополучии является комплексным и не всегда однозначным процессом, который зависит от культурного контекста, социальных институтов и стереотипов. Однако в современном обществе наблюдается развитие новых представлений, основанных на конкретизированном (статистическом, количественном) анализе, которые учитывают не только материальные показатели, но и эмоциональное состояние и самореализацию человека.

В последние десятилетия достижение понятия благополучия стало одним из центральных в практической психологии и социальной работе. Практическое применение представлений о благополучии личности имеет огромное значение для различных областей жизни человека.

Одной из основных задач практической психологии является помощь людям в достижении высокого уровня собственного благополучия, а также стабилизации этого состояния. Используя различные методы и подходы, практический психолог помогает людям развивать свои навыки саморазвития, управления эмоциями, построения здоровых отношений с окружающими и нахождения своего места в обществе.

Социальная работа также активно внедряет представления о благополучии, как социальной единице, в свою деятельность. Она помогает людям справляться с общественными проблемами, которые могут быть препятствием для достижения высокого уровня жизни, предоставляет помощь в решении частных проблем, оказывает поддержку при нарушении семейных отношений и т. д.

В современном мире все больше людей обращаются за помощью к психологам и социальным работникам.

Причины обращения могут быть различными – от невротических расстройств до сложных социальных проблем, связанных с финансовыми трудностями или непростыми жизненными ситуациями. В рамках работы специалисты должны учитывать не только конкретные проблемы, но и стремиться к достижению стабильного внутреннего комфорта, который и является определением благополучия.

Говоря о конкретных аспектах практического применения полученных знаний, необходимо отметить, что все они основаны на фундаментальных теоретических постулатах, представляющих собой основной смысл работ ученых и философов за всю многовековую историю существования понятия «благополучия»:

1. Учет индивидуальных потребностей и ценностей личностей в выбранном социуме. Каждый человек имеет свои уникальные потребности и ценности, которые определяют его представления о счастье и успешной жизни. Психологам и социальным работникам необходимо уметь выявлять и учитывать эти факторы, чтобы создавать индивидуальные программы помощи и поддержки.
2. Осознание того, что благополучие – это не только отсутствие проблем, но и наличие позитивного опыта, удовлетворенности жизнью и достижения целей. Развитие положительного отношения к себе, своим возможностям и достижениям – основная цель подобных практик. Как и в общей медицине, так и в практической психологии и социологии все больше внимания уделяется превентивным подходам и профилактике проблем. Представления о гармонии и благополучии становятся основой для разработки программ профилактики различных нарушений психического здоровья или социальных проблем.
3. Работа с системой поддержки. Любой человек нуждается в социальной поддержке и взаимодействии с людьми. Психологи и соцработники помогают развивать навыки общения, укреплять отношения с окружающими и находить поддержку в медийных ресурсах или группах поддержки.

Заключение

В обобщении всего вышесказанного, необходимо отметить, что психологическая устойчивость, ощущение собственного благополучия, как в личном, так и в социальном смысле является крайне важным аспектом психологического здоровья человека. Современные социальные особенности, такие как высокая урбанизация и индустриализация, стрессовые и психотравмирующие ситуации, широко распространенное доминирование материальных ценностей над духовными, а также высокая политическая и экономическая напряженность диктуют необходимость широкого применения практик снижения стресса, а также применение методов, направ-

ленных на формирование стабильного ощущения собственного комфорта.

Применение классических представлений о благополучии личности и актуализациях базовых подходов являются важной практикой в работе психолога и социального работника. Учет индивидуальных потребностей и ценностей, развитие положительного отношения к себе и своим достижениям, профилактика проблем, работа с системой поддержки и постоянное профессиональное развитие – все это помогает специалистам создавать условия для достижения стабильного результата.

Выводы

1. Благополучие личности подвержено значительным изменениям под воздействием целого ряда факторов: политических, экономических, культурных, научных и др. Однако многие постулаты, сформулированные мыслителями прошлого, являются актуальными и в условиях современной действительности.
2. Современные научные принципы и подходы к определению и измерению благополучия явля-

ются теоретической базой для практического применения этих знаний в работе психолога и социального работника. Все эти методы, в большинстве своем, базируются на гуманистическом подходе к каждой личности, носят междисциплинарный характер и находятся на стыке с клинической медициной, нейрофизиологией и другими областями.

3. Социальная среда является важнейшим фактором в изменениях понятия благополучия. Культурный контекст, социальные институты и стереотипы, существующие в конкретном обществе, формируют понятийный ряд, определяющий понятия успеха, счастья и благополучия каждым членом этого общества.
4. Основные направления работы по формированию ощущения благополучия (наличие позитивного опыта, развитие положительного отношения к себе, учет индивидуальных потребностей, превентивные подходы, основанные на актуализированных представлениях о благополучии) являются важной частью работы практических психологов и социальных работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргайл, М. Психология счастья Текст. / М. Аргайл. СПб.: Питер, 2003. - 271 с.
2. Березин, Ф.Б. Психологическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф.Б. Березин. Л.: Наука, 1988. - 270 с.
3. Гостюшин, А.В. Человек в экстремальной ситуации Текст. / А.В. Гостюшин. М.: Армада-Пресс, 2001. - 384 с.
4. Джемс У. Психология. - Москва: Педагогика, 1991. - 368 с.
5. Джемс У. Научные основы психологии. - Минск: Харвест, 2003. - 528 с.
6. Джидарьян, И.А. Проблема общей удовлетворенности жизнью. Теоретическое и эмпирическое исследование / И.А. Джидарьян, Е.В. Антонова. В сборнике: Сознание личности в кризисном обществе. - 1995. - С. 76-94.
7. Журавлев, А.Л. Динамика представления личности о себе в экстремальных условиях жизнедеятельности группы / А.Л. Журавлев, Е.В. Журавлева, В.А. Хашченко // . - 1989. - С. 272-288
8. Каганов, Г.З. Проблемы восприятия городской среды населением / Г.З. Каганов // Урбоэкология. М.: Наука, 1990. - С. 38-45.
9. Канеп, В.В. Адаптация человека в экстремальных условиях среды / В.В. Канеп, Д.С. Слуцкер, Л.М. Шафран. Рига: Звайгзне, 1980. - 184 с.
10. Калинина, Н.В. Некоторые аспекты изучения поведения подростков и молодежи в кризисных ситуациях / Н.В. Калинина, М.И. Лукьянова // Психологическая наука и образование. 2000. - № 3. - С. 16-25.
11. Куликов, Л.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью / Л.В. Куликов // Общество и политика / ред. В.Ю. Большаков. СПб.: Изд-во С. - Петербургского ун-та, 2000. - С. 476-510.
12. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики Текст. / А. Маслоу. СПб.: Евразия, 1997. - 430 с.
13. Маслоу А. Мотивация и личность. - Санкт-Петербург: Евразия, 1999.
14. Минюрова, С.А. Личностные детерминанты психологического благополучия педагога / С.А. Минюрова, И.В. Заусенко // Педагогическое образование в России. -2013. - № 1. - С. 94-101.
15. Одарущенко, О.И. Методика оценки эмоционального благополучия в интересах психогигиены, психопрофилактики и психологической реабилитации: автореф. дис. канд. психол. наук: 14.03.11 / Одарущенко Ольга Ивановна. - М., 2015. - 23 с.
16. Селигман, М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни Текст. / М. Селигман; пер. с англ. М.: Изд-во «София», 2006. - 368 с.
17. Соловьева, С.Л. Психология экстремальных состояний Текст. / С. Л. Соловьева. СПб.: ЭЛБИ, 2003. - 128 с.
18. Сочивко, Д.В. Психодинамика личности в экстремальных условиях жизнедеятельности Текст.: дис.д-ра психол. наук: 19.00.06 / Сочивко Д.В. М., 2003. - 355 с.
19. Соколова, М.В. Шкала субъективного благополучия Текст. / М.В. Соколова. Ярославль, 1996. - 11 с.
20. Стрелков, И.А. О проблеме психологического благополучия / неблагополучия в современной психологии Электронный ресурс. // Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова. - Режим доступа: conf2001.dem.ru/strelkov.html
21. Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции. / - М.: Наука. 1991. - 456 с.
22. Фрейд, З. Психология бессознательного. / З. Фрейд. - СПб: Питер, 2010. - 400 с.

23. Bentham J. - Deontology or the Science of Morality. 1st ed. – L., 1834. Vol. 1-2. – 281p.
24. Bentham J. – Plan for an Universal and Perpetual Peace // The Works of Jeremy Bentham, Published under the Superintendence of His Executor, John Bowring. Vol. 2. – Edinburgh, MDCCCXLIII [1843]. – 583p.
-

© Трифонов Михаил Михайлович (stixi-mike@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный социальный университет

ДИСТАНЦИОННОЕ ОНЛАЙН ОБУЧЕНИЕ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ

DISTANT ONLINE TRAINING FOR IMPROVING QUALIFICATIONS: FEATURES OF MOTIVATION

*E. Umanskaya
N. Tsvetkova*

Summary: On a sample of 239 teachers - participants in various professional development programs in an online format. Using questionnaires and valid psychodiagnostic techniques, the presence of motivational features in relation to all currently available forms of electronic distance learning - interactive; webinar; video lectures and correspondence with the teacher with a delayed response; combination of video and texts; texts and self-tests. It has been established that teachers with different experiences in distance learning (different preferred forms of online programs and different lengths of involvement in online learning) have differences in the level of satisfaction of such needs as financial situation, safety, interpersonal connections, respect from others and self-realization, as well as differences in the motives for choosing a profession, motivation for success and in styles of cognition. In addition, relationships between achievement motivation and the level and quantity of satisfied needs, motives for choosing a profession and cognitive styles were discovered.

Keywords: online learning format, electronic distance learning, motivation, needs, needs satisfaction, motives for choosing a profession, cognitive style.

Уманская Елена Геннадьевна

Кандидат психологических наук, доцент, Московский педагогический университет

Цветкова Наталья Афанасьевна

*Кандидат психологических наук, доцент, Московский педагогический университет
mynatulechka@mail.ru*

Аннотация: На выборке из 239 педагогов – участников различных программ повышения квалификации в он-лайн формате, с помощью анкетирования и валидных психодиагностических методик установлено наличие особенностей мотивации по отношению ко всем доступным в настоящее время формам электронного дистанционного обучения – интерактив; вебинар; видеолекции и переписка с преподавателем с отсрочкой ответа; комбинация видео и текстов; тексты и тесты для самопроверки. Установлено, что у педагогов с разным опытом дистанционного обучения (разные предпочитаемые формы онлайн программ и разная длительность включенности в онлайн обучение) наблюдаются различия в уровне удовлетворенности таких потребностей, как материальное положение, безопасность, межличностные связи, уважение со стороны окружающих и самореализация, а также различия в мотивах выбора профессии, мотивации деятельности на успех и в стилях познания. Кроме того, обнаружены взаимосвязи мотивации на достижения с уровнем и количеством удовлетворенных потребностей, мотивами выбора профессии и стилями познания.

Ключевые слова: онлайн формат обучения, электронное дистанционное обучение, мотивация, потребности, удовлетворенность потребностей, мотивы выбора профессии, стиль познания.

Введение

Актуальность темы исследования определяется двумя важными факторами. Во-первых, это изменение требований к профессии педагога в связи с повсеместной компьютеризацией и цифровизацией многих процессов в образовании: на основе учета устоявшихся традиций и накопленного педагогического опыта, происходит инновационное изменение педагогических технологий. Современный педагог должен быть способен реагировать на глобальные изменения в мире и соответствовать тенденциям технологической революции. Во-вторых, это то обстоятельство, что современные ВУЗы не поспевают за стремительным изменением технологий преподавания, в связи с чем выпускники педагогических ВУЗов, обладая внушительным багажом теоретических знаний, зачастую испытывают недостаток практических навыков, без которых осуществление трудовой деятельности затруднительно или даже невозможно.

Все это делает жизненно необходимым для большей

части коллективов средних образовательных учреждений, от руководства школ до педагогов-предметников, классных руководителей и школьных психологов, получать дополнительное образование с целью достижения нового уровня профессиональной компетентности.

При этом указанная задача должна быть решена в ситуации огромного дефицита времени, поскольку педагог должен оставаться в режиме полной занятости на работе и в семье. Этот цейтнот побуждает из всех форм послевузовского образования / повышения квалификации выбирать дистанционное обучение (обучение в онлайн формате), которое стремительно набирает популярность.

Однако не всем людям решение о занятиях в онлайн формате дается легко. Многие сталкиваются с серьезным внутренним сопротивлением, вызванным неверием в свои силы (особенно явно это выражено у людей возраста 50+), «обидой» на судьбу, вынуждающую совершать дополнительные усилия, разочарованием в тех

изменениях, которые несут с собой компьютеризация и цифровизация.

Чтобы помочь справиться с такого рода психологическими проблемами, все заинтересованные специалисты (администрация образовательных учреждений в первую очередь), должны быть вооружены информацией об особенностях мотивации к дистанционному обучению, которая до сих пор практически отсутствует в научной литературе.

Методология и методы исследования

Все вышесказанное обуславливает актуальность и высокую практическую значимость проведенного эмпирического исследования, в котором была использована размещенная на Google-платформе батарея следующих опросников:

- тест «Определение актуальности основных потребностей» в модификации И.А. Акиндиновой; выбор данной методики обусловлен тем, что позволяет оценить уровень удовлетворенности у респондентов пяти важнейших потребностей: в материальном положении, в уровне безопасности, потребности в межличностных связях, потребности в уважении со стороны окружающих, потребности в самореализации; фрустрированность указанных потребностей является важнейшим фактором мотивации деятельности;
- тест «Определение стиля познания (The Learning Style Inventory — LSI)» Д. Колба, с помощью которого можно выделить четыре стиля познания: конкретный опыт; рефлексивное наблюдение; абстрактная концептуализация; активное экспериментирование; учет предпочитаемого стиля познания позволит определить мотивацию выбора тех или иных форм дистанционного онлайн обучения и, соответственно, задаст направления разработки новых программ онлайн обучения;
- методика «Определение основных мотивов выбора профессии» Е.М. Павлютенкова позволяет определить значимость для респондента девяти групп мотивов: социальные; моральные; эстетические; познавательные; творческие; связанные с содержанием труда; материальные; престижные; утилитарные;
- тест «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А.А. Реана; методика позволяет определить значимость онлайн обучения и предпочтения в выборе форм онлайн обучения у людей двух полярных мотиваций – мотивации на достижение успеха и мотивации на избегание неудачи.

Методологическими основаниями исследования выступали

- а) концепция Л.С. Выготского о том, что «познавательный интерес представляет собой избиратель-

ную направленность личности на окружающую действительность, ее предметы и явления. Познавательный интерес характеризуется непрерывным стремлением обучающегося к познанию, к новым, более глубоким и полным знаниям» [1];

- б) положение В.С. Мухиной о том, что «XXI век требует еще более расширенного развития сознания личности человека, включающего понимание значимости глобальных условий для жизни и развития человеческого общества на Земле» [2];
- в) положение А.А. Реана о том, что «толчком к активности в любой деятельности могут в равной степени стать и желание достичь успеха, и страх перед неудачей; это контуры двух важных типов мотивации — мотивации успеха и мотивации боязни неудачи» [3].

Современное образование должно стать «социальным институтом, который был бы способен предоставлять человеку разнообразные наборы образовательных услуг, позволяющих учиться непрерывно, обеспечивать широким массам возможность получения послевузовского и дополнительного образования» [4]. Выполнению этой задачи способствует развитие такого перспективного направления, как дистанционное обучение.

В целом, дистанционное обучение может способствовать повышению образовательного уровня всего населения страны и, как следствие, помочь решению ряда важных социально-экономических проблем: социальной адаптации людей в быстро меняющемся мире цифровых технологий, повышению личностной компетентности специалистов различных профессий, коррективке или, при необходимости, полной смене направления профессионального развития специалистами, чьи навыки оказываются не востребованными в связи с изменениями рынка труда.

Особенно привлекательным дистанционное обучение становится для специалистов, проходящих переквалификацию или повышение квалификации без отрыва от своей основной рабочей деятельности. Приказом Минобрнауки России от 23.08.2017 №816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» [5] установлено, в частности, что образовательные организации вправе реализовывать образовательные программы или их части с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, организуя учебные занятия в виде онлайн-курсов, обеспечивающих для обучающихся достижение и оценку результатов обучения путем организации образовательной деятельности в электронной информационно-образовательной среде, к которой предоставляется открытый доступ через Интернет.

Понятие «дистанционное обучение (ДО)» определяется следующим образом. «Дистанционное обучение в общем случае – это целенаправленный, специально организованный процесс взаимодействия обучающихся с преподавателем и между собой, с применением средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Он не критичен к пространству, времени и конкретному образовательному учреждению и протекает в специфической педагогической системе, элементами которой являются цель, содержание, средства, методы и формы, преподаватель и обучающиеся» [6].

Разнообразие дистанционных образовательных технологий, используемых в России и во всем мире, довольно широко. Наиболее распространены следующие: а) корреспондентская – учебные материалы присылаются обучающемуся обычной почтой, а обучаемый пересылает выполненные задания; б) кейс-технология – дистанционно обучающийся получает учебные материалы на различных носителях (печатные книги, брошюры, задания для контрольных и самостоятельных работ, аудио- и видеокассеты); в) вахтовая – преподаватели приезжают к группе обучаемых и там проводят занятия (рыболовецкое судно, специализированный завод и т.д.); г) радиотелевизионная – занятия проводятся с использованием телевизионных и радиоканалов; д) интернет-технология – обучающийся получает учебные материалы с помощью сети интернет [7].

Интернет-технология является наиболее прогрессирующей и по охвату аудитории, и по количеству применяемых методов (лекции, дискуссии, видеоконференции). Успешное развитие обусловлено, прежде всего, доступностью и быстротой получения информации, а также такими свойствами, как возможность общения преподавателя и обучаемого в реальном или отложенном времени; возможность размещения обучающих материалов не только в пределах одного учебного курса, но и на сторонних ресурсах; возможность доступа к учебным материалам в любое время суток, невзирая на наличие часовых поясов между преподавателем и обучающимся в силу их географической удаленности друг от друга.

В связи с этим, в последнее время широкое распространение получил термин «электронное обучение», под которым понимается «организация образовательного процесса с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие участников образовательного процесса» [8].

Указанные характеристики электронного обучения

позволяют осуществлять проектирование системы дистанционного образования в соответствии с принципами гуманистической педагогики, которые способствуют всестороннему развитию личности и раскрытию ее потенциала, такими как: доступность обучения, научность, наглядность, развитие творчества и критического мышления, положительный эмоциональный фон при обучении, формирование критического мышления.

Необходимо отметить, что дистанционной форме обучения присущи и свои специфические принципы: а) принцип системности (методологический принцип, включающий не только проектирование, управление и создание самой системы, но и организацию познавательного процесса); б) принцип учета специфики предметной области обучения и контингента обучающихся; в) принцип интерактивности (не только для взаимодействия участников педагогического процесса, но и использования учебных материалов); г) принцип гибкости учебного процесса и учебно-методического обеспечения (использование модульного обучения с обширной базой дополнительных ресурсов, позволяющей, в случае необходимости более широко изучить не только конкретную тему или понятие, но и раздел в смежной области знаний или дисциплине); д) принцип корпоративности, командного подхода к организации деятельности в сетях (организация группового взаимодействия с учетом психологических особенностей каждого участника и малых групп, в контексте ответственности всех и каждого за результат совместной работы); е) принцип информационной и психологической безопасности (наибольшую значимость здесь будет иметь формирование критического мышления, особенно в применении интернету, а также формирование благоприятной психологической атмосферы в группе обучающихся) [9].

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что на сегодняшний день, из всех различных моделей дистанционного образования обучающиеся отдают предпочтение тем, где непосредственно, в наибольшем объеме, используется интернет. Онлайн-обучение является наиболее инновационной и динамично развивающейся формой сетевого общения и обучения, внедрение которой, как предполагают исследователи, будет стимулировать повышение качества образования, проектирование новых моделей и технологий обучения и позволит в значительной мере повысить мотивацию к обучению как у людей, получающих новую профессию, так и у людей, которые осознают необходимость повышения квалификации в своей актуальной профессии.

В данном исследовании доказательством этого вывода является статистика ответа на вопрос «Какую форму обучения для повышения квалификации вы предпочитаете (очную или дистанционную?)». Более 70% респондентов выбирают «дистанционную» форму обучения.

Результаты исследования

Выборку исследования составили 239 человек; все они – люди с высшим образованием и в настоящее время работают в образовательных учреждениях (школах). Это учителя-предметники, классные руководители и школьные психологи. Возраст респондентов составляет $37,7 \pm 6,7$ лет; 98% выборки – женщины. Опыт он-лайн обучения имеют все участники исследования; различается только частота использования дистанционного обучения в качестве средства для получения новых знаний: 50,2% выборки использовали он-лайн редко; 21,7% случаев использовали дистанционное образование постоянно, но не предпочитали его, выбирая курсы повышения квалификации; в 28,1% случаях респонденты использовали дистанционное образование постоянно и предпочитали его, выбирая программу повышения квалификации.

Субъективное отношение респондентов к своему опыту он-лайн-обучения разное: 19,6% респондентов оценивают свой опыт дистанционного обучения как «очень хороший»; 44,3% – как «скорее хорошо, чем плохо»; 31,9% – как «приемлемо», 3,8% – «скорее плохо, чем хорошо» и 0,4% – «очень плохо».

Таким образом, отрицательно окрашенный опыт дистанционного обучения имеют 4,3% респондентов; 31,9% относятся к дистанционному обучению нейтрально, а 63,8% (более половины) респондентов имеют положительно окрашенное отношение к опыту дистанционного обучения.

Далее были установлены предпочитаемые формы дистанционного обучения из возможных и доступных в настоящее время: 1) интерактив (преподаватель общается и дает задания в режиме реального времени); 2) вебинар (онлайн-встреча в прямом эфире, спикер (лектор) рассказывает что-то по теме, а зрители / обучающиеся смотрят выступление и задают вопросы в письменной форме в чате); 3) просмотр видео-лекций и переписка с преподавателем (с отсрочкой ответа); 4) комбинация видео и текстов; 5) тексты и тесты самопроверки.

Оказалось, что минимально предпочитаемыми формами онлайн обучения являются вебинары (7,7%) и тексты с тестами самопроверки (5,5%). 18,7% респондентов предпочитают интерактивные занятия, когда преподаватель общается и дает задания в режиме реального времени, а наиболее предпочтительными формами дистанционного обучения являются либо комбинация видео и текстов (33,2%), либо просмотр видео-лекций и переписка с преподавателем (34,9%). Этот вывод, безусловно, необходимо использовать при планировании онлайн курсов по повышению квалификации педагогических кадров.

Переходя к изучению особенностей мотивации педагогов, имеющих опыт обучения в он-лайне, отметим, что мотивация является одним из ключевых понятий современной общественной мысли, которое используется во многих отраслях научного знания – философии, социологии, психологии и педагогике, и обозначает «совокупность побуждений, вызывающие активность индивида и определяющие ее направленность. Осознаваемые или неосознаваемые психические факторы, побуждающие индивида к совершению определенных действий и определяющие их направленность и цели» [10]. Основным мотивирующим фактором, влияющим на жизнедеятельность человека, является стремление к удовлетворению потребностей; именно этот фактор лежит в основе успешной самореализации человека во всех сферах, и, прежде всего, в профессиональной.

Какова же степень удовлетворенности потребностей у педагогов, принявших участие в исследовании? Ответ на этот вопрос важен не только с точки зрения анализа мотивации к постдипломному обучению, но и точки зрения понимания психологического портрета современного педагога.

С помощью методики «Иерархия потребностей» в адаптации И.А. Акиндиновой, рассматривающей пять потребностей (материальное положение, уровень безопасности, межличностные связи, уважение со стороны окружающих, самореализация), было установлено, что наиболее полно удовлетворенными в среднем по выборке являются потребности в межличностных связях и в уважении со стороны окружающих; частично удовлетворенными являются такие потребности, как материальное положение, безопасность и самореализация; доминирующей потребностью является потребность в безопасности. При этом количество удовлетворенных потребностей может варьироваться очень значительно: в выборке есть как респонденты с отсутствием полностью удовлетворенных потребностей, так и респонденты, у которых удовлетворены четыре или все пять рассматриваемых потребностей.

Поиски взаимосвязи между удовлетворенностью у педагога потребностей и его мотивацией к онлайн обучению, позволили установить наличие интересной зависимости, а именно: педагоги с разным количеством полностью удовлетворенных потребностей предпочитают разные формы онлайн обучения. У тех, кто предпочитает вебинары, не оказалось полностью удовлетворенных потребностей; у предпочитающих интерактив – одна полностью удовлетворенная потребность; комбинацию видео и текстов выбирают педагоги с двумя полностью удовлетворенными потребностями; тексты и тексты для самопроверки выбирают педагоги с четырьмя полностью удовлетворенными потребностями (рисунок 1).

Для того, чтобы выявить значимые различия между

группами респондентов с разным предпочтением в формах дистанционного обучения был проведен непараметрический U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок. (Таб. 1.)

Оказалось, что педагоги, предпочитающие наиболее пассивный формат дистанционного обучения в виде изучения подготовленных преподавателем текстов и тестов для самоконтроля/самопроверки, значительно отличаются от педагогов, выбирающих другие форматы, более активные: у них больше полностью удовлетворенных потребностей, чем у других педагогов. Этот результат позволяет сделать вывод о том, что чем более удовлетворенными считает педагог свои потребности, тем ниже у него мотивация к повышению своей квалификации с помощью активного участия в онлайн обучении; он предпочитает в свое свободное время ознакомиться

с предлагаемыми в программе текстами и ответить на контрольные вопросы, не вступая в дискуссию с преподавателем и не подстраивая свой график под график дистанционного обучения.

Этот вывод подтверждается и анализом соотношения между количеством удовлетворенных потребностей, и частотой использования онлайн обучения (рисунок 2). Оказалось, что чем больше у педагогов удовлетворенных потребностей, тем реже они используют онлайн обучение.

Далее нами был изучен вопрос о влиянии на выбор и частоту использования онлайн обучения такой важной для педагога характеристики, как мотив выбора профессии. С помощью методики определения основных мотивов выбора профессии Е.М. Павлютенкова было установлено, что основными в выборе профессии для

Рис. 1. Соотношение между выбираемыми формами онлайн обучения и количеством полностью удовлетворенных потребностей у участников онлайн обучения

Таблица 1.

Результаты сравнительного анализа удовлетворенности базовых потребностей между группами респондентов с разным предпочтением в формах дистанционного обучения*.

		U Манна-Уитни	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Вебинар / Текст и тесты	Материальное положение	35,0	0,001
	Потребность в межличностных связях	68,0	0,044
	Потребности в уважении со стороны	43,0	0,003
	Потребность в самореализации	63,5	0,028
Интерактив / Текст и тесты	Материальное положение	107,0	0,0003
	Потребность в межличностных связях	135,5	0,003
	Потребности в уважении со стороны	110,5	0,001
	Потребность в самореализации	179,5	0,037
Комбинация видео и текстов / Текст и тесты	Материальное положение	273,5	0,005
	Потребность в межличностных связях	289,5	0,012
	Потребности в уважении со стороны	279,5	0,009
Видео-лекции и переписка с преподавателем / Текст и тесты	Материальное положение	264,0	0,002
	Потребность в межличностных связях	328,0	0,024
	Потребности в уважении со стороны	257,0	0,002
	Потребность в самореализации	356,5	0,049

Примечания: * в данной таблице приведены только значимые различия.

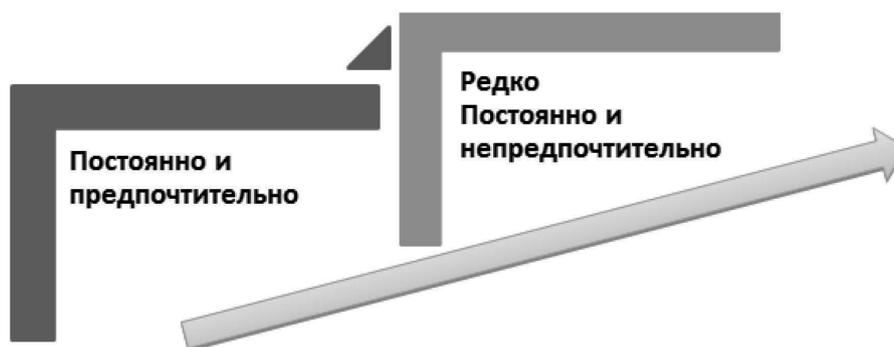

Рис. 2. Частота использования дистанционного обучения в зависимости от количества полностью удовлетворенных потребностей

педагогов-участников исследования являются четыре группы мотивов: социальные, эстетические, познавательные, творческие. Наименее представлены утилитарные мотивы. Таким образом, на выбор профессии у педагогов в наибольшей степени оказывают влияние:

- желание своим трудом способствовать общественному прогрессу, социальная направленность на высшие общечеловеческие цели и потребности;
- стремление к эстетике труда, его красоте, гармонии, восприятие прекрасного, получение ощущения радости от деятельности;
- стремление к овладению специальными знаниями, познание содержания конкретного труда;
- стремление быть оригинальным в работе, получение возможностей для творчества.

Этот результат – важное дополнение к психологическому портрету современного педагога, ориентированного на повышение квалификации за счет дистанционного обучения.

Чтобы выявить значимые различия между тем, каковы мотивы выбора профессии и какие формы дистанционного обучения являются предпочтительными, был проведен непараметрический U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок. Оказалось, что у педагогов, выбирающих активные формы онлайн обучения (вебинар, интерактив и комбинация видео и текстов) значительно большее влияние на выбор профессии оказывают мотивы престижности по сравнению с педагогами, выбирающими самые пассивные формы онлайн обучения (тексты плюс тесты для самопроверки). Также установлено, что на педагогов, выбирающих пассивные формы онлайн обучения (тексты и тестов самопроверки), не оказывают влияния социальные и эстетические мотивы.

Отсюда следует, что у тех педагогов, которые предпочитают обучаться с видео контентом и иметь ответную реакцию от преподавателя, выбор профессии определяется не только стремлением к овладению специальными знаниями, к оригинальности в работе, но и желанием

своим трудом способствовать общественному прогрессу, социальной направленностью на высшие общечеловеческие цели и потребности, а также стремлением к эстетике труда, его красоте, гармонии, восприятию прекрасного, получению радости от своей профессиональной деятельности.

Далее была рассмотрена роль направленности личностной мотивации (на достижение успеха или избегание неудач) у педагогов. С помощью опросника «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А.А. Реана установлено, что у большинства педагогов (68,9%) наиболее выраженной является мотивация на достижение успеха; только у 1,7% выявлена мотивация на избегание неудач, а в 29,4% случаев выявлен невыраженный полюс мотивации.

Педагоги с мотивацией на достижение успеха предпочитают формы онлайн обучения, предполагающие активное участие обучающихся, то есть интерактивы (72,7%) и просмотр видео-лекций с последующей перепиской с преподавателем (73,2%). Педагоги с мотивацией на избегание неудач предпочитают обучение в виде текстов и тестов самопроверки.

При этом педагоги с мотивацией на достижение успеха в большинстве своем (74,2%) постоянно используют дистанционное обучение, а педагоги с мотивацией на избегание неудач редко используют дистанционное обучение (таких респондентов всего 3,4% от общего числа испытуемых).

Стили познания у педагогов изучались с помощью методики, в основе которой лежит теория стиля познания и циклов обучения Дэвида Колба: при получении информации индивид обращает внимание и усваивает одни виды информации в большей степени, чем другие. Принципы отбора информации образуют индивидуальный стиль восприятия и обработки информации, или стиль познания.

Методика позволяет выделить приоритетный стиль познания индивида из следующих четырех – конкретный опыт; рефлексивное наблюдение; абстрактная кон-

цептуализация; активное экспериментирование.

Установлено, что в целом по выборке у педагогов наиболее развитым является абстрактная концептуализация, затем по степени выраженности следуют рефлексивное наблюдение и активное экспериментирование, а наименее развит стиль «конкретный опыт». Иначе говоря, педагоги предпочитают получать информацию из книг, при этом они будут лучше усваивать информацию, которая поддается разумному исследованию или интеллектуальному эксперименту.

В меньшей степени педагоги склонны к рефлексивным наблюдениям, то есть, к рассмотрению получаемой информации с различных сторон, к размышлениям о ней и анализу всех ее возможных значения. Для людей с таким стилем познания характерно избегание быстрых решений, стремление взвешивать все «за» и «против» и только после этого реагировать на информацию.

Стиль «активное экспериментирование, наоборот, предполагает очень быструю реакцию на информацию, поскольку люди с таким стилем познания стремятся оценивать информацию опытным путем, они апробируют ее, пытаясь использовать ее на практике в конкретных ситуациях и для разрешения конкретных проблем.

Стили познания у педагогов с разным предпочтением в формах дистанционного обучения различаются, а именно: как установлено с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни, у педагогов, выбирающих дистанционное обучение в виде вебинаров ($U=60,5$ при $p=0,0231$) и интерактивов ($U=148$ при $p=0,0083$), значительно более выражен стиль познания «активное экспериментирование» по сравнению с педагогами, предпочитающими тексты и тесты самопроверки.

Как показал Д. Колб, сочетание стилей познания образует несколько типов познания: *аккомодационный* (сочетание активного экспериментирования с конкретным опытом, человек-практик); *ассимилирующий тип* (сочетание абстрактной концептуализации и рефлексивного наблюдения, человек-теоретик), *конвергентный тип* (сочетание абстрактной концептуализации и активного экспериментирования, человек-прагматик), *дивергентный стиль* (сочетание рефлексивного наблюдения и конкретного опыта, человек-мыслитель).

Дискретивная статистика показала, что у педагогов преимущественно выражены ассимилирующий (32,3% от всей выборки) и конвергентный (30,2%) стили познания, а аккомодационный (19,1%) и дивергентный (18,3%) стили познания слабо выражены.

Однако наблюдаются различия у педагогов, предпочитающих разные формы дистанционного обучения: у тех, кто предпочитает форму текстов и тестов самопро-

верки, а также комбинацию видео и текстов, более всего выражен ассимилирующий тип. Люди с таким типом познания прекрасно обрабатывают большие объемы информации и излагают ее в точной, компактной и логичной форме. Они не склонны к получению информации при взаимодействии с другими людьми, предпочитая работать с абстрактными идеями и концепциями; широко используют методы индукции и стремятся к осмыслению всей наличной информации. Логическую безукоризненность теории они ставят выше ее практической, или прикладной, ценности.

У педагогов, предпочитающих дистанционное обучение в виде вебинаров, интерактивов и частично просмотра видео-лекций и переписки с преподавателем, в наибольшей степени проявляется конвергентный тип. Люди с таким типом стиля познания умело используют на практике разного рода идеи и теории; при решении проблем и принятии решений они предпочитают иметь дело с техническими задачами и сформулированными проблемами, а не с вопросами социальных и межличностных отношений; умеют воплощать идеи на практике и разрешать понятные им проблемы.

Для того, чтобы оценить особенности взаимосвязи мотивации достижения с удовлетворенностью базовых потребностей, мотивов выбора профессии и стиля познания, был проведен корреляционный анализ Спирмена. (Таб. 2.)

В группе педагогов, которые редко используют дистанционное обучение, выявлены положительные взаимосвязи между мотивацией достижения и абстрактной концептуализацией ($r=0,298$ при $p<0,01$), активным экспериментированием ($r=0,292$ при $p<0,01$), эстетическими ($r=0,21$ при $p<0,05$) и познавательными мотивами выбора профессии ($r=0,206$ при $p<0,05$).

Это значит, что чем выше уровень мотивации стремления к успеху у педагогов с редким опытом дистанционного обучения, тем ярче они у них будут проявляться познавательные стили «активное экспериментирование» и «абстрактная концептуализация», которые определяют конвергентный тип познания, а также сильнее будут оказывать влияние на выбор профессии такие мотивы, как эстетические и познавательные. Иначе говоря, по мере роста мотивации на достижение успеха, у этих педагогов будет усиливаться стремление воплощать идеи на практике и разрешать возникающие проблемы, при этом в вопросе выбора профессии они в большей степени будут стремиться к эстетике труда, его красоте, гармонии, восприятие прекрасного, получению ощущения радости от деятельности, а также стремиться к овладению специальными знаниями, познанию содержания конкретного труда.

В группе педагогов, которые постоянно используют дистанционное обучение, но не предпочитают его, выяв-

Таблица 2.

Результаты корреляционного анализа между мотивацией лостижения и проявлениями базовых потребностей, мотивов выбора профессии и стилями познания в группах с разным опытом дистанционного обучения.

	Мотивация достижения		
	Редко	постоянно и непередпочтительно	постоянно и передпочтительно
Потребность в самореализации	0,10	0,19	0,302*
АК	0,298**	0,296*	0,24
АЭ	0,292**	0,14	0,334**
Эстетические	0,210*	0,14	0,286*
Познавательные	0,206*	0,06	0,329**
Материальные	0,12	0,279*	0,07
Престижные	0,07	0,370**	0,15

Примечания: в данной таблице представлены только значимые различия, где * при $p < 0,05$, ** при $p < 0,01$.

лены положительные взаимосвязи между мотивацией достижения и абстрактной концептуализацией ($r=0,296$ при $p < 0,05$), материальными ($r=0,279$ при $p < 0,05$) и престижными мотивами выбора профессии ($r=0,37$ при $p < 0,01$).

Это значит, что чем выше уровень мотивации стремления к успеху у педагогов с постоянным, но не передпочтительным опытом дистанционного обучения, тем ярче у них будет проявляться познавательный стиль «абстрактная концептуализация», который входит в состав ассимилирующего и конвергентного типов познания, а также сильнее будут оказывать влияние на выбор профессии такие мотивы, как материальные и престижные. Иначе говоря, в этой группе педагогов усиление мотивация на успех приводит к тому, что они будут лучше усваивать абстрактную, символическую или теоретическую информацию. А при выборе профессии они в больше степени будут стремиться получать определенные блага и высокий престиж.

В группе педагогов, которые постоянно используют дистанционное обучение и предпочитают его всем другим формам пост-дипломного образования, выявлены положительные взаимосвязи между мотивацией достижения и базовой потребностью в самоактуализации ($r=0,302$ при $p < 0,05$), активным экспериментированием ($r=0,334$ при $p < 0,01$), эстетическими ($r=0,286$ при $p < 0,05$) и познавательными мотивами выбора профессии ($r=0,329$ при $p < 0,01$).

Это означает, что чем выше уровень мотивации стремления к успеху у педагогов с опытом постоянного участия в он-лайн программах, которые они считают лучшей формой повышения квалификации, тем сильнее у них удовлетворенность потребности самоактуализации, ярче проявляется стиль познания «активное экспериментирование», которое входит в состав аккомодационного и конвергентного стилей познания, а также сильнее

будут оказывать влияние на выбор профессии такие мотивы, как эстетические и познавательные. Иначе говоря, у педагогов, часто и с удовольствием использующих дистанционное обучение, усиление мотивация на успех, стимулирует склонность к мгновенному реагированию на информацию, склонность занимать принципиально активную позицию, апробировать новую информацию, пытаться использовать ее на практике в конкретных ситуациях и для разрешения конкретных проблем. А в выборе профессии они в больше степени будут стремиться к эстетике труда, его красоте, гармонии, восприятие прекрасного, получению ощущения радости от деятельности, а также стремиться к овладению специальными знаниями, познанию содержания конкретного труда.

Заключение

К настоящему времени онлайн-обучение является наиболее инновационной и динамично развивающейся формой постдипломного образования, направленного на повышение профессиональной квалификации педагогических кадров. Однако широкое признание его несомненных достоинств до сих пор не стимулировало педагогов к использованию форм онлайн обучения, которые требуют активного участия обучающегося в образовательном процессе. Наиболее передпочтительными формами для 68% педагогов остаются не интерактивы, а либо комбинация видео и текстов, либо просмотр видеолекций и последующей перепиской с преподавателем.

Для увеличения количества педагогов, использующих активные формы онлайн курсов, необходимо развивать индивидуальную мотивацию к достижению успеха в противовес мотивации на избегание неудач.

Выявленные взаимосвязи между отношением к дистанционному образованию и мотивами выбора профессии могут быть использованы при планировании тренинговых программ в педагогических вузах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. – СПб.: СОЮЗ, 1997. – 224 с.
2. Мухина В.С. Отчужденные: Абсолют отчуждения. – М.: Прометей, 2009. – С.20.
3. Реан А.А. Психология личности: Социализация, поведение, общение. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2004. – 407 с.
4. Андреев А.А., Солдаткин В.И. Дистанционное обучение: сущность, технология, организация. – М.: Издательство МЭСИ, 1999. – С. 4; 108.
5. Министерство образования и науки РФ. Приказ от 23.08.2017 N 816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.09.2017 N 48226). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278297/ (дата обращения: 17.04.2021)
6. Андреев А.А. Становление и развитие дистанционного обучения в России / А.А. Андреев // Высшее образование в России. – 2012. – № 10. – С. 106.
7. Карандашев В.Н. Методика преподавания психологии: учебник для вузов / В.Н. Карандашев. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Изд. Юрайт, 2020. — 376 с. — Текст: электронный // ЭБС Юрайт. — URL: <https://urait.ru/bcode/450148> (дата обращения: 01.05.2021).
8. Педагогические технологии дистанционного обучения: учебное пособие для вузов / Е.С. Полат [и др.]; под ред. Е.С. Полат. — 3-е изд. — М.: Изд. Юрайт, 2020. — С. 90 - 114. — URL: <https://urait.ru/bcode/449298> (дата обращения: 01.05.2021).
9. Сатунина А.Е. Электронное обучение: плюсы и минусы // Современные проблемы науки и образования: журнал. — 2006. — № 1. — С. 89—90.
10. Большой психологический словарь / [Авдеева Н.Н. и др.]; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. - 4-е изд., расш. - Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Евроснак, 2009. - 811 с.

© Уманская Елена Геннадьевна, Цветкова Наталья Афанасьевна (mynatulechka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический университет

ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ КИТАЙЦЕВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА¹

THE MENTAL STATE OF THE CHINESE IN THE RUSSIAN FAR EAST DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC²

Zhang Jianwen
Jiang Dan

Summary: The article analyzes the mental state of Chinese citizens who were in the Russian Far East during the coronavirus pandemic. The results of surveys of Chinese citizens in Russia during their isolation as a preventive measure to prevent the spread of coronavirus infection are described, typical reactions to isolation are given and areas of work to overcome the negative consequences of such restrictions are described.

Keywords: coronavirus pandemic, mental state, Chinese, Far East, Russia, psychological support.

Чжан Цзяньвэнь

Старший преподаватель, Хэйхэский университет,
Китайская Народная Республика,
5644060@qq.com

Цзян Дань

Доцент, Хэйхэский университет, Китайская Народная
Республика
1060396560@qq.com

Аннотация: В статье дан анализ психического состояния китайских граждан, находившихся на Дальнем Востоке России в период пандемии коронавируса. Описаны результаты опросов граждан Китая в России во время их изоляции как профилактической меры по предотвращению распространения коронавирусной инфекции, приведены типичные реакции на изоляцию и описаны направления работы по преодолению негативных последствий подобного рода ограничений.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, психическое состояние, китайцы, Дальний Восток, Россия, психологическая поддержка.

Проблема борьбы с коронавирусом затронула все страны мира без исключения и стала настоящим вызовом для медицины и социальных институтов в целом. Новая коронавирусная инфекция выступила как устрашающая не изученная угроза.

С момента вспышки пандемии COVID в конце 2019 года цивилизованный мир активно искал пути противостояния этому глобальному вызову всему человечеству. Первые успехи по отражению удара COVID-19 продемонстрировал Китай, показавший комплекс мер, на которые должно пойти государство и все его граждане для победы над эпидемией.

Вскоре после того как Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию, Китайская Народная Республика закрыла границы.

Российская Федерация также присоединилась к большинству стран, которые закрыли свои границы. Таким образом, часть китайских граждан осталась на территории России в разгар пандемии коронавируса.

В этот период люди находились в очень сложной ситуации, были вынуждены наблюдать как вокруг них и во

всем мире набирает обороты пандемия, на фоне этого у многих наблюдались нестандартные психические реакции и психологические отклонения различной степени тяжести.

Лучшим методом профилактики и эффективным способом контроля над распространением болезни стала изоляция населения в домашних условиях.

Начиная с марта 2020 года, в Российской Федерации был введен режим ограниченной мобильности граждан. Таким образом, китайские граждане оказались в весьма затруднительной ситуации, в изоляции, в чужой стране. Что отрицательно сказалось на психологическом состоянии китайцев, оказавшихся в России в период пандемии коронавируса.

Исследованием была охвачена территория Дальнего Востока России, где в интервьюировании приняли участие 586 респондентов.

Само понятие об изоляции, тем более массовой, у большинства граждан Китая до начала пандемии практически отсутствовало. У них практически не было опыта оптимального поведения в подобных условиях.

¹ Данная статья является одним из результатов проекта Института Хэйхэ 2022 года «Исследование положения китайцев на Дальнем Востоке России во время пандемии коронавируса», проект № YDP202202.

² This article is one of the results of the Heihe Institute 2022 project «Study of the situation of Chinese in the Russian Far East during the coronavirus pandemic», project no. YDP202202.

В результате опроса было выявлено, что уже в первую неделю изоляции наблюдался рост тоски по свободному перемещению и возможности беспрепятственно контактировать с другими людьми. Наши респонденты отмечали рост напряжения, усиление раздражительности. С течением времени психическое состояние респондентов ухудшалось.

Результаты исследования показали, что среднее время, в течение которого, по суждению китайских респондентов, они могли выдержать режим полной изоляции, составляло 7-8 дней. При этом, потребность психологической помощи появилась у большей части респондентов уже на 4-5 день полной изоляции.

На второй неделе полной изоляции большинство респондентов из КНР отмечали желание избежать вынужденного ограничения свободы. Невозможность удовлетворить это желание усиливала общий дискомфорт. Среди испытуемых, находящихся в домашней изоляции, 23,95 % людей испытывали нервозность, усиливающийся дискомфорт при неизменных внешних условиях, 25,21 % прямо указывали на нарастающую раздражительность, 22,94 % испытывали тревогу и 22,01 % испытывали страх. Более 19 % респондентов указали, что испытали усиливающееся чувство гнева и более 10 % отметили появление и рост печали и даже отчаяния.

Длительная домашняя изоляция оказала негативное влияние не только на психическое, но и отмечалось ухудшение физического здоровья респондентов. Из всей массы респондентов 14,3% отмечали учащенное сердцебиение, 9,76% ощущали стеснения в груди, одышку, 8,48% указали на избыточное потоотделение и 11,19% указали на появление общего недомогания. Также в числе других негативных последствий самоизоляции респондентами были отмечены такие показатели как снижение аппетита (10,4%); бессонница (14,34%); склонность к агрессии (6,11%) и другие формы деструктивного поведения (5,77%); онемение различных частей тела (10,86%).

Из приведенного выше анализа данных можно заключить, что политика домашней изоляции, принятая в ответ на пандемию коронавирусной инфекции, оказала большое негативное влияние на физическое и психологическое состояние людей всего за 14 дней. Хотя выявленный физический и психический дискомфорт, включает в себя множество разнообразных проявлений, в целом можно выделить в числе основных источников дискомфорта наших респондентов тревогу, панику и депрессию, что подтверждается данными и других авторов [1]. Основным фактором усиления указанных реакций респондентами названы сведения из средств массовой информации об уровне смертности от последствий пандемии и всё время увеличивающемся числе заболевших.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, китайских респондентов на протяжении всего периода пандемии характеризует высокий уровень психического напряжения с отрицательным эмоциональным фоном, что соответствует негативным состояниям повышенной психической активности (раздражение, возмущение, негодование, гнев, ярость, паника, ужас, страх, отчаяние и другие).

Во-вторых, общая тенденция у китайских респондентов говорит о определенной зависимости: чем дольше длится самоизоляция, тем хуже становится психическое состояние людей – повышается уровень невротизации и угроза психическому здоровью.

Такие отклонения в поведении людей и психологические проблемы в период пандемии коронавируса можно отнести к стрессовой реакции, проявляющейся в ситуациях повышенной опасности [2].

Очевидно, что отсутствие своевременных мер психологической поддержки в подобных ситуациях может стать причиной необратимых деструктивных процессов во всем обществе.

Поэтому целесообразно массовое оказание психологической помощи населению эффективными средствами борьбы со стрессовыми ситуациями.

Прежде всего, в чрезвычайных условиях важно опираться на систему психологической поддержки населения с помощью дополнительной мобилизации психологически устойчивых и настроенных на конструктивную работу сил самого общества [3].

Также немаловажна доступность достижений психологической науки в области эффективного преодоления деструктивных последствий стресса.

Нужно постоянно разъяснять общественности, что такие состояния, как тревога и паника, вызванные пандемией, являются реакцией большинства обычных людей, что подобным реакциям можно и нужно грамотно противостоять [4].

За счет популяризации достижений психологии и медицины, активного внедрения их рекомендаций необходимо постоянно расширять зону психологического комфорта там, где каждый человек проводит свое время в период полной изоляции [5].

Нужны мероприятия, направленные на повышение уверенности людей в своих силах, на совершенствование навыков самоконтроля, на позитивную коррекцию психологического состояния каждого человека.

Также, в условиях полной изоляции существует необходимость повышения прозрачности и конструктивности информации. Позитивная, профессиональная и содержащая ясные, конкретные и действенные рекомендации информация должна помогать людям, стабилизировать свое мышление, эмоциональное состояние и общее самочувствие [6].

Существует необходимость эффективного использования современных ресурсов – прежде всего, телевидение и социальные сети - для предоставления обществу авторитетной и полезной информации. Должна быть разработана и реализована разумная рекламная кампания, налажено действенное просвещение, демонстрирующие образцы правильного поведения, приемы и методы профилактики негативных последствий пандемии и направленной на ее преодоление изоляции граждан. При этом организаторам таких мероприятий надо отдавать себе отчет, что первоочередная задача подобных кампаний – обеспечение стабильности в обществе и персонального благополучия граждан.

Должны быть найдены способы оказания профессионально психологической помощи тем, кто переживает сильный стресс. Людям нужно помочь скор-

ректировать свое состояние и сохранить позитивный настрой [7].

На это обращают внимание многие ведущие ученые, видные общественные и политические деятели. Так, Генеральным секретарем Си Цзиньпином были даны прямые указания в отношении психологического консультирования и необходимых мер по обеспечению социальной стабильности в обществе [8].

Для сохранения психологического здоровья человека в условиях пандемии и связанной с нею изоляции требуется широкомасштабный запуск надежных механизмов психологического консультирования и психологической помощи [9]. Это также важно для обеспечения психологической безопасности и скорейшего восстановления после выхода из режима пандемии [10].

Таким образом, в данной ситуации ученым всего мира важно проанализировать психологические особенности индивидуальных реакций людей и найти оптимальные решения, которые помогали бы находить выход из кризисных ситуаций в условиях пандемии, сохранив психологическое здоровье и обретая новые личностные и социальные ресурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zhang Xiang, Geng Deqin, Zhang Caiyi, et al. Investigation and analysis of general public depression during the novel coronavirus pneumonia epidemic[J]. *International Journal of Psychiatry*, 2020, 47(05): 851-854.
2. Фан Ц., Ли В., У Ц., Цю Ц., Огнев А.С. Анализ психического состояния населения Китая и России в период пандемии COVID-19 / Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал. - №4 (25) 2020.
3. Zheng Aiming. Public Psychological Responses and Intervention Strategies under the New Coronavirus Pneumonia Epidemic [J]. *Journal of Nanjing Medical University (Social Science Edition)*, 2020, 20(05): 425-428.
4. Ловягина, А.Е. Психические состояния человека: учеб. пособие / А.Е. Ловягина. – СПб: СПбГУ, 2014. – 120 с.
5. Макарова, Е.Ю. Психологические особенности реакций на стресс, обусловленный режимом самоизоляции в период пандемии COVID-19 / Макарова Е.Ю., Цветкова Н.А. // E-Scio. 2020. №10 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-reaktsiy-nastress-obuslovlennyu-rezhimom-samoizolyatsii-v-period-pandemii-covid-19> (дата обращения: 15.07.2023).
6. Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 / Под редакцией Ю.П. Зинченко. М.: Издательство Московского университета, 2021. – 596 с.
7. Психология состояний / Под ред. А.О. Прохорова. – М.: ПЕР СЭ; СПб: Речь, 2021. – 608 с.
8. Стресс и страх в экстремальной ситуации [Электронный ресурс] / Розенова М.И., Екимова В.И., Кокурин А.В. [и др.] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 1. - С. 94–102.
9. Сочивко, Д.В. Метод исследования психологических эффектов самоизоляции / Д.В. Сочивко, Т.А. Симакова // Прикладная юридическая психология. 2020. № 3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-issledovaniyapsihologicheskikh-effektov-samoizolyatsii> (дата обращения: 19.07.2023).
10. Cardiometric evidence data on human self-control of emotional states in the context of the use of metaphoric associative cards / Zernov V.A., Lobanova E.V., Likhacheva E.V. [et al.] // *Cardiometry*. - 2020. № 16. - С. 55-61.

© Чжан Цзяньвэнь (5644060@qq.com), Цзян Дань (1060396560@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ НРАВСТВЕННЫХ И ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ

Яковлева Светлана Леонидовна

Старший инспектор отдела кадров и работы с личным составом ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по г. Москве
miss.tuz2014@yandex.ru

AN EMPIRICAL STUDY OF THE DEVELOPMENT OF MORAL AND VOLITIONAL QUALITIES OF CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

S. Yakovleva

Summary: The article presents empirically substantiated results of the study of the formative experiment of the development of moral and volitional qualities of cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. The inclusion of the author's program for the development of moral and volitional qualities of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia in the educational process allowed us to qualitatively increase the level of development of moral and volitional qualities. The developed moral and strong-willed qualities of cadets of the Federal Penitentiary Service of Russia have a positive impact on the learning process, the formation of their moral foundations, spiritual values, compliance with ethical norms and universal principles, increase the professional prestige of the service as a whole.

Keywords: empirical research, formative experiment, dynamics of development of moral and volitional qualities.

Аннотация: В статье представлены эмпирически обоснованные результаты исследования формирующего эксперимента развития нравственных и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России. Включение авторской программы развития нравственных и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России в учебно-воспитательный процесс позволило качественно повысить уровень развития нравственных и волевых качеств. Развитые нравственные и волевые качества курсантов ФСИН России оказывают положительное влияние на процесс обучения, формирование их моральных устоев, духовных ценностей, соблюдения этических норм и общечеловеческих принципов, повышают профессиональный престиж службы в целом.

Ключевые слова: эмпирическое исследование, формирующий эксперимент, динамика развития нравственных и волевых качеств.

Введение

Анализ научной литературы, выступлений руководящего звена Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний указывает на существующий ряд проблем, связанных с недостаточной психологической подготовкой кадров для уголовно-исполнительной системы, обуславливает необходимость развития нравственных и волевых качеств курсантов на этапе профессионализации в учебно-воспитательном процессе образовательных организаций ФСИН России. Становятся очевидными социальные требования при подготовке специалистов ФСИН России нового поколения. Одной из приоритетных задач выступает формирование их моральных устоев, духовных ценностей, развитие нравственных и волевых качеств на основе соблюдения этических норм, гуманизма и общечеловеческих принципов, рассматривая личность, как высшую ценность [1, 2, 3].

С целью изучения динамики развития нравственных и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России (далее курсанты) проведен формирующий эксперимент, с использованием авторской программы развития нравственных и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России (далее программа).

Методы исследования

Для решения поставленных задач использован комплекс взаимосвязанных и взаимодополняемых методов: теоретические методы – теоретический анализ научной литературы; эмпирические методы – эксперимент (содержательный, формирующий и контрольный), анкетирование, контент-анализ, тестирование, наблюдение, метод экспертных оценок. Использованы психодиагностические методики: шкала «Патриотизм» методики «Оценка и самооценка уровня сформированности гражданской идентичности» (Л.В. Байбородова, Н.К. Андрее-

ва, В.Н. Рябкова, модификация И.Ф. Бережная, И.И. Болдырев) [1]; Опросник «Честность» [Электронный ресурс] // А.Я. Психология (azps.ru): [web-сайт] [10]; опросник «Волевые качества личности» И.И. Купцова и Ю.Л. Еремкина [8]; опросник «Оценка уровня волевого самоконтроля» Е.В. Эйдмана и А.Г. Зверкова [2]; опросник «Оценка личностной установки «Альтруизм-эгоизм» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов) [9]; методика «Уровень развития нравственных качеств личности» (Т.В. Пивоварова, И.И. Купцов) [7]; шкала «Индекс меры рефлексивности» методики «Диагностика уровня развития рефлексивности» А.В. Карпова [3]; методика изучения уровня самооценки А.С. Будасси (в авторской модификации изучения нравственных и волевых качеств личности); авторская анкета. Для обработки результатов исследования использованы методы математической статистики: (факторный, кластерный и корреляционный анализ), непараметрический статистический U-критерий Манна-Уитни, T-критерий Уилкоксона (Вилкоксона), компьютерная программа Psychometric Expert 9.0.8, Microsoft Excel 2007, STATISTIKA 10.0.

Основные результаты исследования

По результатам формирующего эксперимента оценивалась динамика развития нравственных и волевых качеств курсантов. В процессе эксперимента решались две последовательные **задачи**. Изначально проведена психологическая диагностика особенностей структурных элементов нравственных и волевых качеств курсантов у экспериментальной группы (ЭГ) и контрольной группы (КГ). По итогам диагностики проанализирован уровень развития нравственных и волевых качеств курсантов.

Психологический эксперимент осуществлялся реализацией содержательного, формирующего и контрольного этапов, путем развития нравственно-ценностного, эмоционально-волевого, поведенческого и рефлексивного компонентов нравственных и волевых качеств курсантов.

В эксперименте участвовало 80 курсантов возрастом от 17 до 20 лет: по 40 респондентов в составе ЭГ и 40 - КГ. Курсанты, имеющие сниженные показатели по нравственным и волевым качествам вошли в экспериментальную группу исследования.

Формирующий этап эксперимента предусматривал реализацию авторской психологической программы развития нравственных и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России.

На контрольном этапе эксперимента производились анализ и оценка эффективности авторской программы по результатам проведения повторного психодиагностического исследования ЭГ и КГ. В ходе данного этапа

использованы методики, применяемые на констатирующем этапе эксперимента.

Для проверки статистической значимости различий уровня развития нравственных и волевых качеств в КГ и ЭГ в период эмпирического исследования и после эксперимента использован T-критерий Вилкоксона. Для достижения необходимой сопоставимости данных исследуемые значения показателей нравственных и волевых качеств были переведены в проценты от максимально возможного балла.

Согласно результатам проведенной проверки в КГ курсантов статистически значимых различий не выявлено ни по одному из структурных элементов нравственных и волевых качеств. Это говорит о том, что уровни развития нравственно-ценностного, эмоционально-волевого, поведенческого и рефлексивного компонентов нравственных и волевых качеств не демонстрируют значимой динамики.

Курсанты КГ сохранили достаточно высокий уровень таких характеристик как патриотизм, общий уровень нравственных качеств, дисциплинированность, самостоятельность, организованность. Среднюю степень выраженности сохранили такие структурные элементы как честность, волевые качества, волевой самоконтроль и альтруистические установки. Индивидуальная мера рефлексивности осталась на уровне ниже среднего.

У курсантов ЭГ выявлено наличие статистически достоверных изменений по всем исследуемым показателям.

Так, в нравственно-ценностном компоненте выявлено повышение уровня патриотизма ($T=216,5$; $p<0,05$), честности ($T=90$; $p<0,05$) и общего уровня нравственных качеств ($T=94$; $p<0,001$).

В эмоционально-волевом компоненте установлено повышение общего уровня волевых качеств ($T=149,5$; $p<0,01$), дисциплинированности ($T=151,5$; $p<0,01$), организованности ($T=84,5$; $p<0,001$), самостоятельности ($T=219,5$; $p<0,05$).

В поведенческом компоненте наблюдается значимое увеличение уровня общего самоконтроля ($T=159,5$; $p<0,01$) и укрепление альтруистических установок курсантов ($T=176,5$; $p<0,01$).

Рефлексивный компонент, включающий в себя индивидуальную меру рефлексивности также демонстрирует значимый рост ($T=236$; $p<0,05$).

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о наличии существенных изменений во всех структурных компонентах нравственных и волевых качеств кур-

сантов ЭГ. При этом наиболее значимый рост отмечается по таким структурным элементам как «общий уровень нравственных качеств» и «организованность».

С целью доказательства эффективности реализованной программы проведено сравнение КГ и ЭГ по показателям развития структурных элементов нравственных и волевых качеств на разных этапах эксперимента. Для достижения сопоставимости все значения показателей нравственных и волевых качеств приведены в проценты от максимально возможного балла.

Для проверки значимости различий между группами до эксперимента был применен U-критерий Манна-Уитни.

До начала формирующего эксперимента между курсантами контрольной и экспериментальной группы наблюдались статистически значимые различия по следующим структурным элементам: патриотизм ($U=564$; $p<0,05$), общий уровень выраженности нравственных качеств ($U=564$; $p<0,05$), волевые качества ($U=416,5$; $p<0,001$), дисциплинированность ($U=416,5$; $p<0,001$), организованность ($U=336,5$; $p<0,001$), самостоятельность ($U=414$; $p<0,001$), общий самоконтроль ($U=562$; $p<0,05$), альтруизм-эгоизм ($U=559,5$; $p<0,05$). Отметим, что наиболее выраженные различия фиксировались по сформированности эмоционально-волевого компонента.

До эксперимента уровень развития подавляюще-

го большинства рассматриваемых нравственных и волевых качеств ниже у курсантов экспериментальной группы. Исключение составляют показатели честности и рефлексивности, уровень развития которых идентичен в обеих группах (средний уровень честности и сниженная рефлексивность) (см. рис. 1).

К наиболее слабо развитым характеристикам у курсантов ЭГ можно отнести альтруизм, рефлексивность, самоконтроль, организованность, общий уровень волевых качеств, что указывает на недостаточность волевого развития личности курсантов ЭГ и слабой социально-позитивной направленности деятельности.

После проведения формирующего эксперимента фиксируется снижение значимых различий между КГ и ЭГ. Так, статистически достоверные различия выявлены по следующим показателям: общий уровень выраженности нравственных качеств ($U=499,5$; $p<0,01$), общий самоконтроль ($U=588$; $p<0,05$) и альтруизм-эгоизм ($U=595,5$; $p<0,05$). Выраженность данных показателей выше у курсантов экспериментальной группы.

На рисунке 2 представлены средние значения выраженности структурных элементов нравственных и волевых качеств в КГ и ЭГ после эксперимента.

В ходе экспериментальной работы у курсантов ЭГ удалось достигнуть повышения всех показателей нрав-

Примечание 1. Для возможности сопоставления показателей между собой их значения были приведены к интервалу от 0 до 100 относительно их минимумов и максимумов среди вычисленных значений

Рис. 1. Средние значения выраженности нравственных и волевых качеств курсантов до формирующего эксперимента в КГ и ЭГ

Примечание 1. Для возможности сопоставления показателей между собой их значения были приведены к интервалу от 0 до 100 относительно их минимумов и максимумов среди вычисленных значений.

Рис. 2. Результаты формирующего эксперимента развития нравственных и волевых качеств курсантов

ственных и волевых качеств. При этом достигнутые положительные изменения имеют различный характер:

- по ряду показателей наблюдается нивелирование различий между КГ и ЭГ: патриотизм, общий уровень волевых качеств, дисциплинированность, организованность, самостоятельность;
- по другой части показателей (общий уровень нравственных качеств, самоконтроль, альтруизм) удалось достичь уровня развития выше, чем в КГ.

По показателям честности и рефлексивности значимых различий между группами не обнаружено ни до, ни после эксперимента.

Все достигнутые результаты убедительно свидетельствуют о наличии значимых позитивных эффектов эксперимента по развитию нравственных и волевых качеств курсантов. Разность в интенсивности динамики произошедших изменений связана с сущностными особенностями исследуемых качеств и изначальным уровнем их развития.

Так, патриотизм и волевые качества являются глубинными личностными образованиями, формирование которых зависит от целого ряда внешних и внутренних, психологических и социальных факторов. Их развитие требует длительного времени. Тем не менее, установленный факт исчезновения значимых различий между КГ и ЭГ по данным показателям свидетельствует о том, что проведенный эксперимент активизировал процесс их формирования и продемонстрировал первые поло-

жительные результаты этой интенсификации.

Отсутствие различий и выраженной динамики в обеих группах по честности может объясняться тем, что ее изначально нормативный уровень может рассматриваться как вполне адекватный и достаточный для повседневной и служебной деятельности. Кроме того, сама ценность честности имеет не абсолютный характер, так как в ряде случаев «белая ложь» или полуправда становятся более нравственно приемлемыми.

Относительно отсутствия значимой динамики по рефлексивности можно отметить, что это личностное свойство требует более длительного времени для своего формирования. При этом еще раз необходимо отметить, что в ЭГ зафиксирован рост этого показателя, по сравнению с доэкспериментальным этапом. Также следует еще раз подчеркнуть, что превышение оптимального уровня рефлексивности имеет скорее негативный эффект с точки зрения профессиональной эффективности сотрудников УИС.

Для итоговой диагностики был использован метод экспертных оценок. В качестве экспертов выступали преподаватели, наставники. Эксперты обращали внимание на этику и культуру служебного поведения, учебно-профессиональную деятельность, устойчивость взглядов, умение отстаивать свою точку зрения, осмысленность жизни, ответственность, умение ориентироваться в поликультурной среде, стремление к самореализации. Эксперты оценивали выраженность

Таблица 1.

Результаты диагностики с помощью «Метода экспертных оценок» (N = 80, % испытуемых).

Диагностируемое качество	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
стремление к самореализации в условиях служебной деятельности	0	7,6	92,4
этика и культура служебного поведения	0	17,6	82,4
умение ориентироваться в поликультурной среде	0	13,7	86,3
учебно-профессиональная деятельность	0	16,8	83,2
умение отстаивать свою точку зрения	0	15,5	84,5
осмысленность жизни	0	9,9	81,1
устойчивость взглядов	0	17,1	82,9
альтруизм	0	15,8	84,2
честность	0	10,3	89,7
патриотизм	0	14,6	84,4
ответственность	0	14,6	85,4
самостоятельность	0	10,9	89,1
дисциплинированность	0	24,7	75,3
организованность	0	5,8	94,2

нравственных качеств: патриотизм, честность, альтруизм, волевых качеств: дисциплинированность, организованность, самостоятельность.

Оценка проводилась на основе субъективного мнения по 4-балльной шкале: 0 – данное качество совсем не проявляется; 1 – определяет слабую выраженность качества; 2 – свидетельствует о ситуативном проявлении качества; 3 – свидетельствует о высокой степени выраженности качества.

Курсанты, получившие 0 - 1 балл - соответствуют низкому уровню сформированности нравственных и волевых качеств, 2 балла – среднему уровню, 3 балла – высокому уровню. Результаты представлены в таблице 1.

Экспертные оценки отличаются по степени выраженности диагностируемых качеств. Данный факт можно объяснить тем, что ответы курсантов на вопросы теста могут быть представлены в виде самооценки выраженности данного качества, в связи, с чем курсанты могут давать социально одобряемые ответы. Метод экспертных оценок является более объективным, так как выраженность исследуемых качеств оценивают другие люди,

находящиеся в непосредственном взаимодействии с курсантами, оценивают результаты учебно-служебной деятельности, их отношение. Курсантов с низким уровнем нравственных и волевых качеств не выявлено.

По всем методикам ошибка среднего значения варьирует в пределах двух баллов, что указывает на прочность измеряемого признака, следовательно, данные показатели могут быть признаны прочными.

Заключение

Таким образом, анализ сравнения эмпирических данных до и после формирующего эксперимента, а также оценка динамики изменений КГ и ЭГ доказывает, что авторская программа позволила повысить уровень развития нравственных и волевых качеств курсантов. Ее реализация особенно эффективно повлияла на те личностные качества курсантов, которые непосредственно детерминируют особенности их социального взаимодействия, отношения к другим людям. Речь идет о базовых эмоциональных установках на принятие, понимание и помощь другим, которые лежат в основе нравственных поступков и действий будущих сотрудников ФСИН России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев, И.И. Воспитание гражданских качеств подростков средствами комплекса ГТО: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.1. / Болдырев Игорь Иванович. – Воронеж, 2021. – 184 с.
2. Зверков, А.Г. Диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК) / А.Г. Зверков, Е.В. Эйдман // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. – М.: Московский университет, 1990. – С. 116-126.
3. Карпов, А.В. Рефлексивность, как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 5. – С.45-57.

4. Об утверждении Кодекса этики служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы: приказ ФСИН России: [от 11 января 2012 г. № 5] // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 4.
5. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации: [от 29 апр. 2021 г. № 1138-р] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/#review> (дата обращения: 29.04.2021).
6. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: федер. закон: [от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ] // Рос. газ. – 2018. – 25 июля.
7. Пивоварова, Т.В. Психолого-педагогические детерминанты формирования нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06; 19.00.07 / Пивоварова Татьяна Васильевна. – Рязань: Академия ФСИН России, 2015. – 319 с.
8. Серов, В.И. Технология психологической коррекции несвободной личности: монография / В. И. Серов. – Рязань: Академия ФСИН России, 2005. – 123 с.
9. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М. Изд-во Института Психотерапии. 2002 — 362 с.
10. <https://azps.ru/tests/kit/kit1011.html>

© Яковлева Светлана Леонидовна (miss.tuz2014@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРЕМЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К БЕССМЕРТИЮ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Высоцкая Ирина Александровна

независимый исследователь, (г. Санкт-Петербург)

irina.alexandrovna@myrambler.ru

MAN'S DESIRE FOR IMMORTALITY IN THE CONTEXT OF CULTURAL AND HISTORICAL DEVELOPMENT

I. Vysotskaya

Summary: Despite the fact that at all times the topic of immortality has not lost its relevance, as a scientific problem, the immortality of the individual began to be considered not so long ago. This article clearly shows how the attitude of people to the issue of life after death has changed in the paradigm of the cultural and historical development of society. In the course of the study, several main types of immortality were identified, a detailed description of each of them is presented in this paper. The author of the article carried out a comparative analysis of the works of scientists, culture and religion on issues related to the theme of human immortality. Thus, the study is interdisciplinary in nature and includes the following areas of science: philosophy, religious studies, history, cultural studies, and psychology. The article presents the main views of the brightest representatives of one or another of these areas. The concept of immortality in the modern world has received a significant update with the advent of its new form, which some scientists are striving to bring to life. It's about digital immortality. The article reveals the main aspects of this type of immortality, considers the positive and negative aspects of the implementation of such a large-scale and significant idea in life.

Keywords: immortality, classification of immortality, consciousness, unconsciousness, metempsychosis, digital immortality.

Аннотация: Несмотря на то, что во все времена тема бессмертия не теряла актуальности, в качестве научной проблемы бессмертие личности стало рассматриваться не так давно. В статье наглядно показано, как менялось отношение людей к вопросу жизни после смерти в парадигме культурно-исторического развития общества. В процессе исследования было выделено несколько основных видов бессмертия, подробное описание которых представлено в данной работе. Автором статьи был проведён сравнительный анализ работ деятелей науки, культуры и религии по вопросам, связанным с темой бессмертия человека. Таким образом, исследование носит междисциплинарный характер и включает следующие области науки: философию, религиоведение, историю, культурологию, психологию. В статье приведены основные взгляды самых ярких представителей из указанных направлений. Понятие бессмертия в современном мире получило значительное обновление с появлением его нового вида, который стремятся воплотить в жизнь некоторые деятели науки. Речь идёт о цифровом бессмертии. В статье раскрыты основные аспекты данного вида бессмертия, рассмотрены положительные и отрицательные стороны реализации подобной масштабной и значительной идеи в жизнь.

Ключевые слова: бессмертие, классификация бессмертия, сознание, бессознательное, метемпсихоз, цифровое бессмертие.

Испокон веков человек стремился к бессмертию. Причём к абсолютному бессмертию – как духовному, так и физическому. Однако, само понятие бессмертия не ограничивается только этими двумя категориями. Условно можно выделить несколько видов бессмертия: физическое, духовное, биологическое, социальное, цифровое. Рассмотрим каждое из них по порядку.

Раскрывая тему физического бессмертия, мне бы хотелось обратиться к далёким временам, когда люди искренне верили в существование загробного мира, и более того, подготавливали себя в течение земной жизни к переходу в мир иной. Речь идёт о Древнем Египте. Думаю, всем известно, как мастерски египтяне могли мумифицировать тела умерших. Их работу мы можем оценить даже спустя тысячелетия. Например, мумия фараона Сети I (ок. 1303–1290 до н. э.) прекрасно сохранилась до наших дней и является шедевром искусства бальзамирования. Внутренние органы умершего

разными способами извлекали из тела и укладывали в специальные сосуды – каноны – полагая, что для будущей жизни усопшему понадобятся как тело, так и внутренние органы. Но откуда берёт начало традиция мумификации. За ответом обратимся к древнеегипетской мифологии.

У богини неба Нут и бога земли Геба родились несколько детей: старший сын Осирис, второй сын – Сет и две дочери – Исида и Нефтида. Осирис по праву старшинства стал править Египтом, чему позавидовал его брат. Сет замыслил убить брата, и свой замысел ему удалось осуществить прямо во время пира, устроенного Осирисом в честь удачного военного похода. Сет заживо закрыл брата в саркофаге и бросил его в воды Нила. Жена Осириса Исида, она же его сестра, долго искала мужа, а когда нашла его мёртвое тело, то решила спрятать его, и затем похоронить с почестями. Однако, Сет, будучи на охоте, обнаружил саркофаг с телом бра-

та, и чтобы покончить с ним навсегда, разрубил тело, а куски разбросал по всему Египту. Горю Исиды не было предела. Она неустанно искала останки мужа, а когда нашла, обратилась за помощью к Анубису, богу врачевания, бальзамирования и погребальных ритуалов. Вот тогда и была изготовлена первая мумия – мумия Осириса.

Одним словом, ритуал связан с религиозными верованиями древних египтян. Но для чего сохранять тело на тысячи лет, пусть даже и в хорошем состоянии, если оно мертво? В чём тогда заключается бессмертие? Обратим внимание на продолжение мифа об Осирисе.

Сын покойного Осириса – Гор – отомстил за отца, и пожертвовал ему своё око, вырванное Сетом в схватке, проглотив которое, Осирис ожил. Таким образом, Осирис становится воплощением смерти и воскрешения, символом умирания и возрождения природы. Тексты Пирамид называют Осириса «владыкой виноградной лозы», «свежей водой», в текстах ритуала коронационных мистерий – хлебом и ячменём. Он оставил правление Египтом сыну Гору, а сам стал царём загробного мира, т.е. обрёл бессмертие.

«Каждый фараон, умирая, уподобляется Осирису, и загробное существование царя продолжается подобно судьбе Осириса» [1, с.71].

Таким образом, стремление древних египтян сохранить физическое тело тесно связано с верой в бессмертие души.

Если переместиться вперёд во времени, а именно в Средневековье, то особый интерес вызывает представление о бессмертии у алхимиков, которые стремились найти Философский Камень, чтобы с помощью него создать эликсир жизни. «Камень же открывает Философу определённые знания и истины, которые позволяют превозмочь нравственные страдания, свойственные обычным людям, и победить физическую боль, устранив причину и последствия многочисленных недугов» [2, с.56]

«Само изготовление эликсира доказывает, что смерть есть необходимая трансформация, а не действительное уничтожение, и сокрушаться по её поводу не стоит... Душа покидает своё земное тело лишь для того, чтобы вдохнуть жизнь в тело новое. Вчерашний старик завтра уже дитя. Исчезнувшие находятся, потерявшиеся возвращаются, мёртвые рождаются вновь. Для посвящённого не бывает полного необратимого разделения, и чьё-либо простое отсутствие не вызывает у него грусти. Он без труда признает прежде любимых даже под непривычной оболочкой, ведь распознать их поможет ему дух, обладающий бессмертной сущностью и вечной памятью» [2, с. 59]

Ещё одним легендарным источником бессмертия является Священный Грааль. Несмотря на то, что практически каждый человек слышал легенду о Граале, до сих пор не существует единого мнения ни о месте возникновения данной легенды, ни о происхождении названия предмета, ни о том, что из себя представляет Грааль. В различных источниках он выступает в роли Чаши, Кубка, и даже Камня. «Грааль - это табуированная тайна, невидимая для недостойных, но и достойным являющаяся то так, то иначе, с той или иной мерой «прикровенности»» [3, с.263]. Грааль дарует владельцу материальные богатства, чем напоминает рог изобилия, а также духовные знания, что сближает Грааль с Философским Камнем.

Мы видим, что в любом случае физическое бессмертие предусматривает в теле живой дух, т.е. обязательно влечёт за собой бессмертие духовное.

Мы не можем экспериментально доказать, а есть ли она, та самая вечная загробная жизнь, душа, Бог.

Сложность также состоит и в семантике слов, обозначающих подобные трансцендентальные категории. Например, для кого-то Бог – это конкретная личность, для кого-то – абстрактное понятие. Но в глубине своей, люди интуитивно чувствуют наличие неких высших сил, Закона, установленного кем-то миропорядка. Мы знаем, пусть даже на бессознательном уровне (или лучше сказать, особенно на бессознательном уровне), что над нами есть силы, гораздо нас превосходящие.

Духовное бессмертие может выражаться разными представлениями – одним из них является реинкарнация (в переводе с др.-греч. «переселение душ»). Есть люди, которые утверждают, что помнят свои прежние воплощения. В качестве примера предлагаю рассмотреть биографию одной женщины по имени Дороти Луиза Эди.

Итак. В одном небольшом ирландском городке родилась девочка по имени Дороти Луиза Эди. В три года она упала с лестницы и потеряла сознание. Врачи, пришедшие на помощь, диагностировали её смерть, однако девочка ожила. Но с этого момента, она говорила, что Англия не её настоящий дом. И рассказала, что до этого она была девушкой Бентрешит, росла и воспитывалась при храме фараона Сети I. В прошлой жизни она отличалась от египтян внешностью – была голубоглазой и белокурой, т.к. её отец был иностранным военным. На необычную девочку обратил внимание фараон Сети I (да-да, тот самый фараон, чья мумия прекрасно сохранилась, и чья гробница считается одной из самых роскошных и просторных). Он приехал проверить строительство своей гробницы. Ему тогда было 40, а девочке 14. Юная девушка влюбилась в фараона и забеременела от него. Но так как она являлась жрицей при храме, это

являлось огромным грехом. Девушка от отчаяния покончила жизнь самоубийством. Когда Дороти Эди выросла, она стала всерьёз увлекаться египтологией. Девушка выучила древний язык, который давался ей на удивление легко, утверждая, что не учит язык, а просто вспоминает его, как уже хорошо ей знакомый. И только в возрасте 52 лет, Дороти переехала жить в Абидос, где её стали называть «Омм Сети» (мать Сета. Сетом звали её сына). Женщина сотрудничала со многими учёными, писала книги. Дороти указала, где именно располагались сады рядом с храмом Сети. Но археологи спорили с ней, отрицая наличие садов в пустыне в этом месте. Когда раскопки начались, то действительно, был обнаружен сад именно в том месте, где и указывала Дороти. Дороти осталась жить в Абидосе, рядом с тем храмом, в котором, по её словам, она служила в своей прошлой жизни. Там она была и похоронена.

Многие скажут, что подобные «воспоминания» могут быть связаны с нарушением психики человека, или травмой головного мозга, что всерьёз говорить об этом могут только безумцы. Возможно. Но в таком случае, безумцами стоит признать тех, кто является величайшими мыслителями всех времён. В перевоплощение души верили: Пифагор, Сократ, Платон, Джордано Бруно, Лейбниц, Гёте, Артур Шопенгауэр, Вольтер, Толстой Л.Н., Лосский, и многие др.

Очень интересен взгляд на перерождение души у немецкого психолога, основателя аналитической психологии Карла Юнга. В его практике встречались случаи, когда пациент видел во сне (иногда и наяву) сюжеты, никак не связанные с повседневной жизнью или личным жизненным опытом, но которые подтверждаются историей, или находят своё отражение в религиозных воззрениях глубокой древности. В процессе своих научных наблюдений Карл Юнг выдвинул тезис, что кроме индивидуального сознания существует ещё и коллективное бессознательное, которое носит универсальный характер и является единой психической системой.

По мнению Карла Юнга, именно идея о переселении душ непосредственно связана с открытием закона о сохранении энергии. Каким же образом выражается данная связь? Начнём с того, что идея о сохранении энергии пришла в голову ни к физикам, ни к какому-либо другому учёному, а к врачу - Роберту Майеру. Во время своего путешествия в 1840-1841 гг. в качестве корабельного врача на остров Ява, к нему словно пришло озарение. Он почувствовал прилив сил, невероятное вдохновение, и погрузился целиком и полностью в работу. Его даже перестало интересовать увлекательное путешествие и новые неведомые земли. В результате, Роберт Майер сделал открытие, известное нам как закон сохранения энергии [4, с.213]

В своей работе «Личное и сверхличное, или коллективное бессознательное» Карл Юнг следующим образом комментирует открытия Роберта Майера: «в идее бессмертия души заключено представление о её сохранении, а в буддийском и первобытном представлении о метемпсихозе (переселении душ) заключено представление о её неограниченной способности к превращениям при неизменном сохранении. Эта идея, таким образом, испокон веков запечатлена в человеческом мозгу. Поэтому она в готовом виде заложена в бессознательном каждого. Требуются лишь определенные условия для того, чтобы снова заставить её выступить на поверхность. В случае Роберта Майера эти условия, очевидно, оказались в наличии» [5, с.103]

Получается, каждый человек способен установить связь не только со своим личным бессознательным, но и с коллективным бессознательным, где находится вся информация, касающаяся того, что было, есть и будет.

О едином источнике всего сущего также говорил и наш соотечественник, академик Владимир Михайлович Бехтерев. Он же и выдвинул теорию социального бессмертия.

С первого взгляда может показаться, что социальное бессмертие связано с сохранением памяти будущими поколениями людей - мы живы, пока о нас помнят. Однако, далеко не всё так просто и однозначно.

Речь Бехтерева, сказанная на торжественном акте Психоневрологического института в феврале 1916 г., была первоначально опубликована в «Вестнике Знания» под названием «Бессмертие человеческой личности как научная проблема». В самом начале выступления Владимир Михайлович ставит перед читателями глубокие философские вопросы, а также упоминает о законе сохранения энергии применительно к психической деятельности человека. Этот закон учёный выразил так: «ни одно человеческое действие, ни один шаг, ни одна мысль, выраженная словами или даже простым взглядом, жестом, вообще мимикой, не исчезают бесследно. И это потому, что всякое вообще действие, слово или вообще тот, или иной жест, или мимическое движение неизбежно сопровождается для самого человека определенными органическими впечатлениями, что в свою очередь должно отразиться в его личности, претворившись в новые формы деятельности в последующий период времени» [6, с.82]

Владимир Михайлович приходит к выводу, что нет оснований противопоставлять друг другу физическую энергию, материю и дух, и что единой основой всего сущего является мировая энергия, которая служит началом как всего материального, так и всего духовного во Вселенной. Развивая свою мысль, учёный говорит о том,

что во всём познаваемом нами пространстве нет ничего без движения. Энергия совершает круговорот, объединяя всех людей в единую общечеловеческую личность. Именно поэтому, совершённое одним человеком преступление обязательно отразится на всех людях, в том числе и на самом преступнике тоже.

Таким образом, всякий человек обладает известным запасом энергии, заимствованной от предков в силу рождения, и запасом энергии, приобретенной им самостоятельно путем воспитания и жизненного опыта. Каждый делает выбор, как ей распорядиться, куда направить и на что именно потратить. Важно помнить, что мы несём ответственность за свои поступки не только перед самими собой, но и перед всем миром.

В настоящее время всё большую популярность набирает ещё один путь обретения человеком бессмертия. Его называют цифровым, т.к. он целиком и полностью связан с развитием цифровых технологий. Сторонники данного направления рассматривают мозг как сложный компьютер, в котором абсолютно вся информация, в том числе чувства и эмоции, содержится в форме определённых кодов и алгоритмов. При этом, человеческое сознание приравнивается ко всей информации, хранящейся у нас в мозгу, т.е. наши мысли, чувства, эмоции, воспоминания - это и есть мы. Таким образом, при помощи расшифровки нейродинамического кода психических явлений, мы сможем сохранить, и даже перезаписать на другой носитель, сознание любого человека. Более того, наше тело уже не станет необходимым условием существования, в роли носителя сознания может быть что угодно. Сторонники данного направления в науке убеждены в том, что биологическая самоорганизация обречена, так как неизбежно ей на смену придёт электронная цивилизация трансгуманойдов.

Одним из самых ярких представителей этой идеи является профессор Александр Александрович Болонкин - человек, прошедший тяжёлые жизненные испытания, которые, смею предположить, и возбуждают в нём неимоверное желание, веру и надежду, на создание электронного человека, который не будет чувствовать боли, голода, жажды, не будет болеть, и испытывать иных страданий. Человек сможет выбирать себе тело по своему вкусу и усмотрению, а также у людей появится возможность преобразовать своё тело с помощью технических средств.

Но разве наша человеческая жизнь состоит только из болезней и страданий? Вспомните своё детство, как мы радовались солнцу и дождю, наслаждались ароматом цветов, восхищались красотой бабочек, с трепетом слушали пение птиц, плескались в реке, ныряли в снежные сугробы, одним словом, радовались жизни, нашей

биологической жизни, были открыты всему новому и неизведанному. А как прекрасно чувство любви, родства, единения, когда ощущаешь душевное тепло, сердечную привязанность, эмоциональную близость. Будет ли всё это доступно трансгуманойду? Однако, зная о тех испытаниях, которые прошёл Александр Александрович, можно понять, почему он не верит в человека, не верит в то, что люди смогут развивать себя в лучшую сторону, а не продолжат бездумно загрязнять окружающую среду, уничтожая жизнь на Земле.

В нашей стране далеко не все крупные учёные согласны с тем, что человеческий мозг можно сравнить с компьютером, хотя они и ведут активную работу по расшифровке кодов головного мозга. Некоторые считают, что даже сильный искусственный интеллект будет значительно отличаться от естественного интеллекта, присущего человеку. Кроме того, камнем преткновения служат так называемые сверхъестественные явления, происходящие с людьми.

Понятие цифрового бессмертия и его разработка появились относительно недавно. Это явление новое в отличие от биолого-генетического бессмертия, которое заключается в передаче нашей генетической информации потомкам.

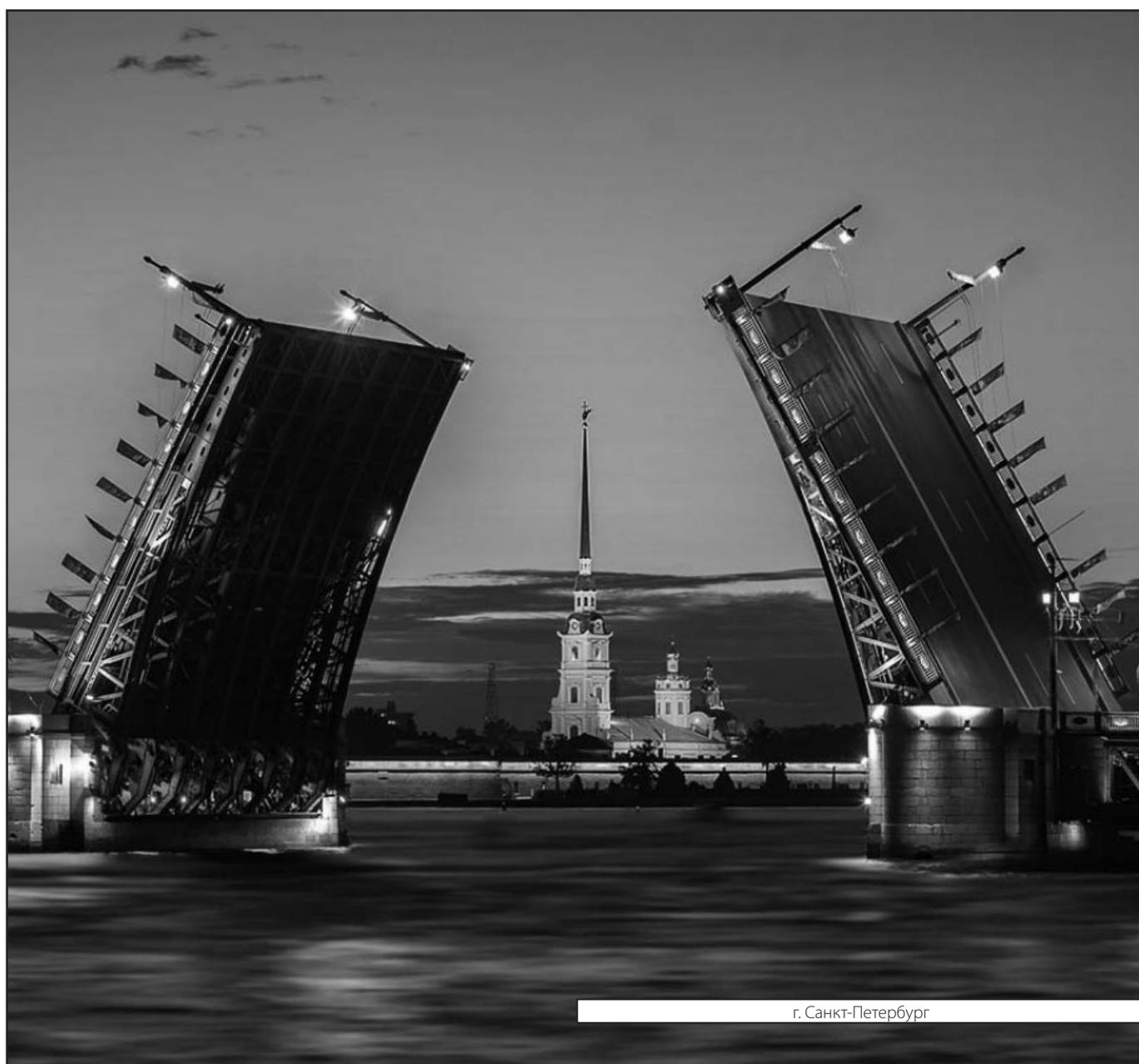
В этой связи природа уже сама обо всём позаботилась. Генетический код обоих родителей в полном объёме передаётся ребёнку, и уже из полученного материала организмом создаётся уникальный генетический микс для будущего человека.

В наши дни появились идеи по заморозке тел (крионика), по слиянию физического тела с электронными механизмами (трансгуманизм), по внесению изменений в генетический код человека. Пока положительного результата не даёт ни одно из названных направлений, так как появляются побочные эффекты несовместимые с жизнью. Но, кто знает, возможно, человеку удастся через некоторое количество времени сохранить наконец своё тело вечно молодым и здоровым. И вот тут возникает ряд вопросов: чем чревато достижение человеком физического бессмертия? Какие последствия может повлечь за собой сие знаменательное событие? Есть ли на нашей планете кто-то, обладающий бессмертным телом? На последний вопрос можно дать однозначный ответ: Нет. Даже камни со временем разрушаются, не говоря уже о биологических организмах (есть многоклеточные организмы, которые очень медленно стареют, но к бессмертию это не относится). Таким образом, на планете Земля физическое бессмертие не предусмотрено законами природы. И если, человечеству всё-таки удастся его достигнуть, не будет ли природа искать возможность — это исправить, как ошибку, т.к. мы станем для Земли инородными существами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матье Милица Эдвиновна, Мифы Древнего Египта, RUGRAM, 2022 год, стр.71
2. Фулканелли «Философские обители», Энигма, Москва, 2004 год, стр. 56
3. Петрова Н. С., Альбедиль М. А, Энциклопедия «Мифы народов мира», ОлмаМедиаГрупп/Просвещение, 2014 год, стр. 263
4. Robert Mayer, Kleinere Schriften und Briefe. Stuttgart. 1893, p. 213. Brief an Wilhelm Griesinger, 16, Juni, 1844)
5. Карл Густав Юнг, О психологии бессознательного/ Личное и сверхличное, или коллективное бессознательное, АСТ: Эксклюзивная классика, 2021, стр.103
6. Бехтерев В.М., Психика и жизнь. Избранные труды по психологии личности/Бессмертие человеческой личности как научная проблема, Алетейя, СПб, 1999г., стр.82

© Высоцкая Ирина Александровна (irina.alexandrovna@myrambler.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Санкт-Петербург

МЕСТО ИСТОРИОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА В РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Киричук Данила Витальевич

Аспирант, Московский городской педагогический университет
kirichuk.danila@yandex.ru

THE PLACE OF K.N. LEONTIEV'S HISTORIOSOPHICAL CONCEPT IN RUSSIAN SOCIO-PHILOSOPHICAL THOUGHT

D. Kirichuk

Summary: This article provides a comparative analysis of K.N. Leontiev's worldview and his author's concepts with the main directions of Russian socio-philosophical thought at the turn of the XIX-XX centuries. The relationship of the ideas of the Russian philosopher with such ideologies as conservatism, liberalism and socialism is considered, their common features and differences are determined. The article discusses the term «Byzantism» and its relationship with the ideas of socialism that were gaining popularity at that time. Through the prism of K.N. Leontiev's concepts, it becomes possible to suggest ways of state development.

Keywords: K.N. Leontiev, Byzantium, Slavs, Historiosophy, Social monarchy, state development.

Аннотация: В данной статье проводится сравнительный анализ мировоззрения К.Н. Леонтьева и его авторских концепций с основными направлениями российской общественно-философской мысли на рубеже XIX-XX вв. Рассматриваются взаимоотношения идей русского философа с такими идеологиями, как консерватизм, либерализм и социализм, определяются их общие черты и различия. В статье рассматривается термин «византизм» и его взаимосвязь с набирающими популярность в то время идеями социализма. Через призму концепций К.Н. Леонтьева становится возможным предположить пути развития государства.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, Византизм, Славянство, Историософия, Социальная монархия, государственное развитие.

Одним из самых самобытных мыслителей XIX века можно назвать Константина Николаевича Леонтьева, предложившего собственную философскую систему, через призму которой мыслитель смог проанализировать исторические процессы, происходящие вокруг. Выдвигая уникальные философские идеи, Леонтьев сумел предугадать многие закономерности не только российского, но и мирового исторического процесса развития. Актуальность взглядов К.Н. Леонтьева выражается в том, что это единственный мыслитель, который прослеживал процесс развития исторических форм до самого конца, не останавливаясь на пике. Леонтьев определял, из-за чего система способна деградировать и погибнуть, мог не только охарактеризовать момент конца, но и давал точную инструкцию, как этот конец можно отложить.

К.Н. Леонтьев не стремился присоединиться к определенному общественно-политическому лагерю, скорее наоборот – делал все, чтобы его не хотели нигде принимать – ни либералы, ни социалисты, ни консерваторы, хотя к последним его относили чаще всего. Лавируя между различными идеями, мыслитель был свободен от традиционных подходов, что позволило создать ему свою уникальную систему взглядов, которая отражала и его подход к историческому развитию и закономерностям, и к таким философским понятиям, как «форма» и «материя», и к месту православия в системе исторического развития. Анализ философских концепций К.Н. Ле-

онтьева позволит лучше понять, какие были возможные пути мирового развития.

Историософская концепция Леонтьева в различных формах нашла отражение во многих работах других философов, при этом влияние Леонтьева напрямую не подтверждается. Связано это, в первую очередь, с критическим отношением к личности Константина Николаевича, который в своих работах давал собственные объяснения тем или иным терминам и понятиям, не обращая внимания на устоявшиеся философские традиции. Для наиболее полного анализа концепции историософии Леонтьева, и определения его места в российской общественно-философской мысли, необходимо провести компаративный анализ с другими традиционными для России философскими течениями.

Многие исследователи не могли определить, к какому направлению причислить К.Н. Леонтьева. Чаще всего русского философа причисляли к лагерю славянофилов, хотя сам он никогда полностью их идеи не поддерживал. Все идеи и концепции Леонтьева всегда рассматривали вместе с идеями славянофилами, хотя в большей мере сам философ всегда сторонился такого родства, о чем говорят даже некоторые названия его работ, например – основополагающая для его философской концепции работа «Византизм и Славянство». В этой работе философ определял особенности не только славянской, но и византийской культуры, влияние которой на историческое развитие

России ценилось Леонтьевым очень высоко. Более того, дальнейшее развитие Леонтьев также предполагал возможным только под влиянием византийской культуры.

Историософская концепция К.Н. Леонтьева как самобытная философская мысль может быть определена следующими критериями – представление о византизме как об особом культурно-историческом типе, который нельзя соотносить или сравнить с любыми другими культурными типами, понимание исторического процесса в рамках естественнонаучных и религиозных концепций. Представления русского философа были слишком национальными, в отличие от идей славянофилов. Эти особенности историософии Леонтьева сильно раздражали представителей славянофильского течения, внутри которого началась настоящая травля Константина Николаевича [1, с. 64]. «Господин Леонтьев не наш!» – писал хозяйственник-славянофил С. Шарапов. Самобытность концепции также отражается в понимании неизбежной гибели России как государства, и в этом пессимистическом настрое Леонтьев сближается с П. Чаадаевым. Единственное отличие в источнике возможного спасения России – его Леонтьев видел в византийской культуре, а Чаадаев – в западной.

Сам Константин Николаевич также не ощущал никакого родства с идеями славянофилов и считал их идеи более опасными, чем идеи западников. Леонтьев определял концепции славянофилов как надстройки к существующей исторической конструкции, а такой поверхностный подход никак не может положительно влиять на фундамент. Открещиваясь от славянофилов и критикуя положения западников, Леонтьев, казалось бы, подтверждал слова Р. Пайпса, который относил русского философа к так называемым «новым консерваторам». При тщательном анализе можно обнаружить много нестыковок, сам Леонтьев главным недостатком консервативной мысли считал излишнюю приверженность западному пути развития, идея противостояния Востока и Запада занимала важное место в концепциях русского философа. Несмотря на эту критику, русский консерватизм можно назвать единственным общественно-философским течением мысли, которое выступает союзником К.Н. Леонтьева. Константин Николаевич поддерживал и одобрял один из главных фундаментов консервативной идеи – уваровскую триаду, которой мыслитель стремился придать философское и теоретическое объяснение. Религиозные взгляды Леонтьева дают понимание, почему эта триада так им одобряема – в первую очередь это связано с тем, что триада Уварова перекликается с Символом веры, с триединым Богом. Триединство – одна из особенностей философского стиля Константина Николаевича, прослеживается практически во всех его философских концепциях.

Основным камнем преткновения между идеями

Леонтьева и консерваторов является вопрос государственной монополии на насилие и охранительную роль порядка. Консерваторы считали государственное насилие константой, в то время как Леонтьев определял его как временное явление, которое необходимо для установления порядка. Поэтому Константин Николаевич стремился определить, существует ли другой путь установления общественного спокойствия, ведь консервативные механизмы лишь замедляют деградацию системы, а не останавливают. Либеральные механизмы, наоборот, только ускоряют процесс увядания и гибели России как историко-культурной общности [2, с. 177].

Большое влияние на взгляды Леонтьева оказал труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», в котором исторически Россия определялась как особый культурно-исторический тип, который необходимо рассматривать отдельно от европейского типа. Этот подход сближал в философском плане консерваторов и Леонтьева – Данилевский не уделял такого внимания влиянию византийской культуры, однако выделял славянство в отдельную культурную группу. Константин Николаевич поддерживал такой подход, но видел в нем цель, к которой необходимо стремиться, и не имеющую ничего общего с реальностью – то есть славянского мира не существует, но он возможен. Возможность достижения славянского культурно-исторического типа зависит от того, в какой форме его необходимо создать – в поисках ответа на этот вопрос Леонтьев и формирует свое понимание византизма как особого смысла существования России. Сам Константин Николаевич говорил, что в его историософской концепции сочетаются некоторые взгляды славянофилов, идеи консерватора Каткова, концепции Герцена и теория культурно-исторических типов Данилевского [3, с. 189].

Согласно теории триединого развития Леонтьева, второй стадией развития исторического общества является период «цветущей сложности». В этот период происходит синтез многих сложных форм, которые в своём взаимодействии порождают многие противоречия. Леонтьев считал, что для продуктивного сосуществования этих систем необходимо деспотическое управление на ними – такой принцип управления и получил название «византизм». Таким образом, византизм можно охарактеризовать как систему принудительных механизмов управления общественно-культурной жизни. Основными характерными признаками этой системы Леонтьев считал самодержавие, православие византийского типа, неравенство, дисциплину и строгую иерархию. Государство, которое основывается на византизме, способно развиваться, усложняться и образовывать новые эстетически верные формы. Главная миссия в византизме – противостояние с Западом, недопущение распространения либеральных идей внутрь государства, охранение традиций и религиозных устоев [4, с. 90].

Для большего понимания византизма как социально-философского учения, нужно рассмотреть структуру деспотизма через понятия формы и развития, основополагающие для философских концепций Леонтьева. В отличие от Аристотеля, Константин Николаевич добавлял в понятие формы деспотические принципы, определяя ее как внутреннюю идею, которая скрепляет материю деспотичными методами. Если материя перестает поддаваться этой идее, то ее ждёт гибель, отсюда и телеологический характер понятия - лишь следуя своей изначально поставленной Богом цели, материя способна существовать. Развитие в византизме определяется также конечной целью существования, чтобы оно не нарушало изначально задумки Бога. Поэтому вопросы изменения существующей системы должен был брать на себя правитель византийского стиля, не допуская вмешательства простого народа. Однако даже соблюдение этих правил не гарантирует бесконечное существование - любая материя, согласно естественнонаучным концепциям на которые также опирался Леонтьев, обречена на гибель, в том числе и общественно-исторические системы и группы. Максимальный срок существования государств русский философ определял в тысячу - тысячу двести лет, это касалось лишь тех государств, в которых была крепкая власть с деспотичным характером.

Естественным путём развития России Леонтьев считал отказ от любых западных идей и возрождение принципов византизма, только такими способами удастся сохранить традиционные устои общества, а значит отсрочить разложение и гибель системы. Для продолжительного существования системы необходимы противоречия, постоянное противостояние элементов внутри одной системы - поэтому Леонтьев выступал против национального единства внутри государства, в котором наблюдал схожие черты с европейской демократизацией. Взаимодействие внутри страны между разными историческими группами должно строиться на основе религиозных традиций православия, максимально сохраняя традиции отдельно взятых народов. Деспотично все элементы государства должны подчиняться только одному принципу - православию, в остальном на государственном уровне необходимо сохранять максимальное разнообразие.

Со временем взгляды Леонтьева на исторические закономерности и процессы изменились. Россия уже не виделась оплотом мировой культуры, ей отводилась роль небольшого пристанища для духовного развития. Эта цель будет достигнута, когда в большей части мира воцарится европейская демократия, которая принесёт материальные блага и духовную пустоту, Россия в этот момент начнёт исполнять своё духовное предназначение. Однако постепенно скепсис добирается и до религиозной составляющей, Леонтьев признаётся в своей неуверенности в том, что православный принцип

устройства России будет существовать уже через 30 лет [5, с. 414].

Особого внимания в этом свете заслуживает анализ К.Н. Леонтьевым социализма с точки зрения своей концепции византизма, в ходе которого можно выделить структуры, схожие с его теорией развития исторических общностей. Как и в своей концепции, он наделял социалистический строй необходимым для существования и развития противоречием - внешне справедливое общество будет содержать в себе острые конфликты и напряжение, характеризующееся насилием. Леонтьев отмечал, что данная концепция деспотизма возможна лишь в том случае, если социализм будет достигнут лишь в экономической сфере. Объяснял это русский философ следующим образом - для организации новой экономической жизни необходимо подготовить и организовать простой народ, так как любая организация связана с принуждением и насилием, значит оно необходимо для утверждения новых основ. Экономика в социалистическом укладе должна была установить для человека новые рамки, заставить его верить в далекую мечту и, отказавшись от некоторых личных свобод, идти к ней вместе с товарищами. В таком случае, считал Леонтьев, просто необходимо было использование мистических основ, которые бы объясняли причины перехода на новые принципы жизни, и такие основы русский философ находил в монархии. Монархические и религиозные принципы на протяжении долго времени прибегали и к принуждению, контролю и насилию, что делало их наиболее подходящими для строительства социалистической экономики - поэтому Леонтьев вполне мог себе представить русского царя во главе социалистического государства. Отсюда и вывод относительно понимания Леонтьевым исторического процесса в России - любая новая общественно-политическая форма должна организовываться в сочетании с монархией, политической структурой, наиболее органичной для российского культурно-исторического типа.

Социализм как определенная стадия государственности органично вписывался и в теорию развития Леонтьева. Философ определял историческое развитие не как последовательно сменяющиеся формы, а как волнообразное угасание, где любой взлёт и падение неизбежно ведет к гибели. Так, даже в рамках абсолютно новой политической системы возможно достигнуть определенного пика развития, после чего спад будет продолжаться [6, с. 298]. В социализме Леонтьев видел систему, которая позволит замедлить деградацию и достигнуть определенного уровня развития даже в стадии «вторичного упрощения», когда историческое общество начинает терять свои оригинальные свойства и формы.

Концепция взаимосвязи монархии и социализма Леонтьева находило поддержку у ряда немецких фило-

софов-современников. Объяснялось это, в первую очередь, промышленным переворотом и активным развитием рабочего движения, которое требовало изменения в социальной сфере в рамках сильной монархической власти. Некоторые представители «государственного социализма» видели в социальных реформах единственную возможность сохранения и укрепления монархической системы за счёт поддержки рабочего класса. Для такой системы был введен новый термин – «социальная монархия», то есть та власть, которая стоит над классовыми конфликтами. Такая власть должна была взять все самое жизнеспособное из социалистических, монархических и демократических идей, образовать союз, который позволил бы государству преодолеть кризисные явления и замедлить процесс распада.

В качестве соединительной идеи между монархией и социализмом Леонтьев видел православные догмы. Некоторые исследователи считают, что подобная система ненадолго была достигнута в послевоенный период правления И.В. Сталина – народ был подчинен государственному аппарату, соблюдалась строгая иерархия, при этом православие занимало свое место в этой системе [7, с. 172]. Несмотря на возможность сохранения России с помощью социалистических механизмов, Леонтьев оставался пессимистично настроенным относительно будущего. В его представлении социализм достанется государству кровью и революциями, создаст новое не-

равенство, которое можно будет считать новой формой феодализма. Но при этом именно социализм позволит замедлить приближение неминуемого конца мирового исторического процесса.

Историософская концепция К.Н. Леонтьева представляется оригинальной идеей, построенной на основе элементов нескольких общественно-философских течений. При этом русского мыслителя сложно причислить к какому-то конкретному лагерю, в общей сложности наиболее схожим по взглядам оказался Н.Я. Данилевский и его концепция культурно-исторических типов. Одно из ключевых мест в понимании закономерностей исторического развития занимает византизм, который представляет собой особый тип деспотичного взаимодействия формы и материи, основанный на православно-монархической идее. В его идеях органично переплетались и естественнонаучные концепции, и религиозные догмы, и эстетические концепции. При этом Леонтьев остается открытым для новых идей и не отрицает позитивного влияния синтеза с другими философско-политическими течениями, например, с социализмом. Основы принципов историософии Леонтьева исходят из его религиозно-эстетического мировоззрения и обосновываются определенными научными положениями в подходе к анализу общественных процессов. Это позволяет считать его доктрину религиозно-философски и научно обоснованной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник Европы», 1885, № 12, с. 909-910. Цит. по: Янов А.Л. Трагедия великого мыслителя. // Вопросы философии, 1992, № 1, с. 64.
2. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж, 1926, с. 177.
3. Леонтьев К.Н. Письма, СПб, 1995, с. 189.
4. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1885-1886, т.1., с.90
5. Леонтьев К.Н. Письма к Губастову. // Русское обозрение, 1897, № 5, с. 414.
6. Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996. С. 298.
7. Репников А.В. Проблемы государственной власти в концепции русских консервативных мыслителей к. 19-н. 20 в.в. Дисс... канд. ист. наук. М., 1997. С. 172.

© Киричук Данила Витальевич (kirichuk.danila@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

MODERN SOCIO-CULTURAL SITUATION: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

V. Skopa
S. Volnykh

Summary: The article analyzes the range of issues related to the current socio-cultural situation in the Russian society. At present, a sociocultural transformation is taking place in Russia, radically changing the values and mechanisms of the social structure, the principles of development and functioning of public institutions. The real society is individualized, everything in it is extremely interconnected. The social environment of modern Russian society has a disorienting effect on the younger generation, because the main trend in the development of society is the strengthening of social differentiation, which manifests itself in fundamentally different ratios of income, power and living standards. Traditions should become an objective condition for the adequate and development of Russian society.

Keywords: social philosophy, culture, society, society, subject.

Скопа Виталий Александрович

Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Вольных Сергей Сергеевич

Аспирант, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Аннотация: В статье анализируется круг вопросов, связанных с современной социокультурной ситуацией в российском социуме. В настоящее время в России происходит социокультурная трансформация, коренным образом меняющая ценности и механизмы общественного устройства, принципы развития и функционирования общественных институтов. Реальное общество индивидуализировано, в нем все предельно взаимосвязано. Социальная среда современного российского общества оказывает дезориентирующее влияние на подрастающее поколение, ибо главной тенденцией развития общества становится усиление социальной дифференциации, проявляющееся в принципиально разных соотношениях размеров дохода, наличия власти и уровня жизни. Объективным условием адекватного и развития российского общества должны стать традиции.

Ключевые слова: социальная философия, культура, общество, социум, субъект.

В настоящее время в России происходит социокультурная трансформация, коренным образом меняющая ценности и механизмы общественного устройства, принципы развития и функционирования общественных институтов. Россия отказывается от централизованного механизма развития.

Реальное общество индивидуализировано, в нем все предельно взаимосвязано. В модели же, поскольку она вскрывает сущность реального общества, индивидуальное оставлено в стороне, связи и зависимости представлены в свободном от деталей и случайных наслоений виде. В различных философских учениях основания выработки подобной модели неодинаковы. Главным образом, можно выделить три значимых позиции. Во-первых, натурализм – отождествляет общество с организмом и пытается объяснить социальную жизнь биологическими закономерностями. Во-вторых – идеализм в своих моделях общества исходит из духовного, идеального начала. В-третьих – материалистическая модель, которая задает исходные принципы подхода к изучению реальной истории общества [2, 7, 11].

Несмотря на многогранность исследований, сложность и драматизм современной социокультурной ситуации отмечается многими учеными, которые об-

ращаются к этой проблеме. Исходя из совокупности выявленных работ существует ряд устоявшихся дефиниций культуры, которые позволяют определить социально-философскую основу анализа феномена социокультурной ситуации. Они касаются условий преобразования материального мира, способов хранения и передачи социального опыта, связанных с общим уровнем развития сущностных сил человека, отмечают существование культуры в качестве разделенного смысла, воспринимают ее как целостное и стилевое единство [1, 3].

Эпохой резких качественных изменений социальной жизни человека называет современный этап цивилизационного развития В. С. Стёпин [14]. Об уникальном состоянии человечества «на рубеже веков и тысячелетий», которое определяется небывалым по возможным последствиям тройным кризисом: экологическим, генетическим, террористическим, ставящим под сомнение его дальнейшее существование, отмечает М.С. Каган [8].

Выдающийся американский социолог и экономист И. Валлерстайн убежден, что современная миросистема подходит к концу. Кризисом отмечены взаимоотношения культуры и природы, культуры и общества, культуры и человека, в кризисном состоянии находится и сама культура [13].

Ставка на молодежь – это императив современной российской истории. Нельзя построить демократическое общество, уважающее традиции народов, его составляющих и понимающего социокультурную ситуацию, без заинтересованного отношения молодежи. Молодежь глубже всех других возрастных групп улавливает «дух времени», острее переживает и точнее различает в нем подлинность и фальшь.

Необходимо выделить два основных момента, определяющих актуальность социально-философского анализа трансформирующихся ценностных установок российской молодежи, в том числе и социокультурного характера, в период социально-экономических преобразований 80-90-х гг. XX в. Это: во-первых, глобальные структурные социально-политические сдвиги, произошедшие в России за последние два десятилетия, которые существенно изменили все стороны жизни молодых людей; во-вторых, насущная потребность в теоретико-практической экспликации механизмов произошедшей трансформации ценностного сознания молодежи. В этой связи особую важность приобретает также построение исследовательских прогнозов относительно будущего российской молодежи.

Парадоксально, но причиной тотального кризиса является сам человек, точнее, его деятельность. Изобретение деятельности как способа существования человека стало одним из основных условий рождения и общества, и культуры, и самого человека как социокультурного существа [9]. Рассматривая эволюционный процесс формирования природы человека, В.Ж. Келле определяет три его «рубежные точки».

Первая – прямохождение, что привело к перестройке всего организма: «прямохождение сформировало стопу, способную удерживать организм в прямом положении и передвигаться, освободило руку для других занятий, подняло тело над землёй и сделало его пьедесталом для органов чувств, органов речи и мозга» [10, с. 224].

Вторая – изобретение деятельности. Деятельность человека становится «непосредственной детерминантой эволюционного процесса, определяющего направленность изменений организма» [10, с. 287]. Условия деятельности человека по преобразованию природы «явились мощной доминантой социогенеза, ибо труд объединял людей, и в процессе труда складывались общественные отношения» [10, с. 312]. Человек в ходе деятельности «изобретает» внегенетические механизмы передачи и совершенствования поведенческих программ, что выводит его за пределы биологической эволюции.

Третья рубежная точка – возникновение человека разумного, когда биологические механизмы наследования заменяются социокультурными. И отныне каждый вновь входящий в мир человек обретает челове-

ческие качества в процессе деятельности [10]. Итак, с одной стороны, деятельность человека – мощнейший фактор эволюционного развития, с другой стороны – угроза дальнейшего существования планеты в целом. Истоки парадоксальности результатов человеческой деятельности детерминированы сутью и сущностью самого человека.

Общество – постоянно развивающаяся система. Оно в процессе своей эволюции последовательно проходило определенные закономерные этапы, зафиксированные в социальной науке в социокультурных цивилизационных критериях. Каждый новый этап цивилизационного процесса характеризовался освоением более высоких технологий, с соответствующим им техническим обеспечением, усложнением социальной структуры, более широким масштабом взаимодействия с окружающей средой, определенными формами коллективной общественной деятельности [2, 5].

Социальная среда современного российского общества оказывает дезориентирующее влияние на подрастающее поколение, ибо главной тенденцией развития общества становится усиление социальной дифференциации, проявляющееся в принципиально разных соотношениях размеров дохода, наличия власти и уровня жизни. В высший слой российского общества входят банкиры, образующие ядро современной финансово-политической олигархии, в средний слой – коррумпированное чиновничество, менеджеры, часть шоу-бизнеса, преуспевающие врачи, профессора, в низший слой – рабочие, служащие, интеллигенция, крестьянство. Аномалия данной структуры очевидна, как очевидны и её последствия. Социологические исследования, изучающие направленность личности современного поколения молодежи, подтверждают, что нравственные ценности не относятся к числу приоритетных: «ценность жизни Другого, природы в целом, не имеют определяющего значения, что способствует общей дегуманизации» [11]. Особо тонкие взаимосвязи существуют между культурой и человеком, его образованием. Рождение культуры как элемента образования стало возможно благодаря деятельности человека, сам человек творит культурой и вне культуры его существование проблематично. Одна из важнейших миссий культуры – «ограничение» человека, у которого отсутствуют, присущие животным, врожденные ограничители: «...широк человек, слишком даже широк», отмечал Ф. М. Достоевский.

Тип культуры определяет тип личности, но и личность воздействует на направление развития культуры. Известно, что понятия «человек» и «личность» не являются синонимами. В процессе культурогенеза у человека формируются такие качества как интеллект, духовность, свобода, творчество, но уровень развития данных качеств, характер их взаимосвязи, доминантная направленность, характеризуют и исторический тип человека,

и личность. Личность, как проявление индивидуальности, востребуется культурой достаточно поздно. Но это не означает, что с этого времени личность утверждает свои позиции в культуре. Напротив, в XX веке на авансцену культуры выходит деперсонализированный тип – «человек-масса» – «...всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручён, но доволен собственной неотличимостью» [12].

В человеке как биосоциокультурном существе сопрягаются в неразрывном единстве биологическое, социальное и культурное, но значение данных элементов в формировании и развитии целостного личностного качества разное. Если природа определяет необходимые предпосылки в конкретной структуре индивида, и если общество обуславливает возможности широкого развития в человеке качеств неповторимой индивидуальности или препятствует этому, то именно и только культура так или иначе реализует эти природные и социальные возможности [6]. Реализация культурой «природных и социальных возможностей» человека не происходит автоматически. Более того, чем сложнее культура, тем проблематичнее становление личностного начала человека. По данному поводу философ Георг Зиммель воспринимал развитие культуры как её трагедию, ибо соотношение субъективной культуры человека и объективной культуры человечества асимметрично [6]. Различны их масштабы, культура человечества неизмеримо больше культуры отдельного человека: «Культивируемый субъект «не может возрасти в той же степени, как всё расширяющаяся объективная область вещей, разделённая между бесчисленными её работниками» [6, с. 214]. Различно их качество: «всё, что создано человеком, несомненно, объективируется, т.е. отделяется от самого создателя и становится культурой. Но сами эти вещи: а) не равноценны в формировании духовных потребностей человека, они могут «культивировать» низкие порывы человека, обусловленные особенностью его естественно-искусственной природы; б) автоматически без внутренних усилий человека не формируют подлинно человеческие качества; в) в масштабе объективной культуры человек дезориентируется в ценностных устремлениях» [6, с. 247].

Развивая идеи Зиммеля, философ С.И. Гессен рассматривал проблемы взаимодействия культуры и личности в философско-педагогическом ключе [4]. Разделяя культуру на внутреннюю и внешнюю. Уподобляя внутреннюю и внешнюю культуру центру и периферии, он пришел к выводу, что соотношение между личностью или субъектом социальных отношений и внешней культурой может быть гармоничным и дисгармоничным. Гармоничное соотношение характерно для простой культурной среды, в которой меньше соблазнов и человеку легче сохранить цельность. С интенсивным ростом внешней культуры гармония разрушается. По убеждению ученого, един-

ственно возможное решение данной сложной проблемы – систематическое и последовательное усиление центростремительной силы личности в процессе нравственного образования [4]. Подвергая анализу, казалось бы, противоположные способы существования человека – принуждение и свободу, – Гессен обнаруживает их внутреннее единство и формулирует задачу нравственного образования, целями которого являются дисциплина, свобода, личность.

Дисциплина – качество, присущее только человеку, и выработано оно именно культурой, ибо от рождения субъект социальных отношений не дисциплинирован. Но дисциплина является антиподом дрессировки. Следовательно, принуждение – необходимое условие и дисциплины, и дрессировки. Превращение дисциплины в дрессировку уничтожает дисциплину, а дисциплина как организованное принуждение, внутренне связана со свободой, которая есть «высшее просвечивающее в ней начало» [4, с. 258]. Свобода, как и дисциплина, – феномен культуры. Ребёнок, вопреки обыденному представлению, не знает свободы, его действия случайны, неустойчивы, непредсказуемы. Поэтому образование – есть основа в формировании данной категории.

По Гессену свобода – возникающий перед человеком долг, задание, которое он должен стремиться выполнить. Свободным действием создается и выражается личность, ибо «будь свободен означает в сущности не что иное, как будь самим собой, не изменяя своему внутреннему «Я» [4, с. 284]. Нравственность же есть чистое должествование. По принуждению человек не может стать нравственным. «В этом смысле нравственность автономна: она есть подчинение закону, который человек сам на себя возложил» [4, с. 298]. Гессен отмечает, что если природа, право и нравы сопровождают человечество с древнейших времен, то нравственность появляется только тогда, «когда личность перестаёт быть простым членом рода и освобождается от власти стихийно обхватывающего её обычая». И нет ничего неправильного в утверждении, «что человечество из чисто существования через посредство нравов и права возвышается до нравственности» [4, с. 321]. Этот путь человечества должен проходить и проходит каждый человек, но не каждому суждено возвыситься до нравственности. Создать условия каждому ребёнку для осуществления им пути возвышения до нравственности – есть миссия образования как социального института в современной социокультурной ситуации.

Таким образом, объективным условием нормального функционирования и развития российского общества должны стать традиции. Для преодоления духовного кризиса представляется необходимым воспитание духовной личности на основе восстановления традиций русской духовности — соборности, патриотизма, нравственной ответственности, стремления к идеалу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Е.А., Бакланов И.С. Социокультурная идентификация: формирование социокультурных ориентиров личности в условиях глобализации // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2013. № 32. – С. 26-32.
2. Ахиезер А.С. Социокультурные проблемы развития России. Философский аспект. М., 1992. – 437 с.
3. Бакланова О.А. Тенденции социальной философии: западный и российский опыт осмысления постмодернизма // Философия права. 2011. № 5 (48). – С. 23.
4. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию М.: «Школа-Пресс», 1995. – 448 с.
5. Ерохин А.М. Культурологический аспект формирования религиозного сознания // European Social Science Journal. 2013. № 11-1 (38). – С. 15-19.
6. Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры М.: Юрист, 1996. – 671 с.
7. Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980. – 303 с.
8. Каган М.С. Философия культуры /Каган М.С. Избранные труды в VII томах. Том III. Труды по проблемам теории культуры. СПб., ИД «Петрополис», 2007. – С. 241-571.
9. Келле В.Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре. М., 2011. – 352 с.
10. Келле В.Ж. Рубежные точки эволюционного процесса формирования природы человека // Идея эволюции в биологии и культуре. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 640 с.
11. Маркуш Д. Общество культуры: культурный состав современности // Вопросы философии. 1993. № 11. – С. 16 -28.
12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. СПб., 2002. – 509 с.
13. Романовский Н.В. Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов (по поводу полемики М. Арчер и И. Валлерстайна) // Социологические исследования. 1999. № 3. – С. 3-11.
14. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. – 407 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Вольных Сергей Сергеевич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный педагогический университет

ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ: ЭТИОЛОГИЯ

PROBLEMS OF MEDICAL SCIENCE: ETIOLOGY

V. Sokolov
O. Shuvalova
V. Karpin

Summary: Rational understanding of the etiology of diseases is one of the key problems of medical science throughout its centuries-old development. To solve this debatable problem, it is necessary to rise to the supra-medical theoretical level. The philosophical category of causality can play a decisive role here. The article presents the author's approach to understanding the principle of causality as the essence of etiology, which makes it possible to implement a rational solution to this most important problem of clinical medicine.

Keywords: etiology as a problem of medical science, complexity of construction, causes and conditions, risk factors, criticism of monocausalism and polyetiologism.

Соколов Владислав Денисович

Крымский федеральный университет, г. Симферополь
sokolovvlad77@mail.ru

Шувалова Ольга Ивановна

Кандидат медицинских наук, Сургутский
государственный университет
shuvalova78@mail.ru

Карпин Владимир Александрович

Доктор медицинских наук, Сургутский государственный
университет
kafter57@mail.ru

Аннотация: Рациональное понимание этиологии болезней является одной из ключевых проблем медицинской науки на протяжении ее многовекового развития. Чтобы решить эту дискуссионную проблему, необходимо подняться на надмедицинский теоретический уровень. Здесь решающую роль может сыграть философская категория причинности. В статье излагается авторский подход к пониманию принципа причинности как сущности этиологии, позволяющий реализовать рациональное решение данной важнейшей проблемы клинической медицины.

Ключевые слова: этиология как проблема медицинской науки, сложность построения, причины и условия, факторы риска, критика монокаузализма и полиэтиологизма.

Введение

Познание этиологии внутренних болезней является одной из ключевых проблем современной клинической медицины. Сложность задачи состоит в огромном количестве изучаемых факторов, требующих рациональной систематизации. Познание этиологии – залог успешного лечения, так как именно этиотропному лечению принадлежит главенствующая роль в излечении многих болезней.

Однако среди ученых и практикующих врачей по-прежнему нет единого понимания причин многих заболеваний. 1. До настоящего времени продолжают споры между сторонниками монокаузализма и полиэтиологизма. 2. По-разному представляются понятие, место и роль причинно-следственных отношений в этиологии. 3. Продолжаются споры вокруг роли причинного фактора в хронизации патологического процесса. Создается впечатление, что решить подобную проблему на уровне медицинской науки не представляется возможным, что необходимо подняться на более высокий, философский уровень теоретического познания. Здесь необходимую помощь окажет применение философских категорий причины и следствия.

Сама по себе категория причинности в историческом аспекте претерпела несколько пересмотров в разви-

тии научной мысли вплоть до изменений общенаучной картины мира. Со времен И. Ньютона на протяжении долгого времени существовала детерминистская, механистическая картина мира, которая признавала только необходимость и исключала случайность («случай есть непознанная необходимость»). Развитие термодинамики в XIX веке позволило ввести в изучаемую проблему понятие вероятности, что значительно усложнило структуру причинности, но существенно увеличило ее рациональность. Появилась новая, стохастическая (вероятностная) общенаучная картина мира. Между причиной и следствием появилось новое понятие – *условие*, которое объяснило видимое разнообразие следствий при одной и той же причине. Здесь необходимо ясно представлять себе, что условия напрямую никак не влияют на следствие – они воздействуют на причину, изменяя ее активность в ту или иную сторону.

Данный подход позволил систематизировать и правильно объяснить совокупность различных патогенных факторов. Их необходимо разделить на причинные и сопутствующие факторы, то есть на причины и условия заболеваний человека, причем последние обозначаются в патологии как факторы риска (ФР).

Принцип причинности как проблема этиологии

Философская категория «причинность», как и связан-

ный с ней принцип причинности, восходит к основополагающему принципу диалектики о всеобщей связи и взаимной обусловленности явлений материального мира. Главное внимание здесь уделяется *взаимодействию* как источнику причинно-следственных отношений; в роли причины выступает само взаимодействие.

Мы считаем, что принцип причинности имеет всеобщий и *универсальный* характер, и его применение не имеет ограничений. В основе причинно-следственных связей лежит универсальное взаимодействие. В природе нет самопроизвольного возникновения и уничтожения движения; есть взаимные переходы одних форм движения в другие, от одних материальных объектов к другим, и эти переходы могут происходить только через посредство взаимодействия этих объектов. Такие переходы, обусловленные взаимодействием, порождают новые явления, изменяя состояние взаимодействующих объектов. Смена явлений происходит не в силу простой регулярности событий, а в силу обусловленности, порожденной взаимодействием.

В любой области научного знания категория причинности и ее сущность всегда являлись отражением конкретных достижений в соответствующих разделах частных наук. Смена этапов в развитии понятия причинности характеризуется значительным видоизменением сущности научных теорий. По мере углубления научных знаний менялось понимание закономерностей причинно-следственных связей. В соответствии с этим эволюционировали естественнонаучные принципы познания.

Известно, что разработка проблемы причинности в рамках классической механики оказала огромное воздействие на все последующее развитие естествознания. Механистическое мировоззрение явилось прямым следствием триумфа классического естествознания. Одним из основных элементов этого мировоззрения являлся принцип жесткой детерминации изучаемых процессов.

По мере прогресса естественных наук в структуре изучаемых процессов обнаруживалось все большее число связей, не поддающихся анализу с позиций закономерностей жесткой детерминации. Последующее развитие науки, проникновение ее в сферу более сложных и развитых объектов исследования, в частности биологических, показало ограниченность этого принципа.

Качественно новым принципом, пришедшим на смену представлениям о жесткой детерминации, явился *вероятностный (стохастический) принцип причинности*, позволивший овладеть новым классом закономерностей естественных процессов.

Вероятностные идеи получают все большее распространение в различных областях естествознания; их

значение для современной науки очевидно. Стохастический подход придает большую гибкость теоретическим концепциям, при этом стиль научного мышления становится более емким, содержательным и глубоким по сравнению со способом мышления, основанном на жесткой детерминации.

Одной из первых естественнонаучных теорий, в которой нашел отражение вероятностный принцип мышления, была эволюционная теория Ч. Дарвина, затем теория генов и другие достижения молекулярной биологии. Естественно, что дальнейшее развитие науки, открытие новых фундаментальных законов природы могут привести к новым, еще более адекватным и универсальным представлениям о структуре и характере связей изучаемых объектов и процессов, следовательно, к новым закономерностям причинно-следственных отношений.

Исследователя нередко интересует не сам внутренний процесс и описание внутренних причинно-следственных отношений, а начальное воздействие и его конечный результат. Подобное положение часто встречается при анализе поведения сложных биологических систем, когда детализация внутренних процессов во всей их совокупности оказывается или избыточной, ненужной, или практически неосуществимой. При этом полная причинная сеть огрубляется: выделяются главные цепи, а несущественные «отсекаются», игнорируются. Чтобы сохранить однозначность и приблизить описание к объективной реальности, отсеченные ветви заменяются совокупностью условий. От того, насколько правильно выделена *основная причина* и насколько полно учтены *условия*, зависят полнота, однозначность и объективность причинно-следственного анализа. Условия играют важную роль, связывая объективную причину и следствие. При различных условиях, влияющих на главную причинную цепь, следствия будут различными. Условия как бы создают «русло», по которому течет цепь событий или развитие явлений во времени. Поэтому для выявления глубинных, сущностных причинно-следственных отношений необходим тщательный анализ, учет влияния всех внешних и внутренних факторов, всех условий, влияющих на развитие главной причинной цепи, и оценка степени влияния.

Принцип причинности лежит в основании построения той части теории, которая касается проблемы *возникновения* (этиология) патологического процесса. Эта проблема является важнейшей в клинике внутренних болезней, так как только лечебное воздействие на причину (этиотропное лечение) может ликвидировать заболевание; в противном случае, особенно при хроническом патологическом процессе, можно добиться лишь его более или менее стойкой ремиссии.

Анализ становления понятия причинности в медици-

не выявляет те же закономерности. Большие успехи, достигнутые в области инфекционной патологии, утвердили в теории медицины стиль мышления, основанный на принципе жесткой детерминации. И действительно, на первый взгляд кажется, что закономерности причинно-следственных отношений большинства инфекционных болезней подчиняются именно этому принципу. Сущность причинно-следственных связей имеет здесь относительно однозначный характер. Любая исследуемая связь независимо от природы исследуемых объектов или свойств оказывалась в равной мере необходимой; обрыв любой из них вел к прекращению патологического процесса.

Впоследствии изучение других классов заболеваний человека (в частности, хронических неинфекционных заболеваний внутренних органов) показало, что принцип жесткой детерминации в этих случаях не срабатывает. В возникновении этих болезней играет роль комплекс факторов, взаимодействие между которыми имеет сложный и многосторонний характер. Сущность такого взаимодействия определяется *вероятностным* принципом, при котором значительно возрастает роль условных факторов. Именно хронические заболевания внутренних органов являются камнем преткновения современной общей патологии человека; в борьбе с ними практическая медицина испытывает наибольшие трудности.

Там, где центр тяжести переносится на эндогенные механизмы развития болезни, резко возрастает число степеней свободы возникновения внутренних связей и зависимостей, которые и определяют неповторимую индивидуальность болезни, ее клинический полиморфизм, отражающие сложный и многосторонний характер причинно-следственных закономерностей целостного организма.

К каким бы причинам болезней мы ни обращались, любая из них неминуемо должна замыкаться на особенностях *внутренней* среды организма больного. Здесь таится ответ на вопрос, почему из огромной массы людей, перенесших инфекции, интоксикации, психические травмы и другие вредности, заболевает лишь незначительная часть. Одной из кардинальных проблем общей патологии человека является проблема внутренних особенностей организма в возникновении болезней [1].

Преувеличение роли внешних факторов в патологии имеет свои исторические корни. Исследователи в процессе познания болезней всегда двигались от внешнего к внутреннему. Естественно, что в центре их внимания первоначально оказывались внешние связи, лежащие на поверхности. Однако тщательное изучение ответных реакций на различные внешние воздействия постоянно показывало ограниченность их качественного разно-

образия и завершалось описанием нескольких стереотипных синдромов (так называемые « типовые патологические процессы »).

Особенности причинно-следственных отношений в этиологии болезней нам представляются следующим образом.

Современный уровень развития медицины достаточно убедительно показывает, что болезнь не является следствием только *внешнего* воздействия. Сущность болезни состоит не столько во внешнем воздействии, сколько в содержании нарушенной жизнедеятельности, и причиной болезни является не только внешний фактор, но и реакция организма на этот фактор. Внешне необходимые этиологические факторы действуют в зависимости от природы и сущности организмов, т.е. от внутреннего причинного основания. Внешнее воздействие специфично преломляется через внутренне активную основу взаимодействия [5, с. 52-54]. Таким образом, сущность этиологии не сводима к природе ни внешних, ни внутренних факторов, а лишь к их специфическому *взаимодействию*. Повреждение тканей, возникшее в результате этого взаимодействия, и есть главная причина возникновения патологического процесса, а специфика повреждающего фактора определяет конкретную нозологическую форму болезни.

Внешние факторы не могут ни породить в организме, ни вызвать в нем ничего сверх того, что у него имеется в виде исторически развившихся потенциалов [2, с. 25]. Как бы ни были внешние условия, они не могут напрямую произвести никаких изменений в организме, если только это не прямое его разрушение. Эти изменения возникнут только при наличии соответствующего внутреннего основания. В конечном итоге именно *внутренний* фактор решает вопрос о возникновении болезни; он же придает ей свои черты в клиническом и морфологическом выражении. Внешние воздействия стали рассматриваться как *развязывающие* внутренние процессы в системах [11, с. 117].

Причинный фактор никогда не действует изолированно; кроме него, на организм действует множество других факторов, которые получили название *условий*, или *факторов риска*, и также занимают определенное место в этиологии. Их отличие заключается в том, что причиной болезни является фактор, без которого она не может возникнуть ни при каких условиях. Условия же возникновения болезни могут быть самыми различными, могут существенно влиять на причину, но ни одно из них при отсутствии причины не в состоянии вызвать развитие патологического процесса [8, с. 8-9; 9, с. 286-287; 10, с. 86-89].

Изменение условий может предотвратить порожде-

ние причиной соответствующего следствия, но оно не способно существенным образом изменить характер этого следствия. Причина непосредственно и всецело обращена к следствию; в отличие от нее прямое воздействие условий направлено не на следствие, а на причину, т.е. условия оказывают влияние на следствие опосредованно, через причину.

Таким образом, условия, в отличие от причины, не определяют основного качества болезни, они лишь создают возможность проявления заболевания, а в случае его возникновения варьируют картину болезни в пределах соответствующей нозологической формы. Причина необходима, но недостаточна для возникновения следствия. Условия недостаточны для порождения следствия, но необходимы для проявления причины. Условия не порождают следствие, но, влияя на причину, они соответственно влияют и на его возникновение. Условия создают *возможность* возникновения болезни, причины превращают ее в реальную *действительность* [13].

В последнее время на страницах научных и научно-популярных изданий повышается интерес к проблеме так называемых «социальных» болезней человека. Мы считаем, что предметом изучения теоретической медицины должны являться прежде всего *биологические* закономерности жизнедеятельности человека в норме и при болезненных состояниях. Этим нисколько не умаляется *социальный* фактор, но подчеркивается основной специфический аспект данной проблематики – преломление воздействий всех факторов среды через биологическую основу организма. Человека следует изучать прежде всего как биологический организм, и только потом как социальную личность, причем изучение человека как социальной личности не должно заслонять изучение его биологии, так как закономерности, характеризующие патологию человека, являются *общебиологическими*, поскольку они присущи всем высшим млекопитающим [3, с. 3; 7, с. 114-134; 12, с. 10]. Это положение ставит под сомнение саму возможность существования так называемых «социальных болезней» человека, оставляя им место лишь *условий (факторов риска)* развития современных болезней цивилизации. Безусловно, существует много механизмов, посредством которых социальные факторы могут оказывать влияние на возникновение и особенно *распространение* болезней, однако важно подчеркнуть, что эти влияния не могут реализоваться вне *биологических* процессов человеческого организма.

Очень важным в понимании причинно-следственных отношений как сущности этиологии является вопрос о дальнейшей судьбе причинного фактора после возникновения болезни. Анализ многолетних научных исследований и споров в этом вопросе показал отсутствие единого мнения, разделившее ученых на два лагеря. Первые проповедают «триггерную» концепцию причинного фак-

тора (концепция «hit-and-run» – «ударить и убежать»), утверждая, что причина, «запустив» патологический процесс, больше не играет роли в его дальнейшем развитии. Немало исследователей разделяют точку зрения на причины болезней главным образом как *пусковые механизмы*: причинный фактор после контакта с организмом утрачивает свое значение, а патологический процесс продолжает автоматически прогрессировать по своим собственным внутренним законам (работы А.Д. Сперанского, И.В. Давыдовского, В.П. Петленко и др.). С другой стороны, имеется достаточно доказательств того, что роль причинного фактора сохраняется на протяжении всей болезни (концепция «персистенции» причинного фактора). Многочисленные данные о длительном персистировании в организме вирусов гепатита, герпеса и других инфектов не оставляют сомнений в том, что запуском патологического процесса роль микроба не ограничивается, и далее он продолжает играть такую же важную роль в прогрессировании и обострениях болезни, какую он ранее играл в ее возникновении. Клинический опыт учит, что элиминация микроорганизмов имеет следствием не прогрессирование патологического процесса по типу «саморазвития», а выздоровление. Организм всегда стремится к скорейшему восстановлению нарушенного равновесия, и если оно задерживается, то только потому, что этому что-то препятствует. Патологический процесс с самого начала развивается при непрерывно возрастающем противодействии механизмов репаративной регенерации и других приспособительных реакций.

У сторонников «триггерной концепции» прослеживается явная переоценка роли внутреннего фактора в происхождении и развитии болезней, «абсолютизация» механизмов самодвижения, саморазвития, саморегуляции и самоподдержания патологического процесса. И действительно, для этой концепции есть определенные основания. Дело в том, что в процессе эволюции в организме выработался ограниченный комплекс определенных *стереотипных*, изначально защитных приспособительных реакций, которые в клинической медицине носят название «типичные общепатологические процессы». К ним относят такие реакции, которые в различных сочетаниях встречаются практически при всех болезнях независимо от механизмов их происхождения и развития (воспаление, тромбоз, лихорадка, дистрофия и др.) Отличительной особенностью этих типовых процессов является их развитие по принципиально однотипной, раз и навсегда заданной «внутренней программе», когда одна фаза процесса закономерно сменяется другой. Решение проблемы, на наш взгляд, заключается в разграничении *острого* и *хронического* патологического процесса. Действительно, при остром патологическом процессе причина может играть роль пускового фактора, включающего определенный комплекс типовых приспособительных процессов, детерминированных на выздоровление. Однако при хроническом патологическом процессе эта модель не

срабатывает: причинный фактор должен постоянно присутствовать в организме, так как при его элиминации система стремится вернуться в исходное состояние, и при обратимости хронического заболевания неминуемо должно наступить выздоровление. Следовательно, причинный фактор должен персистировать в организме, поддерживая патологический процесс.

В клинической медицине до сих пор широко распространено мнение о так называемой «*полиэтиологичности*» хронических заболеваний внутренних органов, суть которого сводится к тому, что разные причины могут приводить к развитию одного заболевания. При этом причины подменяются факторами риска и отсюда следует, что множественность факторов риска способствует развитию болезни. Однако, как правило, за признанием полиэтиологичности скрывается не действительное разнообразие причин, вызывающих болезнь, а недостаточное знание ее этиологии. Качество ответной реакции организма связано со *спецификой* причинного фактора. Разные специфические причины не могут вызывать однотипную ответную реакцию в виде конкретной формы заболевания [8, с. 29-35; 10, с. 86].

Признание концепции полиэтиологичности приводит к отрицанию внутренней связи между причиной и следствием, так как причина, порождая следствие, в преобразованном виде входит в его содержание. Одной из важнейших характеристик причины является ее *специфичность*, т.е. своеобразие, неповторимость воздействия; именно причинный фактор придает патологическому процессу *нозологическое своеобразие*. Дело в том, что здесь активна не только причина, но и объект воздействия, поэтому причинный фактор не порождает механистически однозначные действия. Характер воздействия изменяется, модулируется внутренними реактивными системами организма в широком диапазоне. Причина, действующая извне, преломляется через внутреннюю природу организма [13].

В основе полиэтиологизма, который, несмотря на все достижения диалектической логики, продолжает вплоть до сегодняшнего дня отстаивать свои позиции, лежит *кондиционализм*, сторонники которого по-прежнему отрицают принцип причинности, пытаясь свести его к давно и безнадежно устаревшему механистическому монокаузалizmu. Проповедники современного «нео-кондиционализма» [4, 6], обойдя слабое звено прежней концепции, утверждающей принцип равнозначности условий, создающих причинное основание для возникновения следствий, пытаются объяснить совокупность кондиций с системных позиций. Под причиной они понимают «диалектическое единство» многообразных «взаимовлияющих и взаимоусиливающих» факторов, возникающих в конкретных ситуациях в определенной совокупности и неизбежно порождающих следствие, т.е.

болезнь. Непонятно, зачем тогда им понадобилось среди условий выделять «необходимое» и «добавочные», подменяя ими по сути дела те же «причину» и «условие». Трудно представить, как случайные комбинации множества различных условий с необходимостью формируют закономерно повторяющуюся *специфическую* клинкоморфологическую картину определенных болезней.

Таким образом, экологический аспект не определяет качество и сущность болезней, а лишь влияет на возможность их проявления. Перенесение центра тяжести в научных исследованиях на внешние факторы не приближит к раскрытию сущности болезни; более того, оно может направить исследователя по ложному пути. Принцип «полиэтиологичности», сохраняющий свою популярность в некоторых научных высказываниях, является типичным примером смешения понятий «разрешающие факторы» и «этиология болезни». Теоретической медицине необходимо сконцентрировать усилия на вскрытии внутренних закономерностей возникновения и развития болезней, на познании сложных разветвленных механизмов их патогенеза.

В развитии современной медицины прослеживается еще одна не всегда благоприятная тенденция дробления конкретных болезней на варианты, подвиды и т.д., приводящая с неизбежностью к видимости все возрастающего количества различных причинных факторов даже внутри одной нозологической формы. Сущностью принципа причинности как методологического основания на современном уровне развития медицинской науки нам представляется концепция каузальной универсальности, то есть поиск универсального механизма, лежащего в основе возникновения внутренних болезней, механизма, объединяющего все этиологические факторы. С этой точки зрения понятием, объединяющим этиологический аспект такого патологического процесса, является *повреждение* – «отправная точка» при этиологическом анализе конкретных заболеваний. Микробная инвазия, иммунные реакции только тогда становятся *патологическим* процессом, когда они вызывают повреждение.

Заключение

Принцип причинности, на наш взгляд, является одним из фундаментальных системообразующих принципов теоретической схемы патологического процесса. Он носит универсальный характер, однако необходимо учитывать существенные особенности его проявления на различных уровнях организации материальных объектов (микромир, макромир, мегамир), в том числе и при различных вариантах возникновения и развития патологического процесса.

Причина болезни есть результат взаимодействия внешнего и внутреннего факторов, причем внутренний

фактор играет решающую роль в возникновении болезни.

Этиология болезни складывается из причины и условий (факторов риска) ее возникновения. Их принципиальное отличие заключается в том, что причина действует на организм, а условие действует на причину. Условия сами по себе при отсутствии причины никогда не вызовут болезнь; с другой стороны, только элиминация причины может привести к выздоровлению, в противном случае болезнь может приобрести хроническое течение.

Если в этиологии острого заболевания причинный фактор может играть лишь пусковую роль, включая стереотипные механизмы развития типичных приспособительных процессов, то при хроническом заболевании

имеет место персистенция причинного фактора в больном организме; в противном случае при условии обратимости патологического процесса неизбежно должно наступить выздоровление.

Концепция полиэтиологичности болезней противоречит изложенным основным положениям принципа причинности в патологии и должна быть изъята из комплекса проблем современной теоретической медицины, подлежащих обсуждению.

Результатом причинного взаимодействия в этиологии внутренних болезней является повреждение. В свою очередь, не всякое повреждение может вызвать болезнь. Болезнь – это не повреждение, это *реакция на повреждение*, если оно превышает пороговый уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вартанян М.Е. Проблемы причинности в психиатрии: Генетический и экологический аспекты // Журн. невропатологии и психиатрии. 1970. Т.70, №1. С. 28-34.
2. Давыдовский И.В. Проблемы причинности в медицине: Этиология. М.: ГИМЛ, 1962. 176 с.
3. Давыдовский И.В. Общая патология человека. М.: Медицина, 1969. 611 с.
4. Димов А.С., Лещинский Л.А. К проблеме причинности в клинической медицине: Клинические и методологические аспекты // Клин. мед. 2004. № 5. С. 72-76.
5. Марченко В.А., Петленко В.П., Сержантов В.Ф. Методологические основы клинической медицины. К.: Здоров'я, 1990. 182 с.
6. Медведев Ю.А. Кондиционализм и формулировка причины смерти // Арх. пат. 2005. Т. 67, № 2. С. 60-64.
7. Петленко В.П. Философские вопросы теории патологии. Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1968. 286 с.
8. Пыцкий В.И. Причины и условия возникновения заболеваний: Этиология. М.: Триада-Х, 2001. 64 с.
9. Саркисов Д.С. Очерки истории общей патологии. 2-е изд. М.: Медицина, 1993. 512 с.
10. Саркисов Д.С., Пальцев М.А., Хитров Н.К. Общая патология человека. М.: Медицина, 1997. 608 с.
11. Сачков Ю.В. Эволюция учения о причинности // Вопросы философии. 2003. № 4. С. 101-118.
12. Серов В.В. Общепатологические подходы к познанию болезни. М.: Медицина, 1999. 304 с.
13. Царегородцев Г.И. Методологические проблемы этиологии // Вестн. РАМН. 2003. № 3. С. 36-39.

© Соколов Владислав Денисович (sokolovvlad77@mail.ru), Шувалова Ольга Ивановна (shuvalova78@mail.ru), Карпин Владимир Александрович (kafter57@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ И АНТИНОМИЯ В ЛИМИНАЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ

Фусу Лариса Ивановна

Кандидат медицинских наук, доцент, Институт
Психологии и Психоанализа на Чистых прудах
florayu@mail

PARADOX AND ANTINOMY IN LIMINAL PERIODS

L. Fusu

Summary: To date, in the minds of representatives of Russian society there is a conditional split due to the society's stay in the liminal period, which indicates the relevance of this paper, the purpose of which is to analyse paradox and antinomy in liminal periods. This goal mediates the realisation of the following tasks: to reveal the content of the terms «liminal period», «paradox» and «antinomy»; to give examples of paradox and antinomy. The material basis of the study was formed by the works of the following authors: I. Kant, A. Gennep, A.I. Volkov, G.F. Hegel, A.N. Ilyin, D. Kahneman, T.H. Kerimov and others. Hypothesis: paradox and antinomy in the society in the liminal period demonstrate the presence of significant differences. Thus, paradox, which is a phenomenon that does not correspond to generally accepted ideas and which exists in spite of objective contradictions, is represented by the «consumer society», which, although it does not realise the expectations of its representatives, continues to exist in spite of it. Antinomy is a cognitive collision existing in reality, in which the main (predominant, dominant) statements or actions are in a mutually exclusive relation to each other. Within the framework of the present work, as an example, we consider the term «society» itself, which is both a plurality and a unity.

Keywords: paradox, antinomy, consumer society, liminal period, initiation, differences, game theory.

Аннотация: На сегодняшний день в сознании представителей российского общества наблюдается условный раскол, обусловленный пребыванием общества в лиминальном периоде, что и указывает на актуальность настоящей работы, цель которой: проанализировать парадокс и антиномию в лиминальные периоды. Указанная цель опосредует реализацию следующих задач: раскрыть содержание терминов «лиминальный период», «парадокс» и «антиномия»; привести примеры парадокса и антиномии. Материальную основу исследования составили работы следующих авторов: И. Кант, А. Геннеп, А.И. Волков, Г.Ф. Гегель, А.Н. Ильин, Д. Канеман, Т.Х. Керимов и другие. Гипотеза: парадокс и антиномия в обществе, пребывающем в лиминальном периоде, демонстрируют наличие существенных различий. Так, парадокс, являющийся явлением, которое не соответствует общепринятым представлениям и которое существует вопреки объективным противоречиям, представлен «обществом потребления», которое, хоть и не реализует ожидания его представителей, продолжает существовать вопреки этому. Антиномия является познавательной коллизией, существующей в реальности, при которой основные (преобладающие, господствующие) утверждения или действия пребывают во взаимоисключающем отношении друг к другу. В рамках настоящей работы в качестве примера нами рассмотрен сам термин «общество», который одновременно является множественностью и единым целым.

Ключевые слова: парадокс, антиномия, общество потребления, лиминальный период, инициация, отличия, теория игр.

Особую значимость среди новых явлений общественного сознания на современном этапе развития общества Российской Федерации приобретает раскол общественного сознания, который находит отражение в таких уникальных явлениях, как антиномия и парадокс, что и указывает на актуальность исследования настоящего явления.

Полагаем, что «раскол общественного сознания» может быть связан с термином «лиминальный период», который изначально появился в антропологических исследованиях. Как утверждает В. Тернер, с помощью этого понятия описывались субъективные переживания членов традиционных обществ во время обряда инициации [13]. Исследователем, предложившим использование трехчастной схемы при изучении обрядов взросления в племени масаев, является Артур ван Геннеп. Согласно мнению автора, обряд инициации состоит из трех этапов: прелиминальный, лиминальный и постлиминальный [4, с. 40-43]. Для первого этапа характерен отказ от старого опыта, символическая «смерть» индивида, его

предварительное «очищение», отказ от «обыденной» реальности. На последнем следует акцентировать более подробное внимание.

А. Геннеп в своих работах исходил из следующей идеи: существуют две реальности (профанная и сакральная), которые доступны индивиду в зависимости от определенных обстоятельств. Например, беременная женщина в традиционном обществе является «сакральной» реальностью для всех неженатых мужчин племени. Параллельно с этим она является «обыденной» реальностью для других беременных женщин племени. Автор полагал, что именно замена «обыденной» реальности на «сакральную» и составляет основу всякого перехода (инициации). При этом существует условное «промежуточное» состояние, в рамках которого индивиду доступны взаимодействие и коммуникация с обеими реальностями – лиминальный период. В рамках этого этапа индивид уже не является собой «старым», но еще не становится чем-то качественно новым. Соответственно, лиминальная личность – это существо, пребывающее в

«промежуточном» состоянии в процессе перехода в совершенно иное качество. Результатом указанного процесса следует считать постлиминальный период, в ходе которого индивид приобретает новые «эмерджентные» (согласно терминологии Ф. Гегеля [6, с. 51]) качества. Примечательно, что приобретение новых качеств не является причиной «перехода» в новое состояние, так как в действительности такое приобретение является следствием смены реальностей (обыденное сменяется на са크ральное, и наоборот).

Полагаем, что термин «лиминальный период» относится не только к отдельно взятому индивиду, проходящему обряд инициации, так как он может быть применен в отношении более крупных общностей, например, в отношении общества. Иными словами, общество, пребывающее в лиминальном периоде, находится в «промежуточном» состоянии, когда «старое» уже отвергнуто, но качественно новое состояние еще не достигнуто.

Примечательно, что российское общество находится в «промежуточном» состоянии начиная с 1990-х годов. Так, для девяностых годов двадцатого века для России был характерен отказ от плановой экономики и переход к рыночной экономике. В период 2000-2020 гг. имела место попытка встроиться в международное сообщество, обусловленная процессом глобализации. На сегодняшний день лиминальный период продолжается, так как теперь осуществляется переход к самобытному обществу, основанному на традиционных ценностях, что следует из положений Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 [1].

Полагаем, что для общества, находящегося в лиминальном периоде, характерно наличие большого количества парадоксов и антиномий. В первую очередь, представляется необходимым раскрыть содержание термина «парадокс». Согласно «Социологическому энциклопедическому словарю», парадокс (слово, происходящее от греческого «paradoxes», что переводится как «неожиданность», «странность», «нестандартное решение») представляет собой явление, утверждение или вывод, которые являются неожиданными и не соответствуют общепринятым представлениям [11].

Обратимся к примерам. Д. Канеман, психолог из Израиля, значительное количество времени посвятил изучению поведения людей в рамках экономических отношений. Так, обращаясь к «Теории игр», автор провел эксперимент, в котором принимали участие два человека [8]. Один из них должен был разделить на себя и второго испытуемого сумму в сто долларов США. После этого разделения второму испытуемому сообщалось, в каком соотношении первый испытуемый разделил денежную сумму между ними. Примечательно, что второй человек, посчитавший разделение несправедливым, был вправе

отказаться от денег, но в таком случае и первый участник не получал ничего. Согласно традиционной экономической теории, второй участник будет всегда согласен с разделением денег, каким бы несправедливым оно ему не показалось, так как в любом случае он остается в выигрыше: не имея изначально ничего, он получает какую-то денежную сумму. Однако результаты, полученные Д. Канеманом, свидетельствуют об обратном: если второй испытуемый полагал, что разделение было несправедливым (например, первый участник забирает себе 70% суммы и отдавал другому оставшиеся 30%), то он чаще всего отказывался от денег, желая наказать первого испытуемого. Иными словами, имел место следующий парадокс: человек, для которого выгодно было получить любые деньги, отказывался от них ради наказания для другого человека, поступившего, согласно его мнению, несправедливо.

В качестве другого примера можно привести исследования А.Н. Ильина, который проанализировал парадоксы, характерные для общества потребления [7]. Культура потребления оказывает значительное влияние практически на все социальные группы, результатом которого становится возникновение серьезного диссонанса. Этот диссонанс возникает между уровнем индивидуального благосостояния и культурными аспектами общественной жизни.

Иными словами, между бедными слоями населения и богатыми слоями населения намечается разрыв, обусловленный следующим процессом: люди, не обладающие достаточным (по мнению представителей общества потребления) количеством финансовых средств, стремятся к их получению. Однако чаще всего результат оказывается недостижимым, так как у таких людей недостаточно возможностей для реализации собственных желаний. Несмотря на то, что «потребление» представляется невозможным реализовать, оно продолжает оставаться страстно желаемым. И хотя «общество потребления» способно уравнивать устремления и мечты как обеспеченных, так и необеспеченных слоев населения, оно не способно уравнивать возможности, позволяющие реализовывать указанные устремления.

Становясь реальностью, находящейся выше индивидуальности и статуса индивида, «общество потребления» доминирует как над обеспеченными людьми, так и над «бедными». Следовательно, оно формирует мыслительные процессы людей, указывает им на то, что является ценностью, а что – нет, влияет на формирование паттернов поведения. Стандартам такого общества, хоть и направленным на большую часть индивидов, в действительности может соответствовать малое количество людей.

Полагаем, что причинами такой ситуации являются

следующие факторы. Во-первых, общество потребления начинает формироваться при условии, что имеет место капиталистический строй; во-вторых, имеют место рыночные отношения в экономических процессах, для которых характерно следующее: социальное и экономическое неравенство, лоббирование продукции, товаров и услуг (рекламные кампании и деятельность пиар-агентств).

Необходимо говорить о том, что «общество потребления» и «общество, представители которого обладают высоким уровнем потребления» – это понятия, демонстрирующие наличие большого количества отличий друг от друга. Общество, обозначенное в качестве «потребительского», является таким не в силу того, что его представители обладают высоким уровнем жизни. Напротив, оно называется таким в силу того, что в нем главенствующей является такая система отношений, которая соответствует ценностям, нормам и психологическим установкам «общества потребления». Полагаем, в этом заключается парадоксальный характер общества потребления: «реальное» и «желаемое» не коррелируют между собой.

Обратимся к категории «антиномии». Так, Ж.Т. Тощенко в рамках своего исследования делает вывод о том, что для современного российского общества характерно наличие противоположных точек зрения относительно одного и того же феномена [12, с. 65]. Указанный процесс и следует считать «антиномией».

Согласно «Новой философской энциклопедии», антиномия (происходит от греческого «antinomia», что следует перевести как «противоречие») – коллизия познавательного характера, при которой различные мнения относительно одного феномена взаимно исключают друг друга (являются противоположными по своему содержанию) [10]. В силу того, что обе точки зрения объективны по своей сути, они имеют право одновременно существовать.

Указанное понятие, появившееся в Средние века, обозначало два утверждения, демонстрирующих характер противоположности. При этом они должны были быть в одинаковой степени истинны. Противоречие, возникшее внутри одного закона или между двумя различными – таким образом оно понимается в «Кодексе Юстиниана» [3].

Иммануил Кант утверждал, что причиной возникновения таких противоречий является следующее: сознание человека стремится осмыслить абсолютные категории в терминах непостоянства [2, с. 10-12]. Одной из четырех антиномий, предложенных И. Кантом, является утверждение, согласно которому мир одновременно является конечным и бесконечным (относительно про-

странственных отношений). Иными словами, причиной возникновения антиномий следует считать следующий процесс: человеческое сознание делает попытку осмысления тех феноменов, чье существование характеризуется как «вещь-сама-в-себе». В силу того, что каждое из положений демонстрирует характер обоснованности, а также обладает достаточным количеством аргументов в пользу своей верности, философ делает вывод о том, что человеческий разум ограничен и конечен. Иными словами, сознание человека не может проникать в сущность феноменов, но при этом обладает правом на создание антиномий и дальнейшее сравнение их преимуществ.

А.И. Волков в своей работе утверждал, что антиномии имеют отношение к реальной жизни, в частности, к общественным отношениям [5]. Лиминальный период – время, когда антиномии в обществе проявляют себя наиболее часто. На сегодняшний день именно они характеризуют общественное сознание, для которого характерно одновременное существование противоположных точек зрения относительно одного и того же феномена. Однако этот процесс чреват возможными коллизиями, напряженностью, конфликтами при условии полного игнорирования пути, в соответствии с которым они могут быть согласованы.

Обратимся к примерам. Т.Х. Керимов, утверждает, что «общество» само по себе является антиномией [9, с. 111-113]. Так, автор высказывает точку зрения, согласно которой общество представляет собой совокупность индивидов, которые связаны между собой и объединены в целое. Из этого вытекает следующее: сама по себе формулировка понятия предполагает наличие трех аспектов. Во-первых, общество представляет собой единство, единичную сущность. Во-вторых, общество представляет собой множество. В-третьих, общество можно понимать как нечто промежуточное между единством и множеством.

Иными словами, указанная формулировка включает в себя как механистические определения «общества», так и организмические. Для первых характерно преувеличение значимости индивида, который пребывает в не зависимом статусе по отношению к другим индивидам, что указывает на некоторую автономность. Кроме того, такая трактовка предполагает следующее: пренебрежение индивидом социального целого и восприятие «общества» в качестве механизма, порядок в котором является следствием придания наивысшей ценности индивидуальности, не зависящей от воли других индивидов.

Если же мы обратимся к организмическим представлениям об «обществе», то выяснится следующее. Представители этого направления сконцентрированы на преувеличении значимости социального целого, что, в

свою очередь, обуславливает пренебрежение волей и свободами отдельно взятого индивида. Порядок в таком обществе, в свою очередь, станет обеспечиваться возведением коллектива в ранг наивысшей ценности, при котором отдельно взятые индивиды станут подчиняться мнению большинства. Это указывает на некоторую конформность общества.

Полагаем, что два вышеприведенных подхода к пониманию сущности «общества» свидетельствуют о наличии радикально противоположных мнений относительно содержания одного и того же феномена. Следовательно, «общество» по своей сути антиномично.

На основании вышеизложенного приходим к выводу

о том, что парадокс и антиномия в обществе лиминального периода демонстрирует наличие большого количества различий. Так, парадокс, являющийся явлением, которое не соответствует общепринятым представлениям и которое существует вопреки объективным противоречиям, представлен «обществом потребления», которое, хоть и не реализует ожидания его представителей, продолжает существовать вопреки этому. Антиномия является познавательной коллизией, существующей в реальности, при которой основные (преобладающие, господствующие) утверждения или действия пребывают во взаимоисключающем отношении друг к другу. В рамках настоящей работы в качестве примера нами рассмотрен сам термин «общество», который одновременно является множественностью и единым целым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. [Электронный ресурс] // Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 26.09.2023).
2. «Критика чистого разума» Иммануила Канта: учебное пособие / А.В. Нечипоренко; Министерство науки и высшего образования РФ, Новосибирский государственный университет, Институт философии и права. - Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. - 123 с.
3. Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс] // Доступ: <https://bigenc.ru/c/kodeks-iustiniana-03545a> (дата обращения: 26.09.2023).
4. Ван Геннеп А. Обряды перехода / Арнольд ван Геннеп. — М.: Восточная литература, 1999. — 200 с. [Электронный ресурс] // Доступ: https://static.iea.ras.ru/books/Ethnographic_library/Van_Genep_The_Rites_of_Passage.pdf (дата обращения: 26.09.2023).
5. Волков А.И. Идеи правят миром // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / рук. проекта и ред. О.Т. Богомолов. - 2008. - С. 56–57.
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук // Соч. — М., 1974. — Т. 1. Наука логики. — 206 с.
7. Ильин А.Н. Парадоксы общества потребления // Вестник Московского университета. - 2016. - № 1. - с. 23-43.
8. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24. — № 4. — С. 31–42.
9. Керимов Т.Х. Социальная философия: учебник / Т.Х. Керимов; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 304 с.
10. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс] // Доступ: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/АНТИНОМИЯ (дата обращения: 26.09.2023).
11. Социологический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс] // Доступ: <https://gufo.me/dict/social/ПАРАДОКС> (дата обращения: 26.09.2023).
12. Тощенко Ж.Т. Антиномия новая характеристика общественного сознания в современной России // Знание. Понимание. Умение. - 2011. - № 3. - с. 63-72.
13. Turner V. Betwixt and between: The liminal period in rites of passage // In: Mahdi L, Foster S, Little M, editors. Betwixt and between: Patterns of masculine and feminine initiation. Peru, Illinois: Open Court Publishing Company. - 1994. - pp. 3–19.

© Фусу Лариса Ивановна (flogay@mail).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Badmaeva N. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University

Enchinov E. – Candidate of historical sciences (PhD), senior researcher, BNU RA «S.S. Surazakova Research Institute of Altaic», (Gorno-Altaiisk)

Fusu L. – Candidate of medical science, associate professor, Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy

Gaidai A. – Senior Lecturer Pacific State Medical University (Vladivostok)

Jiang Dan – Associate Professor, Heihe University, People's Republic of China

Kadyrov R. – Candidate of psychological sciences, associate professor, Pacific State Medical University (Vladivostok)

Kalinovskaya K. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University

Kapustina T. – candidate of psychological sciences, associate professor, Pacific State Medical University (Vladivostok)

Karpin V. – Doctor of medical sciences, doctor of philosophical sciences, professor, Surgut state university

Kirichuk D. – Graduate student, Moscow City University

Kutumov A. – Postgraduate, Banzarov Buryat State University

Mosunova K. – International Institute of Informatics, Management, Economics and Law; ANO DPO "Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology"

Nepomnyashchaya I. – Senior Assistant of the Krasnoyarsk Prosecutor for Supervision of Compliance with Laws in correctional Institutions

Potapova E. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Siberian Federal University

Ri Shin Khian – Candidate of psychological sciences, Associate professor, Sakhalin State University

Our authors

Ryzhov K. – Postgraduate Student, Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering (ANO VO "MITU-MASI")

Sadon E. – candidate of psychological sciences, associate professor, Pacific State Medical University (Vladivostok)

Shuvalova O. – PhD (Medicine), Surgut state University

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Skutina T. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Siberian Federal University

Sokolov V. – Crimean Federal University

Tkach D. – Ph.D. in History of Arts, Professor, Russian State University named after A.N. Kosygin (Technology. Design. Art) Moscow

Trifonov M. – Postgraduate, Russian State Social University

Tsvetkova N. – Ph.D. in Psychology, Docent, Moscow Pedagogical University

Umanskaya E. – Ph.D. in Psychology, Docent, Moscow Pedagogical University

Vasilyeva E. – Candidate of Legal Sciences, lawyer of the Bar Association, «Gridnev, Kharitonov and Partners»

Volnykh S. – PhD student, Altai State Pedagogical University, Barnaul)

Vysotskaya I. – Independent researcher, St. Petersburg

Wu Hongchang – Postgraduate student, Russian State University A.N. Kosygin (Technologies. Design. Art) Moscow

Yakovleva S. – Senior Inspector of the Personnel and Personnel Management Department of the FKU SIZO-6 of the Federal Penitentiary Service of Russia in Moscow

Zhang Jianwen – Senior Lecturer, Heihe University, People's Republic of China,

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).